
ВСЕСОЮЗНЫЙ ИНСТИТУТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ СССР

КУРС
СОВЕТСКОГО
УГОЛОВНОГО
ПРАВА

МОСКВА · 1950

ПРОФ. Б. С. УТЕВСКИЙ

ВИНА
В
СОВЕТСКОМ
УГОЛОВНОМ
ПРАВЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Настоящая работа представляет собою том курса советского уголовного права, посвященный вопросу о вине в советском социалистическом уголовном праве как общем основании уголовной ответственности и как элементе состава преступления.

Работа предназначена для научных работников, аспирантов, студентов, а также для практических работников органов юстиции, интересующихся вопросами теории уголовного права.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основным положением при теоретическом изучении советского социалистического уголовного права является принципиальное политическое отличие его от уголовного права эксплуататорских государств. Советское социалистическое уголовное право — это право нового и притом высшего типа. Институты советского уголовного права — институты нового и притом высшего типа, принципиально отличные от одноименных институтов уголовного права эксплуататорских государств. Если буржуазное уголовное право, а значит, и каждый из его институтов служат интересам эксплуататорских классов, играют реакционную роль, то советское социалистическое уголовное право, его институты служат интересам народа, трудящихся и выполняют передовую, революционную историческую роль. Это, разумеется, полностью относится и к вине как институту социалистического уголовного права.

Другим важнейшим положением, обязательным для каждого исследователя институтов социалистического уголовного права, является недопустимость догматико-юридического их изучения, рассмотрения их исключительно с технико-юридической точки зрения, с точки зрения сведения всего содержания рассматриваемых институтов к юридическим конструкциям. Нет нужды доказывать, что подобный метод является методом буржуазной науки уголовного права и что применение этого метода грозит превратить советскую науку уголовного права в так называемую «юриспруденцию понятий» («Begriffsjurisprudenz»), в сумму юридических абстракций, оторванных от их политической основы. Нельзя допустить, чтобы за формальными догматическими конструкциями оставалось скрытым и невыясненным материальное, классовое, политическое содержание институтов социалистического уголовного права, иными словами, нельзя впасть в порок, присущий буржуазным юристам, для которых

право является «самодовлеющим элементом»¹, которые «забывают о происхождении своего права из экономических условий их жизни»² и которые скрывают, что «всякое юридическое существо имеет по своему происхождению политическую природу»³.

Для того, чтобы избежать при исследовании институтов советского социалистического уголовного права таких ошибок, недостаточно ограничиться только формально-юридическими определениями рассматриваемых институтов и понятий. Как ни важны для правовой культуры, для социалистической законности, для потребностей практики юридически точные определения, но, взятые сами по себе, они не позволяют познать социалистическую природу советского уголовного права и его отдельных институтов, раскрыть их принципиальное политическое отличие от одноименных институтов буржуазного уголовного права.

Марксистско-ленинское учение о государстве и праве требует, чтобы при изучении любого института уголовного права вскрывались стоящие за ним политические классовые интересы. Для познания институтов советского социалистического уголовного права необходимо установить их материальное содержание, показать, как вина, соучастие, необходимая оборона и другие институты советского уголовного права выполняют свою политическую роль в деле охраны интересов социалистического государства.

Как известно, до 1937 г. в советской юридической литературе встречались нигилистические взгляды на вину (об этом подробнее будет сказано ниже), несмотря на то, что советское законодательство и судебная практика с первых дней после Октябрьской революции считали вину обязательным условием уголовной ответственности. Некоторые авторы в лучшем случае признавали возможным сохранение в советском уголовном праве понятий умысла и неосторожности, но отрицали необходимость сохранения в советском социалистическом праве понятия вины. Отдельные авторы — вопреки прямым указаниям

¹ Энгельс, Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 70.

² Там же.

³ Энгельс, Маркс и Энгельс, Соч., т. II, стр. 383.

классиков марксизма-ленинизма, а некоторые, вредительно извратив эти указания, доходили до отрицания необходимости для советского уголовного права института вины и делали грубые попытки подменить вину, умысел и неосторожность понятием социальной опасности деяния и деятеля. Определенную отрицательную роль сыграло при этом некритическое заимствование некоторыми авторами реакционных идей социологического направления в буржуазной науке уголовного права.

Только после доклада А. Я. Вышинского в 1937 г. «К положению на фронте правовой теории»¹, в котором были подвергнуты суровой критике подобные взгляды на вину, прекратились нигилистические попытки отрицания вины как одного из основных институтов советского социалистического уголовного права.

Однако, несмотря на имевшие место ошибки и извращения в вопросе о вине, советские криминалисты провели большую работу по теоретической разработке проблемы вины.

Путь, пройденный советскими криминалистами, был трудным и сложным. Проблема вины — одна из труднейших проблем уголовного права. Совершенно естественно, что решение этой задачи далось не сразу и что неизбежны были ошибки при ее решении.

В первом издании учебника *Общей части уголовного права для юридических вузов Всесоюзного института юридических наук* (изд. 1938 г.) проблеме вины было придано то большое значение, которое она заслуживает. Однако материальное (морально-политическое) содержание вины здесь не было еще развернуто. Учебник не пошел дальше формально-психологического определения форм вины, умысла и неосторожности, дальше чисто юридической трактовки вины как элемента состава преступления. Вопрос о природе вины как института социального уголовного права и, в частности, как основания уголовной ответственности не ставился. Ни в первом, ни в последующих изданиях этого учебника (вплоть до издания 1948 г.), ни в других учебниках авторы не ставили себе задачи выяснения морально-политического содержания вины как основания уголовной

¹ А. Я. Вышинский, *К положению на фронте правовой теории*, М., 1937 г.

ответственности перед социалистическим государством, в противоположность вине как основанию уголовной ответственности перед буржуазным (да и вообще перед всяким эксплуататорским) государством.

Между тем ясно, что вина в социалистическом уголовном праве — это институт, имеющий принципиально иной классовый смысл, иное морально-политическое содержание и вместе с тем иную юридическую природу, чем институт вины в уголовном праве эксплуататорских государств, в частности, в буржуазном уголовном праве.

Трактовка вины только как одного из элементов состава преступления (его субъективной стороны) и притом только с точки зрения формально-психологической, механически воспроизводила в советской науке уголовного права положения традиционных буржуазных формально-психологических определений форм вины — умысла и неосторожности. Понятие вины отрывалось от конкретно-исторической обстановки. Отсутствовала попытка показать классовое, морально-политическое содержание этих институтов как институтов советского социалистического уголовного права.

Трактовка вины только как наличия у подсудимого определенного психического отношения к содеянному им и к последствиям содеянного не удовлетворяет требованию партийности при изучении проблемы вины.

Основным принципом материализма является его направленность, его партийность¹. Ленин указывал, что «... материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»².

Отсутствие партийности при изучении вины выражается в том, что вина не рассматривается как один из тех институтов уголовного права, которые должны непосредственно служить орудием советского суда в его борьбе с врагами народа и с преступлениями, совершаемыми под влиянием пережитков прошлого в сознании отсталых элементов из среды трудящихся. Противоречило бы принципу партийности превращение вины в фор-

¹ См. А. Жданов, Выступление на дискуссии по книге Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г., стр. 19.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 276.

мально-психологическое понятие, сведение ее только к умыслу и неосторожности как субъективной стороне состава преступления, отказ от изучения вины как общего основания уголовной ответственности, уклонение от задачи показа нового качества вины в советском уголовном праве как вины перед социалистическим государством.

Задача науки социалистического уголовного права при изучении проблемы вины и состоит в том, чтобы найти и показать особую природу вины в советском уголовном праве.

В настоящей работе делаются попытки разрешения этой задачи.

Настоящая работа исходит из того положения, что нельзя богатую содержанием проблему вины сводить только к умыслу и неосторожности как субъективной стороне состава преступления, притом понимаемым узко, формально-психологически. Необходимо изучению умысла и неосторожности как элемента состава преступления, как субъективной его стороны предпослать изучение вины как общего основания уголовной ответственности перед социалистическим государством.

Вина как субъективная сторона преступления действительно является в советском уголовном праве важнейшим элементом состава преступления, гарантией законности и осуществления принципа индивидуальной ответственности. В этом смысле положение, что без умысла или неосторожности нет вины и вместе с тем нет и состава преступления, — бесспорно. Но, как ни важно это положение, установить его — это еще не означает исчерпать вопрос о вине. Понятие вины как общего основания уголовной ответственности гораздо шире и богаче, чем понятие вины как субъективной стороны состава преступления. Вина как общее основание уголовной ответственности включает в себя и вину как субъективную сторону преступления. Но она включает в себя и многое другое.

Задача советского суда при разрешении вопроса о виновности подсудимого отнюдь не исчерпывается поэтому установлением наличия или отсутствия у подсудимого умысла или неосторожности, хотя без умысла или неосторожности в действиях лица нет состава преступления. Суд по каждому конкретному делу не только устанавливает наличие умысла или неосторожности у подсудимого, но

дает его действиям и ему самому морально-политическую оценку, решает вопрос об его виновности.

Проблема вины в советском социалистическом уголовном праве тесно связана с проблемой поведения человека — гражданина СССР. Вместе с тем проблема вины — это проблема морально-политической оценки поведения подсудимого. Виновное поведение — это поведение, получающее отрицательную оценку с точки зрения социалистической морали и социалистического права и служащее основанием уголовной ответственности.

Гражданин СССР, признанный советским судом виновным, виновен перед своим, перед социалистическим государством. Виновный перед социалистическим государством нарушил интересы всего народа, всех трудящихся, всего социалистического государства. Он действовал не в соответствии с правилами поведения советского гражданина, диктуемыми задачей постепенного перехода от социализма к коммунизму, а в нарушение этих правил, в нарушение долга советского гражданина. Его действия заслуживают морального и политического осуждения со стороны советского закона и советского суда. Каждый трудящийся солидаризуется с решением советского суда о виновности подсудимого, с осуждением подсудимого от имени социалистического государства.

Признанный буржуазным судом виновным нарушил интересы господствующего эксплуататорского класса. Он виновен, т. е. подлежит осуждению, с точки зрения этого, т. е. эксплуататорского класса.

Отрицательная общественная морально-политическая оценка поведения подсудимого и его отношения к своему поведению находит свое выражение в осуждении его и его поведения советским законом и советским судом. Как будет показано ниже, такая оценка ничего общего не имеет с той оценкой, которая положена в основу буржуазных неокантианских теорий, получивших хождение в буржуазной юридической литературе в эпоху империализма, явившихся выражением реакции в области буржуазного уголовного права, сводивших вину исключительно к оценке тех или других действий судьями, т. е. переносивших психический процесс при вине с подсудимого на суд и подготовивших путь для реакционнейшего фашистского «волевого уголовного права».

В социалистическом уголовном праве отрицательная оценка судом поведения подсудимого, признание в его действиях вины как основания уголовной ответственности предполагает как строго обязательное условие прежде всего точное соответствие действий подсудимого определенному составу преступления и тем самым наличие умысла или неосторожности как одного из элементов состава преступления, предполагает, далее, наличие ряда объективных и субъективных обстоятельств, требуемых социалистическим законом и социалистической моралью для признания подсудимого виновным.

В противоположность буржуазному уголовному праву содержание умысла и неосторожности в советском уголовном праве не ограничивается психическим отношением лица к содеянному им и к последствиям содеянного. Умысел и неосторожность в советском уголовном праве наполнены определенным классово-политическим содержанием. Конечно, если умысел и неосторожность сводить только к формальным комбинациям предвидения и желания последствий деяния, то умысел и неосторожность оказываются понятиями, лишенными всякого классово-политического характера, и теряют всякое отличие от соответствующих понятий буржуазного уголовного права. Но если не исключать из определений умысла и неосторожности тот признак, который придали им ст. 6 «Основных Начал» уголовного законодательства и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик (ст. 10 УК РСФСР), а именно: указание на общественно-опасный характер предвиденных последствий деяния виновного, и теоретически развернуть этот признак, — то умысел и неосторожность приобретают свойственный им классово-политический характер.

Предвидение виновным и желание наступления последствий, опасных для социалистического государства, принципиально отличны от предвидения и желания последствий, опасных для буржуазного государства.

Принципиально отличны по своему социально-политическому характеру от соответствующих психических процессов у нарушителя буржуазных уголовных законов психические процессы в области сознания, воли и чувств (эмоций), имеющие место при обеих формах вины у нарушителя советских уголовных законов.

Сознание, воля и эмоции, все миросозерцание советского гражданина не похожи на сознание, волю, эмоции и миросозерцание людей буржуазного мира. Граждане СССР имеют возможность создавать правильное, свободное представление о своих действиях и о последствиях своих действий. Их воля направлена на совмещение индивидуальных и коллективных интересов, на совершение трудовых и воинских подвигов, на преодоление препятствий, стоящих на пути к достижению великих задач строительства социализма и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Задача советских криминалистов в том и заключается, чтобы показать, что граждане СССР, нарушающие советские уголовные законы, подчиняют свое сознание чуждым влияниям, пережиткам и идеям и направляют свою волю на достижение целей, вызывающих отрицательную морально-политическую оценку советских людей, как целей, противоречащих великому делу постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Из изложенного выше следует, что установление у подсудимого одного лишь умысла или неосторожности в формально-психологическом смысле не всегда означает наличие у подсудимого вины как основания уголовной ответственности его перед социалистическим государством. Такой вины нет, когда формально выполнен состав преступления и установлено наличие у лица, совершившего действие, умысла или неосторожности в формально-психологическом смысле, но имеются налицо обстоятельства, которые закон признает исключаящими вину. Такой вины нет и тогда, когда имеются психологические признаки умысла, но установлены обстоятельства, дающие суду основание признать в действиях подсудимого не уголовно-наказуемое деяние, а дисциплинарный проступок и т. д.

Таким образом, для признания наличия у подсудимого вины как основания уголовной ответственности требуется нечто большее, чем установление при умышленных преступлениях, что лицо предвидело результаты своих действий и желало их наступления, а при неосторожных преступлениях, что лицо не предвидело последствий своих действий, хотя и должно было и могло их предвидеть.

Проблема вины как основания уголовной ответственности связана с философской проблемой свободы воли,

В буржуазной литературе споры по поводу обоснованной вины и ответственности за нее носили схоластический характер. Однако за этой схоластической формой скрывались определенные классовые интересы, находившие свое выражение в споре представителей различных прослоек в лагере буржуазии. Сторонники индетерминизма и буржуазные детерминисты, стоявшие на позициях механистического материализма, пытались доказать, что при детерминистическом взгляде на поведение человека невозможно обосновать вину и уголовную ответственность.

В настоящей работе вопрос о соотношении свободы воли и вины подвергается специальному рассмотрению. Марксистско-ленинское учение о свободе воли не исключает вины в уголовном праве. Более того, оно дает учению о вине философскую базу. Решающую роль в этом вопросе играет замечательное, установленное Лениным, положение: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹.

Теория социалистического уголовного права не может быть оторвана от практики советских органов юстиции. Она связана с практикой в двух направлениях. Она должна покоиться на практике органов юстиции, должна изучать ее, систематизировать и развивать ее, делать из нее необходимые теоретические выводы. В то же время она должна помогать органам юстиции, вооружать их теоретически, давать им в руки новые средства борьбы за социалистическое правосудие.

Настоящая работа посылно пытается связать теорию и практику в обоих этих направлениях. Советское уголовное законодательство и практика органов юстиции дают обильный материал и для изучения вины в изложенном выше смысле.


Вместе с тем, установление содержания вины как основания уголовной ответственности в советском уголов-

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 77.

Ном праве, теоретическое обоснование такого именно содержания вины, проведение четкого различия между виной как основанием уголовной ответственности, с одной стороны, и умыслом и неосторожностью как одним из элементов состава преступления — с другой, должно содействовать тому, чтобы советские органы юстиции с еще большей тщательностью и глубиной исследовали все обстоятельства дела, дающие возможность вынести решение о виновности или невиновности подсудимого.

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я

В И Н А
КАК ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
В СОВЕТСКОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ



ВВЕДЕНИЕ

Проблема вины как института советского социалистического уголовного права тесно связана с проблемой уголовной ответственности.

В социалистическом государстве, в государстве социалистической демократии, где интересы и права личности каждого гражданина охраняются Сталинской Конституцией, уголовными и другими законами, вопрос об основаниях уголовной ответственности, связанный с применением к подсудимому более или менее суровых мер репрессии, приобретает особое политическое значение.

Советское социалистическое уголовное право не знает уголовной ответственности без вины. Безусловное требование закона о доказанности в каждом конкретном уголовном деле вины подсудимого является одной из важнейших демократических гарантий правосудия.

Если это положение не вызывает никаких сомнений и не допускает никаких споров, то меньшая ясность имеется по вопросу о том, какое содержание вкладывается в понятие вины, когда выставляется положение — без вины нет уголовной ответственности.

Господствующим в советской уголовно-правовой литературе взглядом является сведение вины только к субъективной стороне состава преступления, т. е. к умыслу и неосторожности. Во всех советских учебниках уголовного права вина понимается только в этом смысле. Так, в учебнике «Уголовное право. Общая часть» для юридических институтов и юридических факультетов (1948 г.) имеется параграф (§ 75), озаглавленный — «Вина как условие уголовной ответственности». Однако в этом параграфе речь идет о вине только как о субъективной стороне состава преступления. О вине в каком-либо ином смысле ни в этом параграфе, ни в учебнике вообще не говорится.¹

¹ Уголовное право. Общая часть, Всесоюзный институт юридических наук, 1948 г., стр. 334.

В учебнике общей части уголовного права А. А. Герцензона имеется параграф под названием «Основания ответственности» (§ 64). Имеется также параграф, озаглавленный — «Понятие вины» (§ 65). Но и в этих параграфах автор понимает вину только в смысле субъективной стороны состава преступления¹.

Такое же положение — и в учебнике уголовного права для юридических школ².

Следует, однако, отметить, что в советской юридической литературе последних лет появились работы, которые не находят возможным при изучении проблемы вины ограничиваться только изучением вины как субъективной стороны состава преступления и считают, что кроме вины в этом смысле, т. е. вины как умысла или неосторожности, советское социалистическое уголовное право знает также и вину как общее основание уголовной ответственности.

В статье проф. А. Н. Трайница «Система общей части уголовного права» проводится мысль о необходимости введения в систему Общей части советского уголовного права раздела «Основания уголовной ответственности», причем одним из таких оснований автор признает вину. Вина, по мнению А. Н. Трайнина, является субъективным основанием уголовной ответственности наряду с причинной связью как объективным основанием уголовной ответственности.

Постановка вопроса о необходимости рассматривать вину не только как субъективную сторону состава преступления, но и как основание уголовной ответственности, является значительным шагом вперед при изучении проблемы вины. Но, к сожалению, проф. А. Н. Трайнин, говоря о содержании вины как основании уголовной ответственности, имеет в виду только умысел и неосторожность, т. е. ту же субъективную сторону состава преступления. А так как в другом разделе системы Общей части (раздел «Преступление») среди элементов состава преступления автор упоминает и «Элементы состава, характеризующие субъективную сторону преступления», то неясным остается, чем же вина как основание уголовной от-

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 323 и 328.

² Уголовное право, учебник для юридических школ, 1947 г.

ветственности отличается по своему содержанию от вины как субъективной стороны состава преступления¹.

В 1949 г. вышла в свет работа проф. Б. С. Маньковского «Проблема ответственности в уголовном праве». В этой работе, представляющей значительный интерес для развития учения о вине в советском уголовном праве, содержится заявление, что «при уяснении сущности понятия вины следует различать вину как одно из общих оснований уголовной ответственности и вину как элемент состава преступления». Автор, далее, правильно указывает, что вина как общее основание уголовной ответственности значительно шире вины как субъективной стороны состава преступления. Но, к сожалению, Б. С. Маньковский не останавливается на вопросе о содержании вины как общего основания уголовной ответственности и в дальнейшем говорит также только об умысле и неосторожности. Определение Б. С. Маньковским вины в советском социалистическом уголовном праве также охватывает только умысел и неосторожность².

Между тем вину как общее основание уголовной ответственности действительно можно и нужно различать от вины как субъективной стороны состава преступления. Вина как общее основание уголовной ответственности имеет более широкое содержание, не совпадающее с содержанием вины как субъективной стороны состава преступления. Понятие вины как общего основания уголовной ответственности охватывает и оценку субъективной стороны состава преступления.

Богатая содержанием проблема вины не ограничивается только лишь субъективной стороной состава преступления и не может быть сведена только к умыслу и неосторожности как формам вины.

Совершенно бесспорно и не подлежит никакому сомнению, что вина как субъективная сторона состава преступления является в советском социалистическом уголовном праве важнейшим элементом каждого состава преступления. Требование умысла или неосторожности является гарантией законности и осуществления принципа индивиду-

¹ А. Н. Трайнин, Система Общей части уголовного права, «Советское государство и право», 1946 г., № 5—6.

² Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 105 и 118.

дуальной ответственности. В этом смысле положение, что без умысла или неосторожности нет состава преступления, имеет политическое значение, являясь залогом социалистической законности при отправлении советскими судами правосудия по уголовным делам.

Но как ни важно это положение, установить его — это еще не значит исчерпать вопрос о вине. Когда советский суд в итоге проведенного судебного следствия решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого, то это не означает, что он ограничивается установлением или отрицанием наличия умысла или неосторожности в действиях подсудимого. Изучение судебной практики показывает, что решение судом вопроса о виновности или невиновности подсудимого означает не просто констатирование в его действиях наличия или отсутствия умысла или неосторожности, а морально-политическую оценку совокупности обстоятельств, относящихся не только к субъективной стороне преступления, не только к наличию или отсутствию умысла или неосторожности, но и к объективной стороне, к личности подсудимого, к условиям, в которых подсудимый действовал, и т. д.

Мы полагаем, что вопрос о вине как общем основании уголовной ответственности — это важнейшая часть учения о вине в советском социалистическом уголовном праве. Изучению вопроса о вине как субъективной стороне состава преступления должно предшествовать изучение более общего вопроса о вине как основании уголовной ответственности. Правильное понимание значения умысла и неосторожности как субъективной стороны состава преступления невозможно, по нашему мнению, без предварительного исследования вопроса о вине как общем основании уголовной ответственности.

Научное изучение проблемы вины в советском социалистическом уголовном праве требует, таким образом, анализа ряда вопросов, а именно: вопросов о понятии и обосновании уголовной ответственности, вопроса о вине как общем основании уголовной ответственности (куда входит и вопрос о степенях вины) и, наконец, вопроса о вине как субъективной стороне состава преступления. Первым двум вопросам посвящена первая часть настоящей работы, последнему — вторая часть.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПОНЯТИЕ И ОБОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

§ 1. Понятие уголовной ответственности

Проблема уголовной ответственности в советском социалистическом уголовном праве — это проблема поведения граждан СССР в обществе, проблема их отношения к господствующему в СССР общественному и государственному строю — отношения, выразившегося в определенных действиях, нарушающих интересы социалистического государства.

Проблема уголовной ответственности — это вместе с тем проблема морально-политической оценки поведения граждан законами и судами социалистического государства с точки зрения интересов трудящихся, с точки зрения их морали и их правосознания. Наконец, проблема уголовной ответственности — это проблема определенной реакции социалистического государства на осуждаемые им действия, — реакции, выражающейся в применении к виновным уголовного наказания.

Проблема уголовной ответственности не может решаться абстрактно, вне времени и пространства. Она разрешается по-разному в зависимости от того, о каком общественном строе и о государстве какого господствующего класса идет речь. Эта проблема одним образом разрешается в эксплуататорском государстве и принципиально иным — в социалистическом государстве.

Таким образом, проблема уголовной ответственности — это проблема общественная, классовая, политическая. Содержание уголовной ответственности и круг действий, влекущих за собой уголовную ответственность, определяются интересами господствующего класса и этим

классом устанавливаются. Всякая социальная революция, приводящая к власти новый общественный класс, означает решительное изменение характера уголовной ответственности, круга действий, влекущих за собой уголовную ответственность.

Уголовная ответственность — это только одна из форм ответственности.

Понятие ответственности (политической, моральной, уголовной и др.) не получило и не могло получить в буржуазной литературе и законодательстве какого-либо развития. Буржуазные юристы не могли ставить себе задачу раскрыть содержание ответственности, ибо о какой ответственности для преобладающего большинства, т. е. для народа, могла бы идти речь в буржуазном обществе? Только об ответственности перед враждебным классом, перед враждебным государством. Для большинства, для народа в буржуазном обществе всякая устанавливаемая и осуществляемая господствующим классом ответственность (политическая, моральная, уголовная и др.) — это ответственность, находящаяся в противоречии с интересами народа.

Иначе обстоит дело в социалистическом государстве, где все законодательство, в том числе уголовное, служит интересам всего народа, где ответственность каждого трудящегося — это ответственность перед народом, перед своим государством и где содержание ответственности отвечает морали и правосознанию всех трудящихся, всего народа.

Не только в советской уголовно-правовой литературе и в уголовном законодательстве, но и в советской литературе по административному, гражданскому праву и другим отраслям советского права понятие ответственности является одним из центральных понятий. С этим понятием мы встречаемся также в ряде законодательных актов по различным отраслям права.

Понятие ответственности имеет большое значение в административном праве. Авторы учебника «Административное право СССР» пишут, что «Ответственность в зависимости от характера нарушения различается: дисциплинарная, уголовная, имущественно-материальная и административная»¹.

¹ И. Евтихийев и В. Власов, Административное право СССР, 1946 г., стр. 58.

Ряд журнальных статей посвящен, в частности, вопросам дисциплинарной ответственности. Так, например, в статье Ц. А. Ямпольской о «Служебной дисциплине и дисциплинарном проступке» неоднократно говорится о дисциплинарной ответственности. Однако анализа понятия «дисциплинарной ответственности» автор не дает, и что представляет собою «дисциплинарная ответственность», остается нераскрытым¹. Точно так же в статье Б. Р. Левина «К вопросу об административной ответственности» не дается определения «административной ответственности»².

Ответственность является одним из существенных понятий также и гражданского права. В учебнике гражданского права ряд параграфов содержит в названии термин «ответственность». Здесь говорится об «Ответственности за недееспособных» (§ 6 гл. XX), «Ответственности юридических лиц» (§ 7 гл. XX), «Ответственности учреждений за действия должностных лиц» (§ 8 гл. XX) и др.³. Однако и этот учебник не пытается проанализировать понятие ответственности как института гражданского права.

Понятие «ответственности» не раскрывается и в работах по теории государства и права, несмотря на то, что это понятие является, как мы видели, общим для ряда отраслей социалистического права.

В социалистическом уголовном праве ответственность является настолько важным понятием, что в литературе было сделано предложение выделить в системе Общей части в особый раздел вопрос об «Общих основаниях уголовной ответственности»⁴.

¹ Ц. А. Ямпольская, Служебная дисциплина и дисциплинарная ответственность, «Советское государство и право», 1947 г., № 12.

² Б. Р. Левин, К вопросу об административной ответственности, «Советское государство и право», 1947 г., № 6.

³ Гражданское право, т. I, 1944 г., стр. 331, 339, 353, 342, 355 и др.

⁴ А. Н. Трайнин, Система Общей части уголовного права, «Советское государство и право», 1946 г., № 5—6, стр. 11. На происходивших в апреле — мае 1949 г. в г. Москве обсуждениях вопроса о системе курса Общей части уголовного права (в секторах уголовного права Института права Академии Наук и Всесоюзного института юридических наук) многими советскими криминалистами была поддержана мысль о необходимости введения в указанную систему специального раздела «Основания уголовной ответственности». В настоящее время в учебниках уголовного права (см. учебник Общей части уголовного права ВЮОН, изд. 4-е, 1948 г.; А. А. Гер-

Уголовные кодексы союзных республик в ряде статей применяют термин «ответственность» (ст. ст. 3, 4, 5, 14, прим. 1 и 2 к ст. ст. 14, 16 и др. УК РСФСР)¹. Термин «ответственность» встречается и в других законодательных актах уголовно-правового характера. Тем не менее понятие уголовной ответственности остается в советской уголовно-правовой литературе невыясненным².

Понятие уголовной ответственности в советском праве может быть раскрыто только на основе высказываний Ленина и Сталина об ответственности. В трудах Ленина и Сталина содержатся политические и теоретические основы для научной разработки вопроса об ответственности. Ленин и Сталин в своих высказываниях показывают содержание ответственности политической (ответственность перед государством, перед народом, перед рабочим классом, перед революцией), ответственности партийной, ответственности коллективной и индивидуальной, ответственности дисциплинарной и уголовной.

Ленин говорил неоднократно об ответственности политических деятелей перед рабочим классом. В 1917 г. он писал о Циммервальде: «И мы участвуем в комедии, отвечая за нее перед рабочими»³. Ленин придавал большее значение этой ответственности. Он писал далее: «Надо уйти из Циммервальда тотчас. Оставаясь там только для информации, мы ничего не теряем, но не отвечаем за комедию «ожидания» Стокгольма»⁴.

Товарищ Сталин показал, как отвечает народ на нарушение его руководителями их политических обязанностей: «Рабочие СССР выросли и воспитались в буре трех революций. Они научились, как никто, проверять своих руководителей и вышибать их вон, если они не удовлетворяют

цензона. Уголовное право. Часть Общая, 1948 г.) вопрос об уголовной ответственности входит в учение о составе преступления.

¹ Здесь, как и во всей работе, в случаях, когда делаются ссылки на статьи кодексов РСФСР, имеются в виду и соответствующие статьи кодексов других союзных республик.

² В работе Б. С. Маньковского «Проблема ответственности в уголовном праве» (1949 г.) самое понятие ответственности вообще и уголовной ответственности в частности не анализируется. Автор пользуется этим понятием на всем протяжении книги, не раскрывая, однако, его содержания.

³ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 139.

⁴ Там же.

интересам пролетариата. Самым популярным человеком в нашей партии был одно время Плеханов. Однако, рабочие не остановились перед тем, чтобы решительно изолировать его, когда они убедились в отходе Плеханова от пролетарской линии»¹.

Ответственность за нарушение политических обязанностей товарищ Сталин ярко обрисовал в своей речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. Он сказал: «Наша Конституция... провела закон, в силу которого избиратели имеют право досрочно отозвать своих депутатов, если они иачи-иают финтить, если они свертывают с дороги, если они забывают о своей зависимости от народа, от избирателей... Свернул с дороги, избиратели имеют право потребовать назначения новых выборов, и депутата, свериувшего с дороги, они имеют право прокатать на вороных»².

Более тяжелое нарушение политических обязанностей может перерасти в преступление и повлечь уже уголовную ответственность. Ленин говорил в апреле 1919 г. по адресу эсеров и меньшевиков: «Если ты пришел сюда помогать нам — пожалуйста, а если ты будешь печатать газеты и подстрекать рабочих на забастовки, а от забастовок наши красноармейцы гибнут на фронтах и от каждого дня забастовки десятки тысяч людей на наших фабриках терпят лишения, муки голода, те муки, из-за которых мы волнуемся, — то ты, может быть, и прав с точки зрения учредилки, но с точки зрения нашей борьбы и ответственности, которую мы несем, ты неправ, ты не можешь нам помогать, убирайся в Грузию, убирайся к Колчаку, или ты будешь сидеть в тюрьме!»³.

Приведенные высказывания Ленина и Сталина показывают тесную связь между политическим долгом и политической ответственностью. Товарищ Сталин прямо отметил эту связь в своей речи на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа: «Я знаю, что значит доверие. Оно, естественно, возлагает на меня

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 177.

² И. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г., 1946 г., стр. 8.

³ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 214.

и новые, дополнительные обязанности и, стало-быть, новую, дополнительную ответственность»¹.

Аналогично ставят Ленин и Сталин вопрос об ответственности партийной, т. е. ответственности перед партией. Нарушение партийных обязанностей влечет за собою определенные последствия — партийные взыскания вплоть до исключения из партии. Ленину и Сталину неоднократно говорили о «партийных иаказаниях». Ленин писал в 1917 г. о членах ЦК и МК, вступивших в блок с оборонцами: «Еще и еще раз приходится настаивать на следствии и отстранении виновных»². В отношении предателей, выдавших капиталистам решения ЦК о вооруженном восстании, Ленин предлагал 19 октября (1 ноября) 1917 г. вынести такое решение ЦК: «Признав полный состав цнтрейкбрехерства в выступлении Зиновьева и Каменева в непартийной печати, ЦК исключает обоих из партии»³. Товарищ Сталин говорит о высшей мере наказания в партии (исключение из партии) в противовес высшей мере иаказания в армии (расстрел)⁴.

Политическая ответственность может принимать разные формы и влечь за собою различные последствия. М. И. Калинин говорил: «Кто отвечает за воспитание трудовых резервов? Вы, товарищ Москатов, отвечаете за воспитание трудовых резервов, а комсомол вам помогает. За какие-либо неладки в этом деле правительство призовет к ответу не комсомол, а вас. Может быть, при этом комсомолу и скажут: «Вы также, дорогие товарищи, плохо работаете», но руководителей комсомола за это не снимут с руководства, а снимут иачальника трудовых резервов»⁵.

Высказывания Ленина и Сталина дают возможность советским криминалистам установить содержание понятия уголовной ответственности, раскрыть его политическое значение, показать специфические признаки уголовной

¹ И. Сталин, Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 11 декабря 1937 г., 1946 г., стр. 5. О связи между политическими обязанностями и политической ответственностью см. также И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 517 и 518.

² Ленин, Соч., т. XXI, стр. 92.

³ Там же, стр. 355.

⁴ См. И. Сталин, Соч., т. 5, стр. 376.

⁵ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании, 1946 г., стр. 160.

ответственности, позволяющие отграничить ее от других видов ответственности и понять связь между ответственностью и виной.

В проекте Положения о рабочем контроле Ленин писал в ноябре 1917 г.: «Во всех предприятиях, имеющих общегосударственное значение, все владельцы и все выборные представители рабочих и служащих, выбранные для осуществления рабочего контроля, объявляются ответственными перед государством за строжайший порядок, дисциплину и охрану имущества. Виновные в нерадивости, сокрытии запасов, отчетов и пр. караются конфискацией всего имущества и тюрьмой до 5 лет»¹.

Ленин неоднократно связывал уголовную ответственность перед государством с наказанием. Говоря о «суровой ответственности» за нарушение форм и способов контроля работниками продовольственных органов за мероприятиями по улучшению продовольственного дела, Ленин в скобках прибавляет: «конфискация всего имущества»². В связи с организацией отчетности предприятий Центротекстиля Ленин писал: «Личная ответственность бывших капиталистов или бывших владельцев предприятий во всех главках и центрах (заключение тюрьмой, бывшие капиталисты расстрелом)»³.

С особенной отчетливостью содержание и основание ответственности выступают в указаниях Ленина и Сталина об ответственности должностных лиц. Ленин и Сталин множество раз указывали на то, что «коллективное обсуждение и решение всех вопросов управления в Советских учреждениях должно сопровождаться установлением самой точной ответственности каждого из состоящих на любой Советской должности лиц за выполнение определенных, ясно и недвусмысленно очерченных, заданий и практических работ»⁴.

Ленин и Сталин требуют установления «индивидуальной ответственности за делаемое»⁵, «реальной личной ответственности»⁶, личной от-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 25.

² Ленин, Соч., т. XXX, стр. 392.

³ Ленинский сборник, XXI, стр. 183.

⁴ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 430.

⁵ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 164.

⁶ Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 469.

ветственности «каждого за определенную, строго и точно означенную работу или часть работы»¹. Личной ответственности советских работников требует товарищ Сталин² (разрядка наша. — Б. У.).

Каковы же последствия нарушения должностными лицами их ответственности? Они могут быть, указывает Ленин, двоякого характера: или дисциплинарное взыскание, или уголовное наказание, — последнее в случае «вины более значительной»³.

Таким образом, можно установить содержание ответственности в советском уголовном праве.

Уголовная ответственность основана на обязанности не нарушать под страхом наказания правил поведения, установленных государственной властью и направленных на охрану наиболее важных интересов социалистического государства и граждан СССР.

Угроза уголовным наказанием — это то, что отличает ответственность уголовную от других форм ответственности. А. Я. Вышинский, говоря о грани «между нормами права и нормами нравственности», указывает, что «грань эта есть: мы видим ее во внешне-принудительной силе, подкрепляющей правовые требования. Правило «не убий», «не укради» — и нравственное, и юридическое правило. Но правовой нормой оно становится лишь тогда, когда за его спиной стоит угроза наказанием, когда его применение связывается с возможностью принудить к этому при помощи силы, исходящей от государственной власти»⁴.

Итак, уголовная ответственность в советском уголовном праве — это ответственность перед социалистическим государством.

Уголовная ответственность связана, далее, с нарушением определенных обязанностей граждан СССР. Наконец, уголовная ответственность влечет за собой применение советскими судами наказаний к виновным.

Ленин и Сталин содержание ответственности, в том числе уголовной ответственности, связывают с виной нарушителя.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 534.

² См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 591.

³ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 287.

⁴ А. Я. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права, «Советское государство и право», 1939 г., № 3, стр. 9.

В 1934 г., в докладе на XVII съезде ВКП(б), товарищ Сталин говорил об «ответственности любого провинившегося ответственного работника»¹.

В трудах Ленина также имеются чрезвычайно важные указания о связи между уголовной ответственностью и виной. Ленин говорил о привлечении «к ответственности лиц, виновных в волоките по изготовлению плугов Фаулера»². Он писал о необходимости сурового наказания ответственных виновников определенных «организационных дефектов»³, о привлечении к строжайшей ответственности виновников хищений металлических грузов со склада⁴.

На XI съезде партии Ленин 27 марта 1922 г. говорил: «Надо . . . тянуть к суду виновных за волокиту. Я думаю, пролетарский суд сумеет наказать, а чтобы наказать — надо найти виновных»⁵.

Таким образом, Ленин и Сталин видят основание уголовной ответственности в вине. Без вины не может быть ответственности. Как мы далее увидим, Ленин и Сталин всегда индивидуализируют ответственность.

Ответственность может быть большей или меньшей. В зависимости от степени ответственности и наказание должно быть большим или меньшим. Но ответственность и наказуемость деяния зависят от степени вины. Чем больше вина, тем более велика ответственность, а значит тем более велико и наказание. Ленин писал по делу о волоките с плугами Фаулера: «Ежели Ломова и Стюнкеля за «святость» на сей раз от наказания освобождаем, то Унксова (кажись, так?), который обязан был в С. Т. О. давать отчеты и не исполнил, на неделю под арест; — а Ильина (директор завода б. Ильина?) и весь фабком этого завода и весь состав правления профсоюза (соответственного) и весь состав комячейки такого-то завода или таких-то заводов объявляем виновными и в волоките, безрукости, в попустительстве бюрократизму и объявляем строгий выговор и общественное порицание»⁶.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 595.

² Ленин, Соч. XXIX, стр. 412.

³ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 417.

⁴ См. Ленинский сборник, т. VIII, стр. 41.

⁵ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 250—251.

⁶ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 415.

Итак, степень ответственности зависит от степени вины.

Из приведенных высказываний Ленина и Сталина об уголовной ответственности и вине видно, что они понимают вину как основание для партийного взыскания, для предания суду, для применения наказания, т. е. как основание всякой и, в частности, уголовной ответственности. Не в умысле и неосторожности видят Ленин и Сталин основание политической ответственности, партийной ответственности или уголовной ответственности. Не умысел и неосторожность имел в виду Ленин, когда он 28 июня 1918 г., анализируя вопрос, кто является виновным в мешочничестве, говорил: «Мы вовсе не виним того голодного измученного человека, который в одиночку едет за хлебом и достает его какими угодно средствами. . . Нельзя винить тех, кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя какими угодно средствами — достать хлеба, но можно винить тех, кто является партийным человеком и, проповедуя хлебную монополию, недостаточно поддерживает сознательность и сплоченность действий»¹.

Голодный, измученный человек, о котором говорил Ленин, занимался в одиночку мешочничеством умышленно, тем не менее Ленин не считал возможным признать его виновным. Ленин, разрешая вопрос о виновности этого человека, исходил не из наличия у него умысла иа занятии мешочничеством, а из морально-политической оценки действий этого человека в данной конкретной обстановке. Вина в смысле наличия умысла у человека, таким образом, имела, но вины как основания уголовной ответственности не было.

Морально-политическое содержание ответственности является исторически изменчивым. Ответственность перед феодальным государством иная по своему содержанию, чем ответственность перед рабовладельческим государством. В свою очередь, ответственность перед капиталистическим государством отличается по своему политическому содержанию от ответственности перед феодальным государством.

Содержание ответственности перед социалистическим государством принципиально отлично с точки зрения

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 98—99.

морально-политической от ответственности перед всяким эксплуататорским государством. Ответственность во всяком эксплуататорском государстве — это ответственность с точки зрения интересов эксплуататоров. Ответственность же перед социалистическим государством — это ответственность перед всеми трудящимися, перед всем народом, перед социалистическим государством рабочих и крестьян.

§ 2. Обоснование уголовной ответственности

Вопрос о вине как об общем основании уголовной ответственности не может быть решен без разрешения проблемы свободы воли, свободы и подчинения, действующая «со знанием дела».

Проблема свободы воли является одной из наиболее важных и основных проблем советской теории уголовного права. «Невозможно, — говорит Энгельс, — рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»¹.

Марксистско-ленинское учение дает единственно научный ответ на все эти вопросы.

Марксизм-ленинизм отвергает распространяемую идеалистами «вздорную побасенку о свободе воли»². Марксизм-ленинизм разоблачает антинаучность и реакционность идеалистического понимания свободы воли, показывает всю бессмысленность идеалистических утверждений о беспричинности и необусловленности человеческих действий. Но марксизм-ленинизм отрицает и фаталистическую предопределенность, несовместимую с общественной оценкой человеческого поведения, с ответственностью человека за совершаемое им. Марксизм-ленинизм дает единственно научное обоснование возможности и необходимости общественной оценки человеческого поведения и ответственности человека за его поступки.

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 106. См. А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 151: «Проблема свободы воли действительно имеет решающее значение для построения науки уголовного права и для всего направления уголовной политики».

² Ленин, Соч., т. I, стр. 77.

Ленин говорит, что только «кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»¹. На самом деле сознание человека отражает объективный мир, и «цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его, как данное, наличное»².

Классики марксизма-ленинизма установили, что сознание человека зависит от материальных условий жизни: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»³.

Товарищ Сталин с классической ясностью показал, что сознание человека вторично, производно. Он писал: «В противоположность идеализму, утверждающему, что реально существует лишь наше сознание, что материальный мир, бытие, природа существует лишь в нашем сознании, в наших ощущениях, представлениях, понятиях, — марксистский философский материализм исходит из того, что материя, природа, бытие представляет объективную реальность, существующую вне и независимо от сознания, что материя первична, так как она является источником ощущений, представлений, сознания, а сознание вторично, производно, так как оно является отображением материи, отображением бытия, что мышление есть продукт материи, достигшей в своем развитии высокой степени совершенства, а именно — продукт мозга, а мозг — орган мышления, что нельзя поэтому отделять мышление от материи, не желая впасть в грубую ошибку»⁴.

Товарищ Сталин показал на примере отдельного рабочего, как сознание людей изменяется в зависимости от изменения внешних, материальных условий⁵. В зависимости от изменения материальных условий изменяются характер и содержание сознания. «Наступило время, — писал товарищ Сталин в 1905—1906 гг., — когда в производство проникло различие «моего» и «твоего», — тогда и собственность приняла частный, индивидуалистический характер, и поэтому сознание людей прониклось чувством частной собственности. Наступает время, нынешнее

¹ Ленин, Философские тетради, 1947 г., стр. 162—163.

² Там же, стр. 162.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 6—7.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 542.

⁵ См. И. Сталин, Соч., т. I, стр. 314—316.

время, когда производство вновь принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер, — и именно поэтому сознание людей постепенно проникается социализмом»¹.

Но первичность материи и вторичность сознания, зависимость сознания от материальных условий отнюдь не означает пассивности сознания, фаталистической предопределенности поведения человека, отсутствия у него возможности влияния на развитие общества. «Детерминизм, — говорит Ленин, — не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»². В противоположность вульгарному материализму, марксизм-ленинизм учит тому, что общественное сознание оказывает обратное воздействие на бытие, что сознание, правильно отражающее объективные законы развития общества, оказывает особенно сильное влияние на развитие общественной жизни. Товарищ Сталин с исключительной ясностью показал влияние как отсталых, так и передовых идей на развитие общества.

Товарищ Сталин говорит: «Что касается значения общественных идей, теорий, взглядов, политических учреждений, что касается их роли в истории, то исторический материализм не только не отрицает, а, наоборот, подчеркивает их серьезную роль и значение в жизни общества, в истории общества»³.

Эту мысль товарищ Сталин применяет к идеям отсталым и передовым. Товарищ Сталин пишет: «Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества. Их значение состоит в том, что они тормозят развитие общества, его продвижение вперед. Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед, причем они приобретают тем большее значение, чем точнее они отражают потребности развития материальной жизни общества»⁴.

¹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 314.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 292.

³ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 546.

⁴ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 546.

Марксизм-ленинизм подлинно научно исследует понятие свободы воли и материалистически раскрывает ее содержание.

Энгельс показал, что «не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода, а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей. Это относится как к законам внешней природы, так и к законам, управляющим телесным и духовным бытием самого человека, — два класса законов, которые мы можем отделять оди от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности. Свобода воли означает, следовательно, не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Таким образом, чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения, тогда как неуверенность, имеющая в своей основе незнание и выбирающая как будто произвольно между многими различными и противоречащими друг другу возможными решениями, тем самым доказывает свою несвободу, свою подчиненность тому предмету, который она как раз должна была бы подчинить себе. Свобода, следовательно, состоит в основанном на познании необходимостей природы (*Naturpotwendigkeiten*) господстве над нами самими и над внешней природой»¹.

Таким образом, свобода человеческой воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела.

В советской юридической литературе справедливо указывалось, что это понимание свободы воли должно быть положено в основание уголовной ответственности². Однако нельзя согласиться с механическим применением указаний Энгельса к деятельности преступника, с приписыванием ему той «свободы» и того «знания дела», о которых говорит Энгельс.

Так, например, решает вопрос проф. А. А. Пионтковский в учебнике *Общей части уголовного права ВЮОН*. Он пишет: «Способность человека действовать со

¹ Энгельс, *Анти-Дюринг*, 1948 г., стр. 107.

² *Уголовное право, Общая часть*, 1948 г., стр. 335—336.

знанием дела вызывает ответственность человека за совершенные действия, служит субъективным основанием вменения совершенного ему в вину, определяет его вину за совершенные преступления. Чем с большим знанием дела и с большим сознанием общественного значения последствий своего поступка действует человек, тем более ответствен он за совершенные действия, тем больше и его вина в совершении преступления»¹.

Как видно, автор исходит из положения, что преступник действует со знанием дела и что в этом заключается субъективное основание его ответственности. Поскольку же, как указывает Энгельс, свобода заключается в способности принимать решения со знанием дела, следует сделать вывод, что преступник, принимая решения со знанием дела, действует «свободно».

Такое перенесение на преступника положения Энгельса о «свободе» и действовании «со знанием дела» является механическим.

Когда Энгельс говорит о свободе, он имеет в виду не способность человека выбирать решения вообще, а способность выбирать такие решения, которые находятся в соответствии с законам общественного развития, которые означают господство над обстоятельствами и отношениями. Маркс и Энгельс прямо говорят: «Свобода определялась до сих пор философами двояко: во-первых, как власть, как господство над обстоятельствами и отношениями, в которых живет индивид, — так она определялась всеми материалистами; с другой же стороны, — как самоопределение, избавление от действительного мира, как лишь мнимая свобода духа, — так она определяется у всех идеалистов, особенно у немецких»².

С первой из этих двух точек зрения, т. е. с точки зрения материалистической. Маркс и Энгельс оценивают суждения и действия человека. Энгельс говорит: «Чем свободнее суждение человека по отношению к определенному вопросу, с тем большей необходимостью будет определяться содержание этого суждения»³. Ленин говорил: «В особенности надо отметить взгляд Маркса на отношение свободы к необходимости: «слепа необходи-

¹ Уголовное право, Общая часть, 1948 г., стр. 335—336.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. IV, стр. 281, прим. 1.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 107.

мость, пока она не осознана. Свобода есть сознание необходимости» (Энгельс в «Анти-Дюринге») = признание объективной закономерности природы и диалектического превращения необходимости в свободу»¹.

Действование человека в том смысле, который придают свободе Маркс и Энгельс, будет вполне свободным только тогда, когда люди освободятся от подчинения силам, которые господствуют над людьми в капиталистическом мире, а это, учат классики марксизма-ленинизма, возможно только тогда, когда «общество возьмет во владение средства производства» и «будет устранено товарное производство, а вместе с тем господство продуктов над производителями»². Только тогда «Общественное бытие людей, противостоявшее им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самого человека. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно сами творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в значительной и все более возрастающей степени и те последствия, которых они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»³. Развивая это понимание свободы, Энгельс несколько дальше говорит: «Люди, ставшие, наконец, господами своего собственного общественного бытия, становятся вследствие этого господами природы, господами самих себя — свободными»⁴.

Только в социалистическом обществе люди избавились от подчинения частной собственности и от гнета эксплуатации, от подчинения «вещам» и подчинили себе объективные силы, которые в капиталистическом обществе подчиняют себе людей. Только в социалистическом обществе общественное поведение людей находится в соответствии с законами общественного развития. Поэтому только в социалистическом обществе люди могут действовать свободно.

¹ Ленин, Соч., т. XVIII, стр. 10.

² Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 267.

³ Там же.

⁴ Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 269.

Наоборот, в капиталистическом обществе, где частная собственность, эксплуатация народа, отсталые идеи всякого рода, всевозможные, искусственно поддерживаемые господствующим классом предрассудки подчиняют себе людей, их суждения и их поведение, — люди действуют не свободно.

В капиталистическом обществе свободно действуют только сознательные трудящиеся, борющиеся с капиталистическими порядками, революционеры, коммунисты, ибо они не подчиняются тем силам и идеям, которые господствуют над людьми в капиталистическом мире, а борются с ними, т. е. борются за движение человечества в том направлении, которое диктуется закономерностями общественного развития.

Если применить указания Маркса и Энгельса о свободе к социалистическому государству, то совершенно ясно, что свободно в смысле, установленном Марксом и Энгельсом, а не только в формальном смысле (как свободы выбора решения) действуют советские люди, честно и самоотверженно трудящиеся, действуют рабочие, колхозники, воины Советской Армии, советская интеллигенция. Поэтому это понимание свободы нельзя механически переносить на преступника, выбирающего решение, наносящее ущерб социалистическому государству.

Энгельс в понятие действия «со знанием дела» вкладывает, как это видно из его слов, определенное материальное содержание. Энгельс говорит о «действительной человеческой свободе, о жизни в гармонии с познанными законами природы»¹. Действовать со знанием дела — это и значит действовать в соответствии с познанными законами природы. Но это значит также действовать и в соответствии с познанными законами общественного развития. Энгельс прямо говорит об этом. При социализме люди «... впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своей обобществленной жизни. Законы их собственных общественных действий, противостоявшие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела (курсив мой — Б. У.), следовательно, будут подчинены их господству»².

¹ Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 108.

² Энгельс, Анти-Дюринг, 1948 г., стр. 267.

Знание дела — это знание долга советского гражданина. Со знанием дела действуют рабочие — стахановцы и ударники, действуют выполняющие свой долг рабочие и колхозники, советские служащие, воины Советской Армии и все, кем руководит в действиях социалистическая сознательность.

Со знанием дела действует судья. Со знанием дела действует прибегающий к необходимой обороне для спасения социалистической собственности от нападающего и т. д.

Указания Энгельса о свободе и о действовании со знанием дела не могут быть применены к гражданам СССР, не освободившимся от влияния капиталистического окружения, от влияния враждебной растленной реакционной идеологии или от пережитков прошлого в сознании людей, не господствующим над этими влияниями и пережитками, но подчинившимся их господству над собой и избравшими решение, противоречащее их долгу и нарушающее уголовные законы Советского государства.

Детерминизм, материалистическое учение о свободе воли, дает философскую базу для обоснования ответственности граждан СССР за совершенные преступления, но эта база лежит совсем в иной плоскости, а не в механическом применении к преступникам указаний Энгельса о свободе и о знании дела.

Ленин говорил: «Свобода = субъективность («или») цель, сознание, стремление»¹. Человек вовсе не обречен фаталистически действовать так и только так, а не иначе. Ленин упрекал Михайловского в том, что тот «беспомощно путался в смешении детерминизма с фатализмом»². Ленин показал, что «Детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действия»³.

Материализм не исключает и не отрицает ни воли, ни сознания человека. Ленин, анализируя «гносеологические посылки», на которых основано приведенное выше известное высказывание Энгельса о свободе, содержащееся в «Анти-Дюринге», писал: «Энгельс не занимается вымучиванием «определений» свободы и необходимости, тех

¹ Ленин, Философские тетради, 1947 г., стр. 139.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 292.

³ Там же, стр. 292.

схоластических определений, которые всего более занимают реакционных профессоров (вроде Авенарнуса) и их учеников (вроде Богданова). Энгельс берет познание и волю человека — с одной стороны, необходимость природы — с другой, и вместо всякого определения, всякой дефиниции, просто говорит, что необходимость природы есть первичное, а воля и сознание человека — вторичное»¹.

Ленин подчеркивал, что «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»². Значение сознания, желаний и воли человека, их активную воздействующую роль с исключительной ясностью и силой выразил товарищ Сталин в полемике с анархистами, обращаясь к которым, он говорил: «Кто вам сказал, будто, по мнению Маркса и Энгельса, «человеческие стремления и воля не имеют значения»? Почему вы не указываете, где они об этом говорят? Разве в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», в «Классовой борьбе во Франции», в «Гражданской войне во Франции» и в других подобных брошюрах Маркс не говорит о значении «стремлений и воли»? Почему же тогда Маркс старался в социалистическом духе развить «волю и стремления» пролетариев, для чего он вел пропаганду среди них, если он не придавал значения «стремлениям и воле»? Или, о чем говорит Энгельс в своих известных статьях за 1891—94 годы, как не о «значении воли и стремлений»? Правда, по мнению Маркса, «воля и стремления» людей черпают свое содержание из экономического положения, но разве это значит, что сами они не оказывают никакого влияния на развитие экономических отношений?»³.

Советская психология, в соответствии с учением классиков марксизма-ленинизма, не исключает, а, наоборот, обосновывает способность человека самостоятельно принимать то, а не иное решение. Советская психология считает, что «человек, которого можно назвать самостоятельным в своих действиях, поступает так, а не иначе потому, что он убежден в правильности и важности поставленных им себе целей. Он руководствуется осознанными

¹ Ленин, Соч., т. XIII, стр. 155.

² Ленин, Философские тетради, 1947 г., стр. 184.

³ И. Сталин, Соч., т. I, стр. 328.

желаниями, отражающими более или менее прочные взгляды и убеждения»¹.

Волевые действия вменяемого человека — это сознательные волевые действия². Советские психологи следующим образом характеризуют волевой процесс: «Для сознательного волевого процесса, во-первых, характерно то, что он заключает в себе некоторое более или менее ясное сознание цели... Во-вторых, для сознательного волевого процесса очень характерен один, иногда очень мимолетный, но тем не менее очень важный момент — одобрение цели. Не просто возникает цель и не просто эта цель влечет за собою действие, направленное на ее осуществление, а так или иначе эта цель принимается нами и одобряется. Если этот момент отсутствует, то мы не можем признать действие сознательным. И, наконец, третий характерный признак сознательного волевого процесса — это контроль над самим действием. Я не только выполняю действие, но я сопоставляю его с той целью, которая предо мной стоит, с рядом обстоятельств, имеющих значение в данном конкретном случае, с теми правилами, которые в этом случае имеют значение, и т. д.»³.

Советская психология устанавливает следующие этапы сознательного волевого действия: во-первых, возникновение у человека определенной потребности, во-вторых, осознание человеком этой потребности и возникновение у него соответствующего желания, в-третьих, борьба в его психике желаний (мотивов), в-четвертых, принятие решения и, в-пятых, выполнение этого решения⁴.

Борьба мотивов, предшествующая принятию решения, — это, как пишет Б. Теплов, «всегда борьба между сознанием долга, чувством долга и какими-либо противоречащими долгу побуждениями»⁵. Чувство долга покоится на сознании человеком интересов того класса, к которому он принадлежит. В советском обществе — это чувство долга в отношении Советского государства, в отношении всех трудящихся. Решение и выполнение реше-

¹ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 177.

² П. Шеварев, Психология, 1946 г., стр. 174.

³ См. там же.

⁴ П. Шеварев, там же, стр. 175; Б. Теплов, Психология, стр. 171.

⁵ Б. Теплов, Психология, стр. 175.

ния, противоречащие долгу советского гражданина, вызывают поэтому отрицательную общественную оценку, а соответствующие долгу — положительную.

Советская психология не отрицает, а, наоборот, придает большое значение и оценке человеком своих собственных поступков, оценке своей совестью. «Сознание правоты своих поступков, — пишет Б. Теплов, — «спокойная совесть» — может доставлять человеку величайшую радость и удовлетворение. . . Сознание, что совершен дурной поступок, вызывает «угрызения совести», «муки совести», «чувство раскаяния»¹.

Общественная оценка поступков человека, идущих в разрез с требованиями долга советского гражданина, находится в полном соответствии с известным положением Ленина: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»². Ленин вслед за этим положением сейчас же выставляет и другое, иллюстрирующее его: «Равным образом и идея исторической необходимости ничуть не подрывает роли личности в истории: история вся слагается именно из действий личностей, представляющих из себя несомненно деятелей»³.

Приведенные высказывания классиков марксизма-ленинизма о свободе воли и об оценке поведения человека, а также основанная на учении марксизма-ленинизма советская психология дают возможность установить и основание уголовной ответственности граждан СССР, нарушающих советские уголовные законы.

Это основание заключается в том, что гражданин, совершивший преступление, имел возможность выбрать решение, соответствующее интересам социалистического государства, т. е. решение свободное, соответствующее законам общественного развития, но вместо этого подчинил свое решение пережиткам капитализма в своем сознании или влиянию капиталистического окружения.

¹ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 177.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 77.

³ Там же,

В социалистическом государстве созданы все материальные и идейно-политические условия для того, чтобы граждане СССР действовали подлинно свободно и со знанием дела, в соответствии с познанными законами общественного развития, в интересах социалистического государства. В социалистическом государстве отменена частная собственность и уничтожена эксплуатация человека человеком, гарантировано каждому человеку право на труд, осуществлен принцип — «от каждого по его способностям, каждому — по его труду». В социалистическом государстве проделана гигантская работа по преодолению в сознании людей пережитков капитализма, в огромной степени выросла коммунистическая сознательность. «Следует признать, — говорил В. М. Молотов в своем докладе 6 ноября 1947 г., — что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. . . Теперь советские люди не те, какими они были 30 лет назад. . .»¹.

Только граждане, не освободившиеся от влияния капиталистического окружения, от влияния враждебной растленной реакционной идеологии и от пережитков капитализма в сознании людей, действующие под влиянием чуждых, враждебных социализму идей и пережитков прошлого, не подчиняющие их себе, а подчиняющиеся им, и сознательно избравшие решение, противоречащее интересам социалистического государства, а следовательно, противоречащее и их долгу и нарушающее уголовные законы Советского государства, признаются советским судом виновными и несут перед социалистическим государством уголовную ответственность.

¹ В. М. Молотов, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, М., 1947 г., стр. 27.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВИНА КАК ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

§ 1. Вина как субъективная сторона состава преступления и вина как общее основание уголовной ответственности

Понятие вины встречается в самых первых законодательных актах Советского государства. О «виновных» и «виновниках» и об их ответственности говорят многие акты, относящиеся еще к 1917 г.¹

В декрете Совнаркома о конфискации имущества акционерного общества Кыштымского округа от 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.), подписанном товарищем Сталиным, говорилось: «За самовольное оставление должности или саботаж виновные будут преданы Революционному суду»². Указания на «виновных» встречаются в законодательных актах, изданных в 1918—1922 годах.

В первом советском Уголовном кодексе — УК РСФСР 1922 г. говорится не только о «виновных» (ст. 30), но и о «вине». Так, о «смягчающих вину обстоятельствах» говорят ст.ст. 201, 207, 208 и др. Терминами «виновный»

¹ См. Обращение СНК ко всем армейским организациям, военно-революционным комитетам, всем солдатам на фронте 11 ноября 1917 г. — СУ № 3; декрет СНК 14/27 ноября 1917 г. — Положение о рабочем контроле — СУ № 3; Обращение Совета Народных Комиссаров к военно-революционному комитету 15 ноября 1917 г. — СУ № 3. Обращение СНК ко всему населению 26 ноября 1917 г. — СУ № 4, Постановление НКЮ о революционном трибунале печати 18 декабря 1917 г. — СУ № 10; инструкция НКЮ о революционном трибунале 19 декабря 1917 г. — СУ № 12, и др.

² СУ 1918 г. № 13, стр. 192.

и «вина» пользуются и некоторые другие законодательные акты 1922 г.¹

Точно так же понятия умысла и неосторожности появляются в советском уголовном праве очень рано. Постановление Кассационного отдела ВЦИК о подсудности революционных трибуналов² говорило о тех, кто «по неосторожности» или с «умыслом» дискредитирует советскую власть «в глазах населения». В декрете СНК РСФСР 14 ноября 1919 г.³ «О рабочих дисциплинарных судах» говорится о «небрежном отношении к делу»; в Положении о революционных военных трибуналах⁴ — об «умышленном уничтожении или повреждении специально военных сооружений»; в Руководящих Началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. — о совершении преступления «по небрежности»; в декрете ВЦИК «О революционных военных железнодорожных трибуналах» 20 марта 1920 г.⁵ — об «умышленных посягательствах» и о «явно небрежном отношении»; в декрете ВЦИК 8 апреля 1920 г. «О комиссиях по борьбе с дезертирством»⁶ — о «небрежном ведении списков военнообязанных» и об умышленном укрывательстве или пособничестве» и т. д.

Если в дальнейшем законодательство избегает терминов «вина» и «виновный», то требование умысла и неосторожности продолжает неизменно выставляться законодателем, несмотря на имевшие место попытки умалить значение умысла или неосторожности или даже вообще отказаться от них.

Авторы постановления Народного комиссариата юстиции РСФСР «Руководящие Начала по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г.⁷ отрицательно отнеслись к самому понятию вины и даже исключили из «Руководящих Начал» указания на умысел и неосторож-

¹ См. декрет СНК РСФСР от 9 февраля 1922 г. — СУ 1922 г. № 16 «Об ответственности за уничтожение и порчу геодезических знаков» и др.

² «Известия ВЦИК» 6 октября 1918 г.

³ СУ № 56.

⁴ Декрет ВЦИК от 20 ноября 1919 г. — СУ № 58.

⁵ СУ № 21.

⁶ СУ № 26.

⁷ СУ 1919 г. № 66, стр. 59.

ность. Но, как уже указывалось в советской литературе, авторы «Руководящих Начал», пожелав избавиться от умысла и неосторожности, практически не смогли это осуществить и вынуждены были исходить из этих понятий¹. Так, в п. 3 ст. 12 среди обстоятельств, влияющих на определение меры наказания, «Руководящие Начала» упоминают: «Обнаружены ли совершающим деяние заранее обдуманное намерение, жестокость, злоба, коварство, хитрость или деяние совершено в состоянии запальчивости, по легкомыслию или небрежности». Это упоминание о заранее обдуманном намерении, о запальчивости, легкомыслии или небрежности дало М. М. Исаеву основание прийти к выводу, что хотя «Руководящие Начала» и не содержали определений умысла и неосторожности, но исходили из них².

Проект Уголовного кодекса РСФСР, составленный Комиссией Общекоисультационного Отдела Народного комиссариата юстиции и опубликованный в 1920 г., не упоминал ни о вине, ни об умысле и неосторожности. Объяснительная записка к проекту откровенно заявляла: «оттенки умысленности, неосторожности утрачивают значение факторов, направляющих наказание по заранее определенной линии; сохраняя некоторое значение признаков, свидетельствующих о характере личности, они перевешиваются анализом свойств преступного состояния деятеля, мотивами правонарушения и особенностью избранных средств».³

Отсутствовали упоминания о вине, умысле и неосторожности и в общей части проекта Уголовного кодекса РСФСР, составленного Народным комиссариатом юстиции РСФСР и внесенного на утверждение СНК РСФСР и ВЦИК РСФСР. Однако и эта явно неосновательная и противоречащая основным принципам советского уголовного права точка зрения не встретила поддержки, и во вторую редакцию проекта, по решению комиссии, избранной

¹ История советского уголовного права, М., 1948 г., стр. 167—168.

² М. М. Исаев, Основные Начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1927 г., стр. 39.

³ См. Материалы Наркомюста, вып. VII, 1920 г. Проект имеется также в книге М. М. Исаева «Общая часть уголовного права РСФСР», 1925 г. (прилож. № 2).

IV Всероссийским съездом деятелей советской юстиции для рассмотрения проекта, в проект было внесено требование умысла и неосторожности¹.

Отрицательное отношение к понятию вины сохранили и составители Объяснительной записки к проекту Уголовного кодекса (ставшему законом под названием Уголовный кодекс редакции 1926 г.). Составители записки упоминали вину в числе «чуждых нашим правовым воззрениям и перешедших к нам лишь по традиции, по наследству от старого буржуазного права, терминов»². Однако и этот кодекс сохраняет требование умысла и неосторожности как субъективной стороны состава преступления.

В течение ряда лет в советской уголовно-правовой литературе можно было встретить отдельные попытки преуменьшить значение понятия вины для советского уголовного права. Некоторые криминалисты пытались даже доказать ненужность сохранения в советском уголовном праве института вины. Одни авторы не признавали вообще значения вины в советском уголовном праве, другие доказывали бесполезность разграничения между умыслом и неосторожностью, третьи, наоборот, допуская в советское уголовное право умысел и неосторожность, отрицали тем не менее необходимость сохранения понятия вины.

Отрицательное отношение к вине было обусловлено неправильным, противоречащим указаниям Ленина и Сталина, пониманием вины некоторыми советскими учеными-криминалистами.

Ознакомление с работами советских криминалистов, стоявших на этих неправильных позициях, показывает те методологические пороки, которые вели их к неправильной трактовке вины.

Прежде всего, отсутствовало разграничение между виною как общим основанием уголовной ответственности и виною как субъективной стороной состава преступления, что вело к путанице и взаимному непониманию.

¹ См. об этом у М. М. Исаева, Основные Начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1927 г., стр. 39. Об отношении этого проекта к вине см. у А. А. Герцензона в работе «История советского уголовного права», 1948 г., стр. 257.

² Проект уголовного кодекса РСФСР с объяснительной к нему запиской, М., 1926 г., стр. 3.

Имело, далее, место неправильное представление, что вину нельзя совместить с детерминистическим взглядом на свободу воли. Утверждали, что вина связана только с индетерминизмом. Про таких криминалистов А. Трайнин писал: «Человек считался виновным тем, что из бесчисленного множества дорог и тропинок свободно избрал путь преступления»¹. А. А. Пионтковский писал о «стремлении кодекса избегать слов «вина», «виновность», чтобы не быть заподозренным, что он стоит хоть в какой-то мере на индетерминистической точке зрения моральной ответственности преступника»².

Криминалисты, считавшие несовместимым с детерминизмом сохранение в уголовном праве вины, очевидно, забывали указание Ленина: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»³.

Причинами, побудившими некоторых советских криминалистов отвергнуть идею вины в советском уголовном праве, явились боязнь «морали», «моральной вины» и ошибочное представление о несовместимости детерминизма и моральной оценки. В приведенной выше статье А. Пионтковский говорил об «индетерминистической точке зрения моральной ответственности», связывая, как видно, мораль с индетерминизмом. А. Пионтковский еще в 1929 г. писал о субъективной моральной вине, основанной на свободной воле, и противопоставлял ей в качестве основания уголовной ответственности «объективную необходимость обороняться от преступлений»⁴. Надо ли говорить, что детерминизм ни в малейшей мере не отрицает нравственности и что нет никаких оснований оспаривать наличие в содержании понятия вины момента моральной оценки деяния и деятеля.

¹ А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 258.

² А. Пионтковский, Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР, «Советское право», 1923 г., № 3/6, стр. 40.

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 77.

⁴ А. Пионтковский, Советское уголовное право. Том первый. Общая часть, 1929 г., стр. 230. В этой же работе автор писал об отрицании советским уголовным законодательством понятия «моральной вины» (стр. 237).

Наконец, можно было встретить утверждение, что «специфичность уголовно-правовой формы переходного периода» выражается в том, что на место «вины» как основания уголовной ответственности ставится социальная опасность деяния и деятеля¹.

Все эти и им подобные взгляды вели в лучшем случае к утверждениям о необходимости «дефетишизации» вины, о том, что вина является «условным уголовно-правовым понятием», «субъективным критерием социальной опасности», одним из «годами взлелеянных фетишей юриспруденции» и т. д. Некоторые авторы, в лучшем случае, соглашались с тем, что следует сохранить в советском уголовном праве понятие умысла и неосторожности, не сохраняя вместе с тем понятия вины². На место вины ставилось понятие социальной опасности действия и деятеля, причем вина прямо противопоставлялась социальной опасности.

Можно было встретить и утверждение, что понятие социальной опасности несовместимо с сохранением умысла и неосторожности. Н. Н. Паше-Озерский писал: «С точки зрения общественной опасности правонарушения и правонарушителя. . . деление правонарушений на умышленные и неосторожные утрачивает всякое значение, ибо понятия «умысел» и «неосторожность» и т. д. не совпадают с понятиями большей или меньшей общественной опасности правонарушителя или правонарушения»³.

Подобные утверждения вызывали тогда же возражения со стороны других советских криминалистов, в том числе и тех, кто, отрицая необходимость сохранения в советском уголовном праве вины, сохраняли понятия умысла и неосторожности⁴. Имело место и вредительское отрицание вины, умысла и неосторожности.

Академик А. Я. Вышинский говорил о том, что «вредительство в области уголовного права дало себя знать

¹ А. Пионтковский, Советское уголовное право. Том первый, Общая часть. 1929 г., стр. 237.

² См. М. Гродзинский: «Советский УК, сохраняя понятие умысла и неосторожности, несколько не сохраняет этим понятия вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния». «Вестник советской юстиции», 1927 г., № 17.

³ Н. Н. Паше-Озерский, УК УССР, Комментарий, стр. 278.

⁴ См., например, А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 259, прим. 1.

преимущественно в этом вопросе, именно в попытке правотроцкистских вредителей отказаться от понятия «вины» и ответственности, в попытке сострять, например, Уголовный кодекс без Особенной частн, без так называемой «дозировки» наказания, без понятия об умысле и неосторожности»¹.

После выступления в 1937 г. акад. А. Я. Вышинского, доказавшего политическую и юридическую несостоятельность отказа от различия между формами вины, был положен конец отрицанию значения вины и различия ее форм для советского правосудия.

А. Я. Вышинский подверг справедливой критике взгляды тех авторов, для которых «нет разницы в степенях виновности, нет разницы между умыслом и неосторожностью». «С такой «теорией» подходить к судебной деятельности, строить судебную практику на основе такой «теории» и на основе таких «принципов» — это значит играть на руку врагам нашего государства. Ведь если наши суды не будут разбираться в том, умышленно или неосторожно совершено преступление, по умыслу или по случайности оно совершено, — это будет такая дискредитация суда, хуже которой нельзя и придумать. Это означает прямую провокацию, прямую попытку такой «работой» взорвать суд, уронить авторитет суда в глазах всех здравомыслящих людей, ибо если суд будет человека, совершившего преступление по неосторожности, наказывать так же, как совершившего преступление умышленно, только потому, что получается один и тот же результат, то это будет полная неразбериха, полный подрыв авторитета государственной власти, государственного авторитета, а это хуже всего»².

В 1938 г. появился учебник Общей части уголовного права, составленный Всесоюзным институтом юридических наук. В этом учебнике вопрос о вине признавался «одним из основных вопросов социалистического уголовного права». Этот учебник исходит из того, что «Марксистско-ленинская теория права не отрицает вины как пред-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 160; см. также статью Б. С. Маньковского «Против антимарксистских теорий в уголовном праве», «Социалистическая законность», 1937 г., № 7.

² А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 59.

посылки личной ответственности за совершенные преступления. Только марксизм и может дать действительно научное обоснование вины в уголовном праве. В работах Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина содержится исчерпывающий ответ по вопросу о вине»¹.

Эта точка зрения проводится с тех пор и во всех других работах советских криминалистов. «Основой для уголовной ответственности по социалистическому уголовному праву является вина лица, совершившего преступление», — говорится в учебнике для юридических школ, составленном в 1940 г. кафедрой уголовного права 1-го Ленинградского юридического института².

«Одним из основных принципов нашего социалистического уголовного права, — пишет А. А. Пионтковский, — является признание допустимости уголовной ответственности лишь при наличии индивидуальной вины. Для применения наказания, для уголовной ответственности необходимо всегда установить виновность лица в совершении данного преступления»³.

Выражением общего мнения советских криминалистов является заявление А. Н. Трайнина, что «огромное, еще достаточно не оцененное теорией значение имеет то обстоятельство, что советское законодательство в Общей части с четкостью и конкретностью, неизвестными буржуазному праву, выдвигает общее положение: согласно ст. 10 УК уголовной ответственности подлежат лишь те, кто действовал виновно-умышленно или неосторожно»⁴.

Можно со всей уверенностью сказать, что в настоящее время только в советской науке уголовного права со всей непоколебимостью утверждается значение вины как основного института уголовного права, как важнейшего условия законности правосудия. Эта твердость и непоколеби-

¹ Уголовное право. Общая часть, 1938 г., стр. 258. Параграфы, посвященные вине, были в этом учебнике (как и в последующих его изданиях) написаны А. Пионтковским.

² Советское уголовное право, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 45.

³ А. А. Пионтковский, Сталинская Конституция и проект Уголовного кодекса СССР, М., 1947 г., стр. 15.

⁴ Основным принципом советского социалистического уголовного права» называет вину и С. Трахтеров — см. его статью «Формула невменяемости в советском уголовном праве», в Ученых записках Харьковского юридического института, 1939 г., выпуск первый, стр. 26.

⁵ А. Н. Трайнин, Система общей части уголовного права, «Советское государство и право», 1946 г., № 5—6, стр. 12.

мость в утверждении института вины противостоит неуверенности, колебаниям, ограничениям и сомнениям в вопросе о вине и даже прямому отказу от института вины криминалистов в современных империалистических странах, легко жертвующих требованиями вины ради обеспечения произвола, бесправия и уголовно-правовой дискриминации.

Требование вины как условия уголовной ответственности прочно вошло в судебную практику советских органов юстиции. Многочисленные постановления Пленума и определения коллегий Верховного суда СССР, касающиеся вопроса о вине, можно резюмировать словами определения Судебной коллегии по уголовным делам по делу Гончарова: «Советское уголовное право исходит из непреложного принципа необходимости доказать вину обвиняемого»¹, или словами постановления Пленума Верховного суда СССР по делу Данилова: «Наказание не может быть применено к лицу, которое не признано виновным»².

Что же понимают современные советские криминалисты под виной? Какое содержание они вкладывают в понятие вины?

До сих пор вина рассматривается советскими криминалистами только как один из элементов состава преступления. Это относится и к тем криминалистам, которые говорят о вине как основании уголовной ответственности, но сводят вину к умыслу и неосторожности. Не проводится до сих пор различие между более широким понятием вины как общего основания уголовной ответственности и более узким — как обязательного элемента состава преступления, его субъективной стороны.

При этом, как было уже выше отмечено, понятия вины, умысла и неосторожности анализируются только с точки зрения формально-психологической. Классово-политическое содержание умысла и неосторожности не раскрывается. Не устанавливается различие умысла и неосторожности в советском уголовном праве от умысла и неосторожности в буржуазном уголовном праве.

Типичным является определение, данное А. А. Пионтковским в учебнике Общей части уголовного права для

¹ Судебная практика Верховного суда СССР, вып. VIII (XVII), 1948 г., стр. 23.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1944 г., М., 1948 г., стр. 36.

юридических институтов еще в 1938 г.: «Вина есть психическое отношение лица к учиненному им преступлению в форме умысла или неосторожности»¹. Умысел прямой характеризуется, согласно тому же учебнику, предвидением виновным результата своих действий и желанием наступления этого результата, а умысел eventualный — предвидением результата своих действий, отсутствием непосредственного желания наступления предвиденных последствий при сознательном допущении возможности их наступления².

Самонадеянность учебник характеризует наличием предвидения последствий своих действий, соединенным с легкомысленной надеждой предотвратить их. Небрежность характеризуется отсутствием предвидения последствий своей деятельности при наличии таких условий, которые дают возможность признать, что субъект должен был предвидеть последствия своей деятельности³.

Эти и подобные им определения страдают двумя пороками. Во-первых, они ограничиваются изучением вины только как одного из элементов состава преступления (субъективной стороны), оставляя без внимания вину как общее основание уголовной ответственности. Во-вторых, эти определения вины, умысла и неосторожности имеют формально-юридический характер, ограничиваются только сочетанием в разных комбинациях моментов предвидения и желания, лишены классового, политического содержания.

Не может быть, конечно, и речи о вине как об общем основании уголовной ответственности, если по делу не

¹ Уголовное право. Общая часть, 1938 г., стр. 270. Аналогичное определение во 2-м (1939 г.) издании этого учебника (см. стр. 187). В 3-м и 4-м изданиях этого же учебника приведенная формула вины почти не подверглась изменению. В нее внесено одно лишь изменение: автор говорит не просто о «лице», а о «вменяемом лице» (стр. 334, изд. 1948 г.).

² А. А. Пионтковский в учебнике *Общей части уголовного права ВИОН*, 1948 г., стр. 340—342.

³ Там же, стр. 344—345. Также А. В. Лаптев в работе «Состав преступления и квалификация уголовных дел», М., 1939 г., стр. 11. М. Шаргородский в рецензии на книгу А. А. Герцензона «Уголовное право. Часть общая», 1948 г., «Советское государство и право», 1948 г., № 12, стр. 59; статья «Квалификация преступлений», «Советская юстиция», 1940 г., № 8, стр. 18—19; статья «Квалификация преступления и общий состав преступления», «Социалистическая законность», № 5, 1948 г., стр. 33.

установлено то субъективное отношение лица к содеянному им, которое составляет умысел или неосторожность. Вина умышленная или вина неосторожная, т. е. вина как элемент состава преступления, является обязательным условием привлечения лица к уголовной ответственности. Без умысла и неосторожности не может быть и речи о признании поведения подсудимого виновным, т. е. не может быть вины как общего основания уголовной ответственности.

В этом находят свое выражение огромное политическое значение требования советского уголовного закона об обязательности умысла или неосторожности как условия уголовной ответственности, как гарантии социалистической законности и соблюдения принципа индивидуальной ответственности.

Однако нельзя ограничиться изучением вины только как одного из элементов состава преступления. Это значит обеднить понятие вины в советском уголовном праве, это значит не заметить покоящегося на законе и широко используемого судебной-прокурорской практикой понимания вины в более широком смысле, т. е. вины как общего основания уголовной ответственности, без которого нельзя ни разрешить проблемы ответственности в советском уголовном праве, ни понять института вины в советском уголовном праве.

Что касается сведения вины в смысле субъективной стороны преступления к одним только формально-юридическим признакам, то оно воспроизводит понимание вины так называемым классическим направлением в уголовном праве¹. «Некритическое восприятие психологической

¹ См. В. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 116—117: «Отстаивание в учебниках по советскому праву для юридических вузов и для юридических школ понятия вины только как психического отношения субъекта к результату является отражением буржуазного влияния в советском уголовном праве. Только буржуазно-догматические позиции криминалистов буржуазной так называемой классической школы уголовного права приводили к пониманию вины лишь как психического отношения субъекта к результату...». И действительно, стоит только сравнить определения умысла и неосторожности, даваемые в четырех изданиях учебника Общей части уголовного права, составленного В. И. Онуфриевым, с соответствующими определениями в учебнике русского представителя классической школы Н. Таганцева, чтобы в этом убедиться (см. Н. Таганцев, Русское уголовное право, 1902 г., т. I, стр. 602).

теории понятия вины, — пишет Б. С. Маньковский, — должно подвергнуться самой решительной критике. Представляется совершенно нетерпимым то, что до сих пор в советских учебниках по уголовному праву эта теория психологического понятия вины имеет хождение. Формально-догматическое понятие вины в духе так называемой классической школы уголовного права является не выражением обобщения богатой судебной практики советского суда по борьбе за социалистическую законность, а результатом того, что до сих пор буржуазный догматизм еще не изжит до конца в советской литературе, в частности по уголовному праву»¹.

Формально-психологические определения вины и потому еще совершенно недопустимы в советском уголовном праве, что, выхолщивая из понятия вины его классово-политическое содержание, они извращают определения умысла и неосторожности, даваемые советским законодателем и содержащие признаки, указывающие на классово-политический характер умысла и неосторожности в советском уголовном праве².

Недопустимость формально-юридических определений вины, умысла и неосторожности побудила в последнее время многих советских криминалистов попытаться раскрыть материальное, т. е. морально-политическое, содержание вины в советском уголовном праве, показать классово-политическую природу вины, ее отличительные черты как института социалистического уголовного права, как вины перед социалистическим государством в противоположность вине перед буржуазным государством.

Попытки советских криминалистов, делавшиеся в последнее время в этом направлении, все более подводят к пониманию виновного поведения как поведения, получающего отрицательную общественную морально-поли-

¹ Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 117.

² К подобным определениям полностью относится сказанное М. Аржановым о пережитках юридического формализма и о том, что пережитки эти проявляются в недостаточном раскрытии сущности (экономической, политической, идейной) институтов и категорий права по сравнению с тем вниманием, которое уделяется формальной стороне права, а также в нездоровом увлечении так называемыми «юридическими конструкциями», М. А. Аржанов, Об очередных задачах в области теории государства и права, «Советское государство и право» 1948 г., № 8, стр. 11—12.

тическую оценку со стороны советского закона и суда. Они свидетельствуют также о назревшей потребности изучения вины как общего основания уголовной ответственности.

Первые признаки критического подхода советских криминалистов к формально-психологическому пониманию вины и стремления раскрыть классово-политическое содержание вины появились еще в 1938 г., когда в статье А. Лаптева, посвященной вине, вина признавалась понятием классовым. Лаптев указал, что «в социалистическом обществе понятие вины как понятие права, уголовного права, морали, нравственности является диаметрально противоположным буржуазному понятию вины. Вина является понятием классовым. Одно это обстоятельство говорит о принципиальном отличии вины в социалистическом уголовном праве от одноименного понятия в буржуазном уголовном праве»¹. Автор не развил этой мысли. Не развили ее и другие советские криминалисты.

В 1945 г. в отчете о происходившей в ноябре — декабре 1944 г. юбилейной сессии Ленинградского университета сообщалось, что проф. Б. Маньковский в своем докладе на тему «Основные проблемы советского уголовного права и судебная практика периода Отечественной войны», «опровергая традиционное понятие этой вины (т. е. вины в уголовном праве. — Б. У.) как психического отношения лица к совершенному им деянию, обосновывал необходимость сочетания психического понимания вины с ее социально-оценочным пониманием, имеющим в данной проблеме основное значение»².

Эти отрывочные сведения не позволяли, однако, судить о том содержании, которое Б. С. Маньковский вкладывает в социально-оценочное понимание вины. Необходимо все же отметить, что здесь впервые в советской юридической литературе появляется указание на неудовлетворительность ограничения понимания вины только психическими признаками умысла и неосторожности и на необходимость оценочного понимания вины в советском уголовном праве.

Годом позже, в 1946 г., А. П. Трайнин в монографическом исследовании «Учение о составе преступления» писал, что в отношении понятия «вина» советская наука

¹ А. Лаптев, Понятие вины в советском уголовном праве, «Советская юстиция», 1938 г., № 12, стр. 6.

² «Социалистическая законность», 1945 г., № 1—2, стр. 40.

«не ограничилась сведением виновности к формам виновности, к умыслу и неосторожности, которые тщательно были разработаны в дооктябрьской литературе, — она, кроме того, внесла момент материальный, рассматривая вину не только как родовое понятие психических отношений преступника к преступному результату (умысла и неосторожности), но и как основание их отрицательной оценки»¹. К сожалению, и А. Н. Трайнин не развил это интересное положение и не указал даже, какие работы каких авторов он имеет в виду, говоря о внесении советской наукой в вину материального содержания.

Вопрос о необходимости отличать вину как психическое отношение лица к совершенному им деянию от общественной оценки деяния нашел свое выражение в различных работах и в последующие годы, не выходя, однако, попрежнему за рамки одной только постановки вопроса. Так, во втором издании учебника уголовного права для юридических школ, появившемся в свет в 1947 г., было дано следующее определение вины: «вина есть психическое отношение субъекта к своим действиям и их последствиям и вместе с тем общественная оценка его поведения»². Это определение сохраняло формально-психологическую концепцию вины («психическое отношение» и т. п.), но добавляло к ней новый, глубоко принципиальный момент — момент общественной оценки поведения субъекта, т. е. сочетало формально-психологические признаки вины с материальными (общественная оценка поведения субъекта).

К сожалению, и этот учебник ограничился определением вины и в дальнейшем изложении к вопросу об общественной оценке поведения субъекта не возвратился.

Несколько позже, в 1948 г., в учебнике *Общей части уголовного права* А. Герцензона появилось определение вины, в котором точно так же упоминалось об общественной оценке поведения субъекта³. И этот учебник не развил положения о значении момента общественной оценки.

¹ А. Н. Трайнин, *Учение о составе преступления*, 1946 г., стр. 68.

² *Уголовное право, учебник для юридических школ*, М., 1947 г., стр. 81.

³ А. А. Герцензон, *Уголовное право. Часть Общая*, 1948 г., стр. 329; против — М. Шаргородский в рецензии на эту работу в журнале «Советское государство и право», 1948 г., № 12, стр. 59.

¹ В статье В. Макашвили «Вина и сознание противоправности», появившейся в 1948 г., мы встречаемся с несколько более развернутой постановкой вопроса об общественной оценке деяния виновного как элемента вины. В. Макашвили полагает, что понятие вины не исчерпывается психическим отношением лица к совершенному им. В содержание вины входит, по мнению В. Макашвили, и момент порицания и осуждения лица, совершившего противоправный поступок. Оба момента — фактическое отношение лица к совершенному им и отрицательная оценка этого отношения находятся в тесной взаимосвязи и образуют одно нераздельное целое. В соответствии с этим В. Макашвили определяет вину как «порицаемое, осуждаемое социалистическим обществом психическое отношение лица к совершенному им общественно-опасному поступку»¹.

Из кратких рассуждений автора об отрицательной оценке как элементе вины можно сделать вывод, что предметом оценки является психическое отношение субъекта к содеянному им, т. е. оценке подвергается только умысел или неосторожность.

В тезисах доклада Б. С. Утевского «Вина в советском социалистическом уголовном праве» (декабрь 1948 г.) указывалось: «Вина — это явление общественное, классовое. Понятие вины неразрывно связано с наличием определенных установленных в обществе правил и с действиями, нарушающими эти правила. Советское уголовное право и советский суд дают этим действиям оценку с точки зрения интересов социалистического государства и проводимой им политики. Виновное поведение — это поведение, получившее отрицательную общественную оценку, т. е. поведение, осуждаемое с точки зрения социалистической морали и проводимой социалистическим государством политики. Морально-политическая оценка поведения человека охватывает не только психическое отношение лица к совершенному им, т. е. умысел и неосторожность, и к последствиям совершенного, но и все объективные обстоятельства, характеризующие его поведение, обстановку совершения преступления, последствия

¹ В. Макашвили, Вина и сознание противоправности, в сборнике «Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института», 1948 г., № 2, стр. 92.

1
преступления, характер и значение объекта преступления, личность совершившего преступление, мотивы, руководившие им, цели, которые он преследовал, и т. д.»¹.

В 1949 г. вышла в свет монография Б. С. Маньковского «Проблема ответственности в уголовном праве». В своей работе Б. С. Маньковский подвергает критике определение вины как психического отношения лица к своим действиям и указывает, что отстаивание такого понятия вины является отражением буржуазного влияния в советском уголовном праве. Б. С. Маньковский правильно доказывает, что одного только психического отношения лица к своим действиям и их результатам недостаточно для признания виновности подсудимого. Вина имеется только тогда, когда поведение лица заслуживает осуждения с точки зрения социалистического закона. Оценочный момент, с точки зрения социалистического закона, в отношении внутренних мотивов поведения субъекта является одним из конститутивных признаков понятия вины².

Как видно, точка зрения Б. С. Маньковского совпадает с точкой зрения В. Макашвили. Оба они ограничивают объект оценки только внутренним отношением лица к результату его действия.

Из этих и других встречающихся в советской юридической литературе последних лет беглых указаний на оценочный момент в вопросе вины³ можно сделать вывод, что советские криминалисты поставили в порядок дня науки уголовного права вопрос о необходимости новой, не формально-психологической, а материальной трактовки

¹ Б. С. Утевский, Вина в советском социалистическом уголовном праве. Тезисы доклада, 1948 г. В этом докладе уже были развиты положения, легшие в основание настоящей работы.

² См. Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 115.

³ Так, Н. Дурманов в работе «Общие основания учения о причинной связи в уголовном праве». Вопросы уголовного права, изд. Института права Академии Наук СССР, Сборник I, говорит, что «виновность есть оценочная категория» (стр. 52). М. А. Чельцов в статье «Спорные вопросы учения о преступлении» говорит о вине, вызывающей правовое осуждение. «Социалистическая законность», 1947 г., № 4, стр. 8. М. Шпейдер говорит, что вина является «выражением общественной оценки поведения нарушителя дисциплины» (см. его статью «Субъективная сторона нарушения железнодорожной дисциплины», любезно предоставленную автором в рукописи).

вины — вины не как уголовно-правового института «вообще», а как института советского социалистического уголовного права, призванного служить задаче борьбы с явлениями вредными или опасными для социалистического государства. Для многих советских криминалистов стало очевидным, что вина не исчерпывается психическим отношением лица к своим действиям, но что к этому отношению присоединяется и отрицательная общественная оценка.

Установление этого положения даже в общей, еще не детализированной форме явилось значительным достижением советской науки уголовного права. Оно означало крупный шаг в развитии советского учения о вине. Оно открывало большие возможности для последующей разработки проблемы вины в советском уголовном праве.

Установление этого положения дает возможность и требует от советской науки дальнейших шагов. Оно требует, прежде всего, дальнейшего развития оценочного понимания вины. Оно требует, далее, установления и теоретического обоснования того положения, что наряду с более узким пониманием вины как элемента состава преступления, как субъективной стороны преступления, т. е. умысла или неосторожности, советское социалистическое уголовное право знает более широкое понимание вины — вины как основания уголовной ответственности. Оценочное понимание вины и является теоретической базой для установления и определения этого более широкого понятия вины.

К тому же сам советский закон не ограничивается пониманием вины только как умысла или неосторожности, т. е. как субъективной стороны состава преступления. В уголовно-процессуальном и в уголовном законодательстве можно найти ряд указаний на иное, более широкое, материальное, морально-политическое, оценочное понимание вины.

В особенно отчетливой форме такое понимание вины мы имеем в п. 9 ст. 23 УПК РСФСР. Этот пункт ст. 23 вопрос о виновности, т. е. о наличии вины или невиновности, т. е. об отсутствии вины, делает содержанием приговора. «Приговор, — говорится здесь, — означает решение, вынесенное судом в судебном заседании по вопросу о виновности или невиновности обвиняемого». Если учесть, что, по словам Инструктивного письма Верховного суда СССР

и Прокуратуры СССР «О судебном приговоре» от 13 августа 1934 г., «приговор подводит итог всему процессу», то становится очевидным, что конечным итогом каждого судебного процесса советское уголовно-процессуальное законодательство считает решение суда о наличии или отсутствии в действиях подсудимого вины как общего основания уголовной ответственности.

Что касается уголовного законодательства, то и оно содержит ряд норм, свидетельствующих не только о понимании вины как умысла или неосторожности, но и о более широком понимании вины законодателем (вины как основания уголовной ответственности). Ряд статей «Основных Начал» и воспроизводящих их статей УК РСФСР и УК других союзных республик показывают, что вина отнюдь не исчерпывается формально-юридическими признаками умысла и неосторожности. Это видно прежде всего из статьи 6 «Основных Начал» (ст. 10 УК РСФСР), основываясь на которой А. А. Пионтковский и другие авторы ограничивают понятия вины, умысла и неосторожности только сочетанием психических признаков (предвидение, желание).

Нетрудно убедиться, что в действительности ст. 6 «Основных Начал» и воспроизводящая ее ст. 10 УК РСФСР не ограничиваются перечислением психических признаков, а вводят в определение умысла материальный признак, который придает умыслу классово-политический характер и который отличает умысел в социалистическом уголовном праве от умысла в буржуазном праве, а именно — признак общественно-опасного характера предвиденных последствий деяния. Речь идет, разумеется, о последствиях, опасных для социалистического государства. Введение законодателем в определение умысла этого материального (классово-политического) признака дает советской теории уголовного права возможность, не ограничиваясь психологическими признаками умысла и неосторожности, раскрыть их материальное содержание.

Советские теоретики к внесению в определение умысла этого признака, отсутствовавшего в определении, данном в УК РСФСР 1922 г., подходили в большинстве случаев с совершенно иной точки зрения. Они ставили вопрос: входит ли сознание общественной опасности деяния в содержание умысла в качестве его обязательного эле-

мента? Подходя с этой только точки зрения к признаку предвидения общественной опасности в определении умысла, противники признания сознания общественной опасности деяния обязательным элементом умысла считали указание в ст. 6 «Основных Начал» на общественно-опасный характер последствий «редакционной случайностью»¹.

Между тем очевидно, что, внося этот признак в определение умысла, законодатель специально придал понятию умысла классово-политическое содержание. Можно спорить о том, должен ли сам субъект сознавать, что умышленно причиненные им последствия имеют опасный для социалистического государства характер, или речь идет о предвидении виновным таких последствий, которые объективно опасны для социалистического государства, но и в том и в другом случае умысел наполняется классово-политическим содержанием и резко отличается по содержанию от умысла в буржуазном уголовном праве.

Советское уголовное законодательство подчеркивает, таким образом, политическое содержание умысла, в то время как буржуазное уголовное законодательство и буржуазные криминалисты тщательно избегают признания, что умысел в буржуазном уголовном праве имеет в виду предвидение последствий, опасных для буржуазного государства, т. е. опасных с точки зрения господствующего класса буржуазии.

Можно уже установить тенденцию в развитии уголовного права стран народной демократии ясно и четко подчеркнуть классово-политический характер умысла. Так, в Общей части Уголовного кодекса Албании 1948 г. для признания наличия умысла в действиях лица требуется, чтобы лицо сознавало, «что из-за его поступка могут произойти опасные для общества последствия» (п. 2 ст. 11).

¹ Так именно А. А. Пионтковский, Советское уголовное право, Общая часть, 1929 г., стр. 240. В свою очередь, М. М. Исаев в этих словах закона видит выражение мысли, что отныне необходимой составной частью умысла является «сознание противоправности», М. М. Исаев, «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», 1927 г., стр. 40. Впрочем, в советской юридической литературе имеются определения умысла, содержащие признак общественно-опасного характера последствий деяния виновного. См., например, в статье «Вина и уголовная ответственность» (без указания автора), «Социалистическая законность», 1940 г., № 13, стр. 20.

Что касается определения неосторожности, даваемого в п. «б» ст. 6 «Основных Начал», в ст. 10 УК РСФСР, то оно содержит иной признак, также придающий классово-политическое содержание и неосторожности, а именно указание на то, что лица, действовавшие неосторожно, должны были предвидеть последствия своих действий.

Должное поведение в понимании социалистического уголовного кодекса — это поведение, соответствующее требованиям, предъявляемым к своим гражданам социалистическим государством.

К тому же требованию долженствовало, в сочетании с прямым указанием п. «а» ст. 6 «Основных Начал» на общественно-опасные последствия, дает все основания считать, что и при преступной небрежности закон имеет в виду последствия, опасные для социалистического государства, т. е. что сам закон, не довольствуясь психологическими признаками преступной небрежности, указывает на ее материальное содержание.

Таким образом, и преступная небрежность в советском уголовном праве — это не формальное абстрактное понятие, а понятие, наполненное определенным материальным, классово-политическим содержанием.

Мысль, что и при неосторожности имеются в виду последствия, опасные для государства, нашла выражение в Общей части Уголовного кодекса Албании 1948 г. Формула неосторожности, данная в этом кодексе, предусматривает опасные для общества последствия как при преступной самонадеянности, так и при преступной небрежности. Здесь говорится, что «Уголовное преступление считается совершенным по неосторожности, если лицо, его совершившее, понимало, что могут произойти опасные для общества последствия, но по своему легкомыслию предполагало, что такие последствия могут и не наступить, или надеялось устранить их, а также когда это лицо не сознавало того, что такие последствия, опасные для общества, могли наступить, хотя, судя по обстоятельствам и его личным качествам, оно могло и должно было это сознавать».

Но советское уголовное право не ограничивается требованием умысла или неосторожности для признания подсудимого виновным. Вина по советскому уголовному праву предполагает морально-политическую оценку всех объективных и субъективных обстоятельств, характеризующих деяние и деятеля.

Советский уголовный закон знает случаи, когда вина и ответственность исключаются, несмотря на наличие в действиях лица умысла. Он знает также случаи, когда степень вины признается большей или меньшей, т. е. когда морально-политическая оценка деяния или деятеля является более или менее отрицательной.

В сознании лица, совершающего в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости действия, формально являющиеся преступлением, происходит определенный психический процесс. Такое лицо предвидит результаты своих действий и желает их наступления, т. е. оно действует с умыслом. В его действиях имеется субъективная сторона определенного состава преступления, т. е. вина как элемент состава преступления. Но общественно-полезный характер поведения субъекта, руководившие им мотивы, характер защищаемых им интересов, соотношение между вредом грозившим и вредом причиненным и другие обстоятельства делают невозможным осуждение такого лица от имени социалистического государства, исключают отрицательную морально-политическую оценку его действий, т. е. признание в его действиях вины как общего основания уголовной ответственности¹.

Ст.ст. 47 и 48 УК РСФСР предусматривают ряд обстоятельств, усиливающих или ослабляющих вину подсудимого, а именно, мотивы, руководившие подсудимым, и особенности его личности, условия, в которых он находился, и др.

Во всех этих случаях подсудимый предвидел, желал и т. д., т. е. в его психике происходили точно такие же психические процессы, как у каждого лица, действующего умышленно или неосторожно. Но различные обстоятельства объективного и субъективного характера, влияющие на характер морально-политической оценки подсудимого и его деяния советским судом, делают вину большей или меньшей. Так, например, совершение преступления в целях восстановления власти буржуазии (п. «а» ст. 47) или возможность нанесения совершением преступления ущерба интересам государства или трудящихся (п. «б» ст. 47) усиливают отрицательную морально-политическую оценку подсудимого и деяния, т. е. усили-

¹ Пленум Верховного суда СССР в постановлении по делу Кашиной от 2 марта 1945 г. говорит о «крайней необходимости, исключаяющей вину».

вают его вину. Наоборот, совершение преступления хотя и с превышением пределов необходимой обороны, но для защиты от посягательств на советскую власть или революционный правопорядок (п. «а» ст. 48) понижают, с точки зрения социалистического правосознания, вину обвиняемого.

Таким образом, и в случаях, о которых говорится в ст.ст. 47 и 48 УК РСФСР, у подсудимого имелся умысел в смысле формально-психологическом, но в одних случаях морально-политическая оценка подсудимого является более отрицательной, в других — менее отрицательной, и в зависимости от этого вина как основание уголовной ответственности усиливается или понижается.

Представляет интерес с этой точки зрения и прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР, применяемое только в военное время. Примечание это дает право суду, приносящему в военное время военному служащему к лишению свободы без поражения прав, отсрочить исполнение приговора до окончания военных действий, с тем, что осужденный направляется в Действующую армию. В отношении таких военнослужащих, проявивших себя стойкими защитниками СССР, допускается, по ходатайству соответствующего военного начальства, освобождение от назначенной судом меры наказания или замена ее более мягкой мерой по определению суда, вынесшего приговор.

Нетрудно убедиться, что та вина, которая может быть заглажена осужденным согласно прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР, — это не вина в смысле умысла или неосторожности. Факт наличия умысла или неосторожности в действиях осужденного остается неизменным. Его «загладить» нельзя. Но то, что составляет морально-политическое содержание вины, то, что дало суду основание признать наличие вины как основания уголовной ответственности, можно искупить, загладить. В зависимости от того, насколько осужденный загладил эту свою вину перед социалистической Родиной, он или вовсе освобождается от наказания, или наказание ему смягчается.

По существу принцип заглаживания вины как основания уголовной ответственности положен в основу и постановления Пленума Верховного суда СССР от 29 июля 1943 г., в котором Пленум признает нецелесообразным

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 г., стр. 4.

рассмотрение некоторых категорий уголовных дел о лицах, возвратившихся с военной службы, с мотивировкой, «что обвиняемые уже по одному факту беспорочной службы в Красной Армии или Военно-Морском Флоте дают основание рассматривать их как лиц, не представляющих общественной опасности»¹.

О заглажении вины перед Родиной прямо говорит Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 7 января 1943 г. «О порядке досрочного снятия поражения в правах в отношении лиц, отбывших основную меру наказания и подлежащих по своему возрасту призыву или мобилизации». В этом постановлении Пленум Верховного суда СССР указывает на нецелесообразность лишать возможности выполнить свой воинский долг лиц, которые отбыли наказание, но в отношении которых остается в силе дополнительная мера наказания в виде поражения в правах, тем более, что эти лица, как правило, «сами выражают желание пойти на фронт и тем загладить свою вину перед Родиной»².

Прим. 2 к ст. 28 УК РСФСР и приведенные постановления Пленума Верховного суда СССР подтверждают, что вине в этом примечании придается материальное, морально-политическое содержание, более широкое, чем вина как субъективная сторона преступления. Вина выступает здесь как вина перед Родиной, вина перед социалистическим отечеством, вина перед социалистическим государством, вина как основание уголовной ответственности.

Анализ уголовного законодательства и изучение судебной практики приводят, как уже выше отмечалось, к выводу, что суды при разрешении вопроса о наличии или отсутствии в действиях подсудимого вины как общего основания уголовной ответственности исходят из оценки ряда объективных и субъективных обстоятельств. Для морально-политической оценки действий подсудимого и его личности значение имеют, прежде всего, наличие у него умысла и неосторожности. Без этого отпадает вопрос не только о наличии субъективной стороны преступления, но и о наличии вины как общего основания уголовной ответственности. Но вина как общее основание

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 г., стр. 4.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 1.

уголовной ответственности охватывает также и все особенности поведения подсудимого, выполнившего состав того или другого преступления, мотивы, которые руководили подсудимым, цели, которые он себе ставил, обстановку, в которой он совершил преступление, отсутствие или наличие общественно-опасных последствий, их характер и размеры, личность подсудимого и ее особенности, личность потерпевшего и ее особенности и другие обстоятельства объективного и субъективного характера, имеющие, по мнению суда, значение для правильной общественной оценки поведения обвиняемого и самого подсудимого.

При морально-политической оценке поведения обвиняемого значение имеют и наличие или отсутствие общественной опасности его действий, а также степень этой опасности. Отсутствие в действиях виновного общественной опасности, как и отсутствие в его действиях противоправности, исключает, разумеется, и виновность. Но и степень общественной опасности может иметь значение и при решении вопроса о виновности или невиновности подсудимого. Крайне незначительная степень общественной опасности действий подсудимого и результатов его действий в сочетании с другими обстоятельствами может служить основанием для непризнания вины подсудимого или признания ее в незначительной степени.

Какое значение при решении вопроса о виновности подсудимого имеет само поведение подсудимого? Прежде всего, оно имеет, конечно, решающее значение для установления в действиях подсудимого умысла или неосторожности, т. е. субъективной стороны состава преступления. Здесь в полной мере применимо указание Ленина: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: общественные действия личностей, т. е. социальные факты»¹.

Свое решение о наличии в действиях подсудимого умысла или неосторожности суд обязан доказать на основании объективных фактов поведения подсудимого. Простая ссылка суда на наличие в действиях подсудимого

¹ Ленин, Соч., т. 1, стр. 279—280.

умысла или неосторожности, не подкреплённая объективными обстоятельствами и не покоящаяся на таких обстоятельствах, явилась бы неубедительной и повлекла бы отмену приговора суда.

Но объективные факты поведения подсудимого имеют значение и независимо от решения вопроса о наличии или отсутствии в действиях подсудимого умысла или неосторожности. После того как наличие умысла или неосторожности установлено судом, поведение подсудимого не перестаёт иметь значение для суда. Его значение остаётся во всей силе и при решении вопроса о наличии или отсутствии в действиях подсудимого вины как общего основания уголовной ответственности, а также и при решении вопроса о степени вины.

О вине человека как основании уголовной ответственности и о степени его вины можно судить не только по его психическому отношению к содеянному, но и по содеянному им, по его поведению, по его антиобщественным действиям, точно так же, как по антиобщественному поведению человека можно судить об его вине как психическом переживании. Взаимосвязь между психическими переживаниями и поведением человека установлена советской психологией. «Чувствуя, мы переживаем свое отношение к тому, что мы познаем или делаем, принимая волевое решение, мы исходим из определенных мыслей и чувств. В особенности важно помнить, что все психические процессы всегда протекают в какой-либо деятельности. Это относится не только к волевым, но и к познавательным и эмоциональным процессам. Человек всегда так или иначе действует, и в ходе своей деятельности он познает и чувствует»¹.

Когда Ленин говорит о чьей-либо вине, он имеет в виду не только психическое отношение виновного к содеянному им, но и определенные факты, определенные действия, определенное поведение. Именно в объективных фактах, в поведении лица усматривает Ленин вину. Ленин писал: «Вы виноваты, не принявши всех мер, действительно обеспечивающих быстрое получение оборудования»². Ленин говорил об ответственности работников, во-время не договорившихся с соответствующими лицами³. «Если

¹ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 7—8.

² Ленинский сборник, т. XXIII, стр. 27.

³ См. там же, стр. 177.

Селнвачев сбежит или его начдивы изменят, виноват будет РВСР, ибо он спал и успокаивал, а дела не делали»¹.

Обращаясь к практике советских судов, мы видим, что она исходит из того, что вина выражается в определенных действиях, в конкретных актах человеческого поведения. Когда Верховный суд СССР говорит о вине подсудимого, он имеет в виду не только его психические переживания, но и определенные его действия.

Четкое выражение указанное положение нашло в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР по делу Арюпина и Казменко от 17 ноября 1948 г. В определении говорится: «...суду надлежало проверить самому или направить дело на исследование для выяснения, действительно ли Казменко похищенную рожь отвез на мельницу, уплатил ли гарницевый сбор и была ли выписана квитанция на его имя. Выяснение этого обстоятельства имело по делу существенное значение для установления виновности или невинности Казменко в хищении ржи»².

Когда Верховный суд СССР говорит о доказательствах вины подсудимого, то он имеет в виду доказательства не только действий, которые свидетельствуют о наличии у подсудимого умысла или неосторожности, но и доказательства таких действий подсудимого и других фактических обстоятельств, которые не нужны для установления умысла или неосторожности, но необходимы для той морально-политической оценки, на которой основывается признание вины как общего основания уголовной ответственности.

Верховный суд СССР говорит, что «вина Минаевой заключается в том, что она пользовалась весами, употребление которых не допускается»³; что «вина Мурадян заключается в том, что она отпускала некоторым лицам по повышенным ценам хлеб без карточек»⁴; что «Хабарин признан виновным в том, что он 23 июня 1942 г. во время обоеудной драки убил гр. Садовникова В. И. Кроме того, Хабарин признан виновным также и в том, что он в этот же день, будучи задержанным в помещении Смушевского

¹ Ленинский сборник, т. XXIV, стр. 15.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948 г., № 2, стр. 19.

³ Там же, 1943 г., вып. VI, стр. 8.

⁴ Там же, 1943 г., вып. II (VIII), стр. 14—15.

сельсовета, в присутствии граждан ругался нецензурными словами»¹; что «виновность Цветкова заключается в том, что он, являясь заведующим столовой, не обеспечил надлежащего контроля за работой подчиненных ему по службе лиц, вследствие чего последними систематически расхищались со склада продукты»²; что «вина Русских заключается в том, что он вел большую лошадь не в поводу, а на аркане»³; «вина Микульщина состоит в том, что он не оформил документации произведенных расходов»⁴.

Во всех этих и многочисленных других аналогичных случаях суд говорит не о том, что Минаева умышленно пользовалась негодными весами, что Мурадян умышленно отпускала некоторым лицам по повышенным ценам хлеб без карточек, что Хабарин умышленно убил Садовникова и т. д. Во всех этих случаях суд, говоря о вине подсудимых, дает отрицательную морально-политическую оценку действиям Минаевой, выразившимся в пользовании негодными весами, действиям Мурадян, выразившимся в отпуске некоторым лицам хлеба по повышенным ценам без карточек, действиям Хабарина, выразившимся в убийстве Садовникова, и т. д. Объективные обстоятельства поведения подсудимого являются во всех этих случаях одним из оснований для признания его вины не только в смысле субъективной стороны преступления, но и в смысле вины как общего основания уголовной ответственности.

Судебная практика знает случаи, когда те или другие объективные обстоятельства являются основанием для отрицательного решения вопроса о вине подсудимого. В этих случаях имеется вина в смысле субъективной стороны состава преступления (умысел или неосторожность), но те или другие обстоятельства исключают ответственность лица.

Так, например, Верховный суд СССР по делу Д., признав, что подсудимый лишь в связи с болезнью жены решил временно позаимствовать 3404 руб. из средств магазина, которым он заведывал, и что действия Д. не по-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 17.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. V, стр. 46.

³ Там же, 1947 г., вып. I, стр. 21.

⁴ Там же.

влекли тяжелых последствий, дело Д. на этом основании в уголовном порядке прекратил и признал наличие в его действиях лишь дисциплинарного проступка. Это означает, что болезнь жены подсудимого, с одной стороны, и отсутствие тяжелых последствий, с другой стороны, являются теми объективными обстоятельствами, которые дали суду основание не признать в действиях Д. вины как основания уголовной ответственности, несмотря на то, что умысел в действиях Д. имелся.

Акад. А. Я. Вышинский показал, какое огромное значение для разрешения советским судом вопросов вины имеет обстановка, в которой было совершено рассматриваемое судом преступление. А. Я. Вышинский говорил в одной из своих обвинительных речей: «Для правильного разрешения каждого судебного дела обязательно точное, ясное и отчетливое представление о той эпохе, когда совершались преступления, составляющие предмет судебного рассмотрения. В каждом судебном деле нельзя упускать из виду этой особенности. Нельзя упускать того, что можно назвать исторической перспективой судебного процесса... Это обязывает нас и в оценке тех деяний, которые вменяются в вину каждому из подсудимых, оглянуться назад и вникнуть в ту объективную обстановку, на почве которой родились и возникли эти самые преступления»¹.

Разрешая вопрос о вине подсудимого, Верховный суд СССР придает важное, а иногда и решающее значение также и обстановке, в которой были совершены инкриминируемые подсудимому действия.

Заведующий складом Чернов был осужден за халатность, выразившуюся в допущении недостачи 4633 кг ржи. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР пришла к выводу, что нельзя Чернова обвинить в халатности. В соображениях, которые привели Судебную коллегия к такому выводу, тщетно искали бы мы каких-либо указаний на то, что коллегия пришла к указанному выводу ввиду отсутствия в действиях Чернова умысла или неосторожности. Наличие небрежности, как видно из определения Судебной коллегии, никем не оспаривалось. Вина в смысле психического отношения (небрежности) была налицо. Но условия, в которых действо-

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, М., 1948 г., стр. 55.

вал Чернов, исключали его вину. «Разрешая вопрос о виновности Чернова, — указала Судебная коллегия, — суд не учел предэвакуационной обстановки, во время которой производилась приемка зерна. Эта обстановка обусловила то, что экспедитор Лукьянова внезапно эвакуировалась, не успев отчитаться перед Черновым в количестве принятой ею ржи, а у Чернова было ослаблено внимание к этой операции»¹.

Судебная коллегия считает, таким образом, что для разрешения вопроса о виновности суд должен был учесть не только субъективное отношение Чернова к содеянному им, т. е. проявленную им небрежность, но и особую обстановку (предэвакуационную), в которой действовал Чернов, допустив небрежность при приемке зерна. Приняв во внимание эту обстановку, Судебная коллегия не нашла оснований для отрицательной морально-политической оценки поведения Чернова, т. е. не нашла в его действиях вины и на этом основании дело о Чернове производством прекратила.

Таким образом, факты из поведения подсудимого, а также другие фактические обстоятельства, как, например, обстановка, наличие и характер последствий и т. д., влиявшие на поведение обвиняемого, которые некоторыми авторами относятся исключительно к объективной стороне преступления, на самом деле имеют значение, подчас даже решающее, для разрешения вопроса о вине подсудимого и ее степени. Пленум Верховного суда СССР о фактах, инкриминируемых подсудимому, говорит как об «основании для признания виновности»².

Вина, указывает неоднократно Верховный суд СССР, выражается именно в фактах, в объективных обстоятельствах, и Верховный суд СССР отменяет те приговоры, из которых не видно, в каких конкретно фактах выразилась вина подсудимого³.

Для признания или отрицания вины подсудимого и для установления степени его вины, имеют значение и индивидуальные свойства самого подсудимого, особенности его личности, т. е. обстоятельства, лежащие в самом субъекте,

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. IX(XV), стр. 12.

² Там же, 1946 г., вып. V (XXIX), стр. 14.

³ Там же, 1945 г., вып. VI (XXII), стр. 7.

поскольку, конечно, такие обстоятельства характеризуют его поведение и помогают суду верно оценить его. Так, например, по делу Ш. Пленум Верховного суда СССР указал: «При разрешении вопроса о вине Ш. необходимо учесть, что, как видно из письма Наркомата речного флота СССР, Ш. характеризуется исключительно с положительной стороны, безусловно работает на водном транспорте с 1931 г. и, являясь старшим научным сотрудником Академии наук СССР, принимает участие в подготовке к печати ряда книг, имеющих серьезное значение для водного транспорта»¹. В одном из протестов в порядке надзора Прокурора СССР говорится: «До расследования вопроса о состоянии сигналов нельзя говорить о виновности машиниста, нельзя и не учесть переутомленности машиниста»².

То обстоятельство, что и судебная практика решает вопрос о вине подсудимого (о вине как об общем основании уголовной ответственности) не только в зависимости от наличия или отсутствия у него умысла или неосторожности, подтверждается многими определениями Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР. Так, например, в определении от 17 марта 1945 г. по делу Рязановой и др. коллегия установила, что по этому делу народный суд не выяснил ряда фактических обстоятельств, и пришла к выводу, что «невыясненность всех этих обстоятельств, которые в своей совокупности только могли привести к обоснованному выводу о действительном характере умысла осужденных (разрядка наша. — Б. У.), делает приговор суда необоснованным»³.

Не трудно убедиться, что, говоря о «действительном характере умысла», Верховный суд СССР имеет в виду все обстоятельства объективного и субъективного характера, в число которых входит не только умысел подсудимых (он никакого сомнения в данном случае не вызывал).

Вопрос о вине как общем основании уголовной ответственности — это вопрос не только о признании подсудимого виновным или невиновным, но это также и вопрос

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. VI (XXII), стр. 7.

² «Социалистическая законность», 1938 г., № 1, стр. 102, протест по делу Сухорученко.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. V (XXI), стр. 14.

о степени его вины, о вине более тяжелой или менее тяжелой, о большей или меньшей вине.

Советское уголовное право различает действия более или менее виновные. Вопрос о степенях вины — это один из важнейших вопросов советского правосудия. Ленин указывал на необходимость наказывать, «смотря по степени вины»¹. Степень вины всегда устанавливается и учитывается при вынесении приговора советским судом². Но вина не может быть ни большей, ни меньшей виной, если ее ограничивать формально-психологическими признаками умысла или неосторожности.

Таким образом, законодательство и судебная практика при разрешении вопроса о вине как общем основании уголовной ответственности не ограничиваются требованием умысла или неосторожности как психического отношения лица к своим действиям. Они требуют наличия объективных и субъективных обстоятельств, дающих основание для отрицательной морально-политической оценки подсудного и его действий. Поэтому явно неудовлетворительными оказываются определения вины, ограничивающиеся только установлением умысла и неосторожности и не проводящие различия между виной как общим основанием уголовной ответственности и виной как элементом состава преступления. Такие определения не дают к тому же возможности и для суждения о степени вины при совершении определенного преступления. Нельзя предвидеть больше или меньше. Равно предвидит результаты своих действий (общественно-опасные результаты) и желает их наступления и злостный расхититель государственного имущества на десятки тысяч рублей и совершающий мелкую кражу в силу тяжело сложившихся обстоятельств. С точки зрения формально-юридических определений вины они равно виноваты, как равно виновны с этой точки зрения подсудимый, похитив-

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 129.

² Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 18 октября 1941 г. по делу М. указала: «Суд правильно признал М. виновным и в нарушении дисциплины, повлекшем причинение увечья потерпевшей П., но при оценке степени вины М. суд не учел, что и потерпевшая допустила нарушение правил уличного движения, сидя на камне, находившемся на мостовой, и не сойдя с дороги после сигнала М.». Судебная практика проводит различие между главными, или основными, виновниками и второстепенными виновниками.

ший большую сумму с целью игры в карты, и подсудимый, временно заимствовавший незначительную сумму для лечения больного ребенка.

Вопрос о степенях вины лежит за рамками признания наличия умысла или неосторожности. Он разрешается не только в зависимости от наличия этих признаков, а в зависимости от всех обстоятельств дела, объективных и субъективных, т. е. в зависимости от степени вины как основания уголовной ответственности.

При разрешении вопроса о степени вины для суда имеют значение, как и при решении вопроса о вине, различные объективные и субъективные обстоятельства, как, например, наличие или отсутствие вредных последствий от деяния подсудимого. Так, по делу Л. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР установила: «Хотя ст. 179 УК РСФСР карает нарушение указанного в ней запрета независимо от того, повлекло ли оно вредные последствия или нет, однако это не значит, что такие последствия не должны приниматься во внимание при определении степени вины нарушителя»¹.

Такое же значение могут иметь и обстоятельства, не зависящие от подсудимого, а также и обстоятельства, относящиеся к личности подсудимого. Все эти обстоятельства влияют на смягчение или усиление его вины. Пленум Верховного суда СССР говорит об «обстоятельствах, усугубляющих вину и ответственность»².

Вина как общее основание уголовной ответственности охватывает, как мы видели, различные обстоятельства уголовного дела — субъективные обстоятельства и объективные обстоятельства. Но для познания содержания

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. V (XXIX), стр. 4. О значении отношения подсудимого к последствиям его деяний см. статью Н. Наумова «Военные трибуналы на морском и речном транспорте», — «Социалистическая законность», 1944 г., № 5—6.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. III (IX), постановление Пленума по делу Аначко, стр. 14. М. Шнейдер в диссертации «Нарушение трудовой дисциплины на транспорте» доказывает, что «объективные моменты имеют прямое отношение к определению вины». М. Шнейдер приводит письмо Председателя Верховного суда СССР (апрель 1942 г.) председателю линейного суда Молотовской ж. д., в котором указывается, что отсутствие нормального отдыха имеет, при известных условиях, существенное значение в определении степени вины машиниста, допустившего нарушение дисциплины.

вины как общего основания уголовной ответственности этого еще недостаточно. Необходимо установить, каким путем советский суд приходит к убеждению о наличии или отсутствии в каждом конкретном деле вины как общего основания уголовной ответственности.

Для этого необходимо исследовать вопрос об оценочной деятельности советского суда и о морально-политической оценке обстоятельств дела при разрешении советским судом вопроса о вине как общем основании уголовной ответственности.

§ 2. Морально-политическая оценка при вине как общем основании уголовной ответственности

Признание подсудимого виновным означает, что советский суд, обсудив все обстоятельства, установленные на судебном следствии, и установив, что подсудимый своими действиями (или бездействием) выполнил состав инкриминируемого ему преступления, дал его действиям ту отрицательную морально-политическую оценку, которая служит основанием уголовной ответственности подсудимого.

В высказываниях Ленина и Сталина мы находим образцы морально-политической оценки при признании ими вины в тех или других действиях.

Из приведенного выше высказывания Ленина в 1918 г. о виновных в мешочничестве ясно видно, что невозможность отрицательной морально-политической оценки исключает вину и, наоборот, отрицательная морально-политическая оценка того или иного лица означает признание его виновным¹.

Отрицательную морально-политическую оценку расхитителям социалистической собственности дал в 1926 г. товарищ Сталин, когда он говорил, что «вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»².

Отрицательную морально-политическую оценку дает расхитителям социалистической собственности ст. 131 Сталинской Конституции, называя их «врагами народа», ст. 133 — изменниками Родине, называя их действия «самым тяжким злодеянием».

Если п. 9 ст. 23 УПК РСФСР определяет приговор

¹ См. Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 98—99.

² И. Сталин, Соч., т. 8, стр. 136.

суда как решение о виновности или невиновности обвиняемого, то речь идет и здесь об отрицательной морально-политической оценке со стороны суда действий подсудимого или об отказе суда от такой отрицательной оценки. Это положенно прямо высказано в Инструктивном письме Верховного суда и Прокуратуры Союза ССР «О судебном приговоре» от 13 августа 1934 г., где говорится, что «из приговора широкие массы узнают об оценке судом от имени пролетарского государства как действий, бывших предметом судебного разбирательства, так и личности подсудимого»¹.

Морально-политическая оценка действий подсудимого и его личности — это важнейшая и основная задача советского суда. «Задачи советской процессуальной науки, — пишет акад. А. Я. Вышинский, — требуют глубокого и действительно научного понимания возникновения преступлений и мер борьбы с ними, уменья научно понять и научно оценить каждое отдельное преступление, сделать из этой оценки выводы, необходимые с точки зрения задач и интересов социалистического строительства, борьбы за интересы социалистического общества. Среди этих требований важнейшее место занимает требование правильной оценки личности обвиняемого, степени его виновности и личной ответственности за совершенное»².

При разрешении вопроса о вине подсудимого советский суд дает морально-политическую оценку поведению подсудимого. Необходимо поэтому установить те критерии, из которых исходит советский суд, давая эту оценку.

Основной критерий, которым должен руководствоваться суд, вытекает из самой природы советского государства, следовательно, и советского суда. «Суд у нас пролетарский», — писал Владимир Ильич³. Это означает, что «советский суд — родное детище советского государства, плоть от плоти и кость от кости нового социалистического общества. Он служит интересам трудящихся, интересам народа, он народный суд в прямом и истинном смысле этого слова»⁴.

¹ О судебном приговоре, М., 1934 г., стр. 6.

² А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 164.

³ Ленин, Соч., т. XXIX, стр. 414.

⁴ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 18.

Советский суд, в соответствии с его классово-политической природой, при разрешении вопросов вины (мы говорим здесь, как и ниже, о вине как основании уголовной ответственности) должен, прежде всего, исходить из положения, что действие, виновное с точки зрения социалистического уголовного права, — это действие виновное перед трудящимися, перед социалистическим государством. А. Я. Вышинский в обвинительной речи по делу парохода «Советский Азербайджан» говорил о подсудимых: «Они виноваты перед своими товарищами, перед нашей страной, перед советской властью»¹. Эти слова А. Я. Вышинского подтверждают, что вина в советском уголовном праве — это вина перед всей нашей страной, перед социалистическим государством.

Вина перед социалистическим государством имеет совершенно иной морально-политический характер, иное классовое содержание, чем вина перед любым эксплуататорским государством, в частности, перед буржуазным государством. Вина трудящегося, совершившего преступление перед социалистическим государством, — это вина перед своим классом, перед всеми трудящимися, перед своей социалистической Родиной.

Каждый обвинительный приговор, выносимый советским судом, содержит в себе отрицательную морально-политическую оценку подсудимого и совершенного им деяния. Уже самое признание подсудимого виновным означает такую именно отрицательную оценку. В некоторых приговорах, определениях и постановлениях по уголовным делам отрицательная политическая и моральная оценка подсудимого и его деяния выражается в прямой форме, иногда развернутой, иногда более сокращенной.

В качестве примера развернутой политической оценки вины подсудимого можно привести постановление Пленума Верховного суда СССР от 29 ноября 1946 г. по делу Озирянского. Подсудимый по этому делу пользовался

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, М., 1948 г., стр. 221.

В работе Х. Шварца «Значение вины в обязательствах из причинения вреда», М., 1939 г., стр. 23, автор говорит: «Разве мы не имеем всех оснований говорить, что тот гражданин социалистического общества, который нарушил закон общества, хотя ему как члену социалистического общества был предоставлен необходимый простор для удовлетворения его человеческих потребностей, виноват перед социалистическим обществом и перед тем, чье право и законный интерес им нарушены».

положением кустаря в качестве ширмы, чтобы при помощи ее скрыть действительный характер своих преступных операций, выразившихся в использовании им путем разных ухищрений государственных и общественных организаций для своих частно-предпринимательских, спекулятивных целей. Пленум Верховного суда СССР указал в постановлении по этому делу: «Суд должен был особо учесть, что в условиях социалистического государства такие явления представляют повышенную общественную опасность, так как преступные элементы, лишённые возможности при социалистической системе хозяйства свободно развивать частную предпринимательскую деятельность, пытаются приравняться к создавшимся условиям и путем разных комбинаций, облеченных в форму внешней показной законности, предоставить простор своей преступной хищнической спекулятивной деятельности»¹.

Вина в советском уголовном праве имеет не только политический, но и моральный характер. В этом — одно из существенных отличий вины в социалистическом уголовном праве от вины в буржуазном уголовном праве.

Одной из причин неизбежного для буржуазных криминалистов сведения в теории и в законодательстве вины к формально-психологическим определениям умысла и неосторожности является внутренне присущий всякому эксплуататорскому государству разрыв между представлениями народа, эксплуатируемых масс о должном, о моральном и неморальном и представлениями о должном, о моральном и неморальном господствующих эксплуататорских классов. Содержание, вкладываемое господствующим в эксплуататорских государствах классом в понятие виновного поведения, находится в противоречии с представлениями народа о моральном и неморальном, преступном и не преступном.

Отношение рабочего в буржуазном государстве к буржуазным законам ярко выразил Маркс в статье по поводу закона против кражи дров и объявления кражей собирания валежника. Он писал, обращаясь к депутатам рейнского ландтага: «Вам не удастся заставить верить в наличность преступления там, где нет преступления. . . Народ видит наказание, но он не видит преступления»². Право-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. X (XXXIV), стр. 7.

² Маркс, Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 224.

Сознание рабочего в буржуазном государстве не мирится с законом буржуазного общества. По словам Энгельса, «рабочий слишком хорошо знает и слишком часто испытал на опыте, что закон для него — кнут, сплетенный буржуазией, и потому имеет с ним дело только тогда, когда его к этому вынуждают»¹.

Совершенно по-иному обстоит дело в социалистическом уголовном праве. Здесь нет и не может быть никакого противоречия между содержанием, вкладываемым в понятие виновного поведения уголовным законом и судами, с одной стороны, и моральными представлениями народа — с другой. Поведение, которое советский законодатель считает морально-предосудительным, весь советский народ, все трудящиеся считают противоречащим морали. Виновное поведение — это в социалистическом уголовном праве поведение, получающее в глазах трудящихся отрицательную моральную оценку².

Какое большое значение имеет в СССР моральное осуждение виновного в совершении преступления, с исключительной яркостью видно из требований товарища Сталина в связи с необходимостью борьбы с хищениями социалистической собственности — «поднять такую кампанию и создать такую моральную атмосферу среди рабочих и крестьян, которая исключала бы возможность воровства, которая делала бы невозможным жизнь и существование воров и расхитителей народного добра, «веселых» и «невеселых»³.

¹ Энгельс, Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 509.

² См. А. Я. Вышинский, «Социалистическая законность», 1939 г. № 6, стр. 9; см. также Т. Церетели, Причинная связь и вина как основания уголовной ответственности: «правовое порицание в социалистическом государстве означает в то же самое время и нравственное порицание, ибо нарушение правового долга является у нас одновременно и нарушением морального долга» (цит. по рукописи, любезно предоставленной автором).

³ И. Сталин, Соч., т. 8, стр. 136—137.

Обо все усиливающейся тенденции соблюдения в СССР писанных законов не в силу принуждения, а в силу давления общественного мнения см. в статье Степаньяна в журнале «Вопросы философии», 1947 г., № 2, стр. 35: «Соблюдение писанных законов с течением времени станет привычкой. Для многих передовых людей оно уже сейчас становится привычкой. И тогда, как указал М. И. Калинин, общественное мнение, приобретая силу неписанных законов, будет давить сильнее, чем теперешние писанные законы.

Точно так же как каждый обвинительный приговор, вынесенный советским судом, заключает в себе отрицательную политическую оценку подсудимого и совершенного им деяния, так же каждый приговор, признающий подсудимого виновным, заключает в себе и отрицательную моральную оценку подсудимого и его деяния.

То обстоятельство, что преступление в социалистическом уголовном праве представляет собою и нарушение морального и политического долга советского человека, было показано академиком А. Я. Вышинским в его обвинительной речи по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан». Говоря о помощнике по политической части капитана парохода Могущенко, который не принял никаких мер, чтобы заставить капитана парохода организовать спасение погибавших, А. Я. Вышинский сказал: «Что вы могли и должны были сделать, гражданин Могущенко? Я, не колеблясь, отвечаю, отвечаю со всей решительностью и категоричностью: «Вы должны были властью комполита снять капитана с поста, вы должны были запретить его в каюту, как чумного, как прокаженного, как врага корабля, как врага советского народа. . . Что должен был сделать комполит в той обстановке? Он должен был потребовать у капитана исполнить свой долг, действовать по всем правилам морской нравственности, морской службы, морского советского долга»¹.

Советский законодатель, устанавливая правила Общей части уголовного права, обрисовывая составы преступлений и определяя санкции за отдельные преступления, исходит из оценки опасности и вреда для социалистического государства различных актов человеческого поведения. Законодательная деятельность в значительной мере — деятельность оценочная. Вся Особенная часть советских уголовных кодексов и все отдельные законы, устанавливающие новые или отменяющие старые составы преступлений, заключают в себе суждения о должном или недолжном поведении. Введение каждого нового состава преступления — это результат оценки тех или иных дей-

Уже сейчас многие формы воздействия общественного мнения на нарушителей коммунистической морали имеют не менее важное воспитательное значение, чем суды, осуществляющие писанные законы».

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, 1948 г., стр. 212.

ствий как представляющих опасность для социалистического государства¹.

Статьи Особенной части содержат оценку советским законодателем различных действий с точки зрения интересов социалистического государства. К тому же в самых диспозициях и санкциях в ряде случаев дается политическая оценка преступления. Так, например, выпуск недоброкачественной продукции оценивается в диспозиции ст. 128-а УК РСФСР как «противогосударственное преступление, равносильное вредительству»; обмеривание и обвешивание оцениваются в санкции ст. 128-в как «обворовывание потребителя и обман советского государства».

К оценке различных обстоятельств, актов человеческого поведения, мотивов преступления и т. д. законодатель прибегает и в Общей части уголовных кодексов. Так, например, результатом такой оценки являются перечни обстоятельств, отягчающих и смягчающих вину (ст. ст. 47 и 48 УК РСФСР). Результатом оценки различных обстоятельств является допущение при определенных условиях необходимой обороны и крайней необходимости (ст. 13 УК) и т. д.

Наряду с определенной оценкой некоторых обстоятельств, действий, мотивов поведения и др., законодатель во многих случаях прямо предоставляет оценке суда те или иные обстоятельства. Так, например, во многих случаях Уголовный кодекс РСФСР в диспозициях или санкциях статей говорит об «отягчающих обстоятельствах» (ст. 47, ч. 2 ст. 61, ч. 2 ст. 151); «особо отягчающих обстоятельствах» (ст. ст. 59³, 58⁴, 59^{3б}, ч. 2 ст. 59⁷, 58¹⁴, 59⁹, ч. 2 ст. 59⁷, 59^{3г}, 59, ч. 2 ст. 136, 193^{10а}); «смягчающих обстоятельствах» (ст. ст. 48, 58^{1а}, 59⁸, п. «в» ст. 193⁵, п. «б» ст. 193⁶, п. «б» ст. 193⁹, п. «б» ст. 193¹¹ и др.), «тяжелых последствиях» (ст. ст. 75²—75⁴, 108, 109

¹ Совершенно правильно у Церетели и В. Макашвили в статье «О понятии противоправности по советскому уголовному праву»: «Когда мы говорим, что законодатель считает то или иное действие противоправным, то этим высказывается следующее: законодатель в отношении определенного комплекса фактов выражает неодобрительное суждение, он расценивает эти факты как опасные для социалистического порядка. Следовательно, суждение о противоправности является оценивающим суждением» (цит. по рукописи, любезно предоставленной авторами).

и др.), «особо тяжелых последствиях» (ст. 58^б), «тяжелом ущербе» (ч. 2 ст. 79), «низменных побуждениях» (п. «а» ст. 136, п. «г» ст. 47, п. «в» ст. 48), «позорящих» измышлениях (ст. 161) или сведениях (ст. ст. 161, 174), «исключительном цинизме или дерзости» (ч. 2 ст. 74), о «недобросовестном» отношении (ст. ст. 111, 128), о «личном достоинстве» (ч. 2 ст. 110), об «уважительных» причинах (ч. 2 ст. 70, ст. 157, 169-а).

Совершенно очевидно, что признание или отрицание наличия в поведении обвиняемого «позорящего» или «низменного» характера и т. п. является результатом оценочной деятельности, глубоко различной, с одной стороны, у судьи, внутреннее убеждение которого «питается почвой буржуазного правосознания, рассматривающего явления и действия людей и самих людей с точки зрения интересов частной собственности, купли-продажи, эксплуатации»¹, и, с другой — у судьи, внутреннее убеждение которого питается «соками социалистической почвы, принципами социалистического отношения к обществу, к людям, к своему долгу по отношению к государству»².

Примером отрицательной морально-политической оценки, исходящей из социалистического отношения к обществу, и может явиться признание тех или иных определенных действий «хулиганством» (ст. 74 УК РСФСР), «злостными» (ст. 59^{зв} и др.), «оскорблением» (ст. ст. 76, ч. 2 ст. 110, ст. 159), «действиями, дискредитирующими власть в глазах трудящихся» и т. д. Суд оценивает «степень серьезности» служебных упущений и проступков (прим. 1 к ст. 112 УК РСФСР). Оценке суда предоставляется признание мотивов убийства «низменными» (ст. 136) и т. д. Суд может оценить действие, формально подходящее под признаки какой-либо статьи Особенной части, как «малозначительное» и «не повлекшее вредных последствий» и на этом основании прекратить дело (прим. к ст. 6 УК). Суд может оценить обстоятельства дела как «исключительные» и на этом основании смягчить наказание ниже низшего предела, указанного в соответствующей данному преступлению статье Уголовного кодекса (ст. 51

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., 1946 г., стр. 143.

² Там же.

УК РСФСР). Суд может оценить степень опасности осужденного, как не требующую его изоляции, и на этом основании постановить об условном его осуждении (ст. 53 УК РСФСР).

Деятельность советского суда имеет оценочный характер прежде всего потому, что на суд возлагается «оценка имеющихся в деле доказательств» (ст. 23 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик). Но она носит оценочный характер, поскольку суд, собрав доказательства по делу, должен оценить их с точки зрения виновности или невиновности подсудимого. Советский суд не применяет механически нормы закона к рассматриваемому деянию. Он дает этому деянию оценку с точки зрения опасности и вреда для социалистического государства. «Логическая работа, — пишет С. А. Голунский, — отнюдь не сводится только к констатированию соответствия рассматриваемого судом общественного отношения той или иной правовой норме. Задача суда — всесторонняя оценка рассматриваемого им общественного отношения, оценка, в которой правовая норма является главным, но отнюдь не единственным критерием»¹.

При такой оценке советский суд исходит из социалистического правосознания. Верховный суд СССР признал неправильной квалификацию действий Кауфмана, застрелившего из ревности гр-на М., по ст. 138 УК РСФСР. Ленинградский городской суд усмотрел «тяжелое оскорбление Кауфмана в самом факте измены жены Кауфмана с гр-ном М.». Судебная коллегия указала: «Наличие тяжелого оскорбления, как признак состава преступления, предусмотренного ст. 138 УК РСФСР, должно быть установлено судом, руководствующимся при оценке тяжелого оскорбления своим социалистическим правосознанием, а не субъективной оценкой виновного».

Это же определение показывает принципиальное различие в оценке советским и буржуазным обществом одних и тех же мотивов. В данном случае речь идет о ревности. Определение Судебной коллегии решительно опровергает взгляд, в силу которого самый факт измены является

¹ С. А. Голунский, Основные понятия учения о суде и правосудии, Труды Военно-Юридической академии, вып. II, 1943 г., стр. 8—9.

тяжелым оскорблением для другого супруга. В определении Судебной коллегии говорится: «Такое понимание «тяжелого оскорбления» в корне противоречит советскому уголовному закону и социалистическому правосознанию, опровергающим принцип буржуазной «морали», которой свойствен взгляд на жену как на собственность. Советское уголовное право рассматривает убийство из ревности как убийство из низменных побуждений (п. «а» ст. 136), и в целях более действенной борьбы с пережитками капитализма в сознании людей советский закон установил за это преступление более тяжелое наказание».

В советской юридической литературе было высказано мнение, что внесение в понимание вины оценочного момента представляет собою чисто кантаискую концепцию. А. А. Пионтковский говорил о «различии в понимании вины как определенного психического отношения субъекта к совершению преступному деянию, с одной стороны, и понимания вины как оценочной категории, нормативное понимание вины — с другой. Последнее понятие вины получило широкое распространение в буржуазной теории уголовного права XX века. Нетрудно видеть, что в борьбе взглядов по этому вопросу обнаруживается борьба различных мировоззрений. Понятие вины как оценочной категории основывается на неокантовской философии. Сторонники такого понимания открыто сливают свою борьбу против психологического понимания вины с общей борьбой против материализма в теории права. Таким образом, основное понятие уголовного права — понятие вины — не является обобщением соответствующего нормативного материала. Его конструкция обосновывается криминалистами при помощи аргументов внеюридического порядка, заимствованных из общего мировоззрения»¹.

С этим утверждением нельзя согласиться, так как оно смешивает принципиально различные, ничего друг с другом общего не имеющие явления.

Нельзя отрицать оценочную деятельность советского суда только потому (а так именно поступает А. А. Пионт-

¹ А. А. Пионтковский, К методологии изучения действующего права, Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, вып. VI, 1947 г., стр. 51.

ковский), что буржуазные криминалисты говорят об оценочной деятельности буржуазного суда. Вопрос, прежде всего, в том, кто и с каких классовых позиций оценивает поведение подсудимого. Это различие прекрасно показал А. Я. Вышинский. Он указывал, что было бы глубоко неправильным выступать против субъективизма советского суда только потому, что в буржуазном суде субъективизм реакционен. А. Я. Вышинский остро раскритиковал «объективистов», желающих вычеркнуть из советского уголовного процесса внутреннее судебское убеждение на том основании, что буржуазия вложила в содержание внутреннего судебного убеждения чуждое советскому уголовному процессу содержание. А. Я. Вышинский показал, что, вместо того чтобы разоблачить фальшь и лицемерие буржуазии в этом вопросе, «наши объективисты ополчились против теории внутреннего судебного убеждения из-за того содержания, которое буржуазия вложила в эту теорию»¹. Это полностью относится и к вопросу о вине.

Нетрудно убедиться в том, что оценочные теории вины в советской науке уголовного права ни с точки зрения философского обоснования, ни с точки зрения политической ничего общего с буржуазными реакционными неокантианскими оценочными теориями, как выше уже отмечалось, не имеют.

Если философской базой оценочных теорий в буржуазном уголовном праве является кантианская философия, а политической базой — реакция, являющаяся неизбежным признаком империализма, то политической базой советских оценочных теорий являются интересы социалистического государства в его борьбе со всеми действиями, мешающими выполнению задач по постепенному переходу от социализма к коммунизму, а их философской базой — ленинско-сталинское учение о партийности в философии, во всякой науке и в практике социалистического строительства.

Нормативные неокантианские «теории» сводят «оценку» к совершенно произвольному, независимому от доказанных фактических обстоятельств, т. е. от объективной

¹ А. Я. Вышинский, «Проблемы уголовной политики», вып. IV, стр. 19.

реальности, суждению судей о наличии или отсутствии у подсудимого умысла или неосторожности. Тем самым требование закона о наличии умысла или неосторожности превращается в ничего не стоящую фикцию. Как было уже выше отмечено, при господстве подобных «теорий» вина из процесса, происходящего в психике подсудимого, переносится в процесс, происходящий в психике судей.

Оценочное понимание вины в советском уголовном праве относится к вине как основанию уголовной ответственности. Требование умысла и неосторожности как психического отношения подсудимого к своим действиям остается неизменным. Обстоятельства, доказывающие или отрицающие наличие умысла или неосторожности, устанавливаются советским судом. Советский суд, оценивая поведение подсудимого, связан объективными фактами, не может выйти за их рамки, должен исходить из них, строить свои суждения только на основе фактов.

Таким образом, та «оценка», которую предлагают буржуазные нормативные «теории», освящает неограниченный произвол буржуазного суда, уничтожает всякие гарантии подсудимого, разрушает последние остатки буржуазной законности.

Оценочная деятельность советского суда при разрешении вопроса о вине как основании уголовной ответственности, наоборот, ограничивает суд строгими рамками объективной реальности, усиливает гарантии подсудимого, укрепляет социалистическую законность.

Вместе с тем эта деятельность предполагает свободное судебское усмотрение при оценке поведения подсудимого, являющегося предметом судебного следствия. Акад. А. Я. Вышинский в полемике с «объективистами», предлагавшими отказаться при решении судебных дел от критерия внутреннего убеждения, раскрывая ошибки «объективистов» в этом вопросе, показал, что «грубость этих ошибок вытекает из неправильного понимания самой психологической проблемы познания, ставящей вопрос об абсолютной и относительной истине, о проблеме субъективного и объективного в познании»¹. А. Я. Вышинский указал, далее, что «Эти ошибки выте-

¹ А. Я. Вышинский, Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Проблемы уголовной политики», вып. IV, 1937 г., стр. 13.

кают из недооценки значения в судебной работе субъективного начала — роли судьи как личности, как носителя определенных общественно-политических идеалов, определенного правосознания»¹.

В противоположность «объективистам», которые пытались доказать, что внутреннее судейское убеждение есть не что иное, как судейский произвол, А. Я. Вышинский показал, что «внутреннее убеждение в буржуазном суде — это лицемерие, это обман масс» и что «совершенно обратное мы видим у нас, где судьи не чиновники, а сами трудящиеся, выборные представители трудящихся, где общественные элементы в судах полностью представлены, обеспечено участие общественного мнения в обсуждении судебного дела»² и где «внутреннее убеждение социалистического суда — это форма выражения социалистического правосознания»³.

Материалистическая диалектика не признает «чистого объективизма». Ленин указывал, что «материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»⁴.

Такой же партийной оценке явлений учит и товарищ Сталин. «Я стою не за всякий порядок, — говорит он. Я стою за такой порядок, который соответствует интересам рабочего класса»⁵. Только партийность при оценке событий дает возможность правильного представления об этих явлениях. Буржуазный объективизм, выступающий под маской беспартийности, наоборот, только искажает правильное представление о явлениях: «Замазывание классовых противоречий, — говорит товарищ Сталин, — замалчивание борьбы классов, отсутствие физиономии, борьба с программностью, стремление к хаосу и смещению интересов — такова беспартийность»⁶.

Классики марксизма-ленинизма, давшие единственное подлинно научное освещение всем рассматриваемым ими

¹ А. Я. Вышинский, Проблема оценки доказательств в советском уголовном процессе, «Проблемы уголовной политики», вып. IV, 1937 г., стр. 13.

² Там же, стр. 34.

³ Там же, стр. 36.

⁴ Ленин, Соч., т. I, стр. 276.

⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 611.

⁶ И. Сталин, Соч., т. 2, стр. 230.

явлениям, не были бесстрастными, стоящими вне классов исследователями. Ленин писал о «Капитале» Маркса: «В редком научном трактате вы найдете столько «сердца», столько горячих и страстных полемических выходов против представителей отсталых взглядов, против представителей тех общественных классов, которые, по убеждению автора, тормозят общественное развитие»¹.

Иным и не может быть ни научный исследователь, ни общественный деятель. Ленин говорил по этому поводу: «Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве этой действительности отношений между различными классами, — то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек не может не становиться на сторону того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.»².

Советская теория уголовного права понимает оценку обвиняемого и его действий, даваемую советским судом, как оценку партийную, т. е. оценку с точки зрения интересов социалистического государства трудящихся.

Это обстоятельство и является решающим для проведения самого резкого принципиально-политического различия между неокантианскими оценочными теориями и оценкой советским судом при решении вопросов вины.

Столь же решающим для проведения этого различия является и то обстоятельство, что оценочная деятельность советского суда распространяется на вину подсудимого как на общее основание уголовной ответственности. Что касается вины как субъективной стороны состава преступления, то и ее наличие, т. е. наличие умысла или неосторожности в действиях подсудимого, устана-

¹ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 2, стр. 498.

² Ленин, Соч., т. 11, стр. 335.

вливается советским судом на основе доказательств, как устанавливается им и любое обстоятельство по делу. Умысел и неосторожность или имели место или их не было. Если их не было, то никакая оценочная деятельность советского суда не может возместить их отсутствия; если они имели место, то они не могут отрицаться советским судом.

Буржуазные реакционные неокантианские оценочные теории призваны были внести полный произвол в вопрос об установлении у подсудимого умысла или неосторожности. Не факты решают здесь вопрос, а оценочное суждение суда, которое может усмотреть наличие умысла или неосторожности там, где их вовсе не было. Виновным поведением объявляется не такое поведение, которое фактически было виновным, а которое буржуазный суд признает виновным. Суд может признать и отрицать умысел у подсудимого, не вникая в психологический процесс, имевший место при совершении преступления. Тем самым разрушается даже формальная гарантия правосудия по уголовным делам — требование вины, а эти «теории» обнаруживают свой чисто субъективистский характер.

Чисто субъективна всякая оценочная деятельность буржуазного суда, ибо буржуазный суд поддерживает отношения, которые «перестали соответствовать состоянию производительных сил общества и стали в непримиримое противоречие с ними»¹, и чисто субъективны, в частности, неокантианские оценочные теории в буржуазном уголовном праве.

Партийность и субъективизм в советской науке, в отправлении советского правосудия (в частности в оценке действий обвиняемого с точки зрения его виновности) покоятся на объективной основе, так как в СССР отжившие капиталистические отношения уничтожены и «производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»². Иден, лежащие в основе партийности советского суда и советской науки уголовного права, в оценочной деятельности

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 558.

² Там же.

суда — это «новые передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества. Их значение состоит в том, что они облегчают развитие общества, его продвижение вперед»¹.

Ленин показал, что «партийность» материалистов гораздо более объективна, чем объективизм идеалистов. «Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определит свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом материалист... последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм»².

С этой точки зрения самая партийная оценка, являющаяся оценкой, которая исходит из интересов социализма, наиболее верно отражает закономерности развития общества и является поэтому самой объективной оценкой.

В такой оценке, — оценке со стороны советского закона и со стороны советского суда, — в противоположность оценке, даваемой буржуазным законом и буржуазным судом, не может быть разрыва с оценкой, даваемой тем же действиям трудящимися, всем народом.

Поскольку, таким образом, оценка, даваемая законом и советским судом, выражает интересы социалистического государства, поскольку она тем самым не тормозит развитие передовых сил общества, а содействует их развитию, устраняя с их пути все мешающее их движению вперед, т. е. содействует закономерному развитию общества, — она является передовой, прогрессивной, революционной.

¹ И. Сталин, *Вопросы ленинизма*, изд. 11-е, стр. 546.

² Ленин, *Соч.*, т. I, стр. 275—276.

Глубокое принципиально-политическое отличие оценки, даваемой поведению подсудимого советским судом, от оценки поведения подсудимого буржуазным судом особенно ярко подчеркивается тем обстоятельством, что оценочная деятельность советского суда покоится на социалистическом правосознании, которое не может не быть партийным.

И в уголовном праве, как показал А. Я. Вышинский, «господствуют принципы социалистического правосознания, определяющегося характером советского общественного строя, господством пролетарской диктатуры и социалистического демократизма. Социалистическое правосознание определяется принципами социализма, лежащими в основе всего советского государства»¹.

«Социалистическое правосознание, — пишет А. Я. Вышинский, — в свою очередь играет важнейшую роль и в формировании внутреннего судейского убеждения по тому или иному конкретному судебному делу»². Процесс же формирования внутреннего убеждения суда (а в него входит и формирование убеждения суда по вопросу о вине подсудимого) «происходит на основе восприятия и оценки судом проходящих перед ним фактов (доказательств)»³.

Академик А. Я. Вышинский раскрывает роль, которую играет оценка судом доказательств по делу на основе социалистического правосознания: «Судейское убеждение не есть простое восприятие результатов. Оно вовсе не подобно, например, математическому убеждению, которое целиком зависит от того, какие операции совершаются с математическими выражениями (числами, формулами и пр.). Оно является результатом деятельности не одного только ума, как в формальной логике, имеющей дело с силлогизмами, или как в математике, оперирующей числами, или как в любой науке, раскрывающей сущность явлений силой умственной деятельности человека, но результатом деятельности всех его умственных и нрав-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 143.

² Там же.

³ Там же.

ственных сил, всего его характера. Судейское убеждение — это не только знание, но и признание фактов, не только знание того, как и вследствие чего произошло данное событие, но и способность правильно оценить (разрядка наша. — Б. У.) значение этого события, правильно, т. е. в соответствии с правильно понятыми интересами своего общества. Это означает, что правильное понимание и познание обстоятельств дела, создающее у судьи то или иное убеждение, нельзя отрывать от всей суммы его идей, взглядов, его миросозерцания, его политического и правового сознания»¹.

Социалистическое правосознание дает возможность суду правильно, т. е. в соответствии с интересами социалистического государства, оценить действия обвиняемого.

«Задача правосудия, — пишет далее А. Я. Вышинский, — заключается в умении судьи понять в каждом отдельном конкретном случае связь данного преступления с породившими его причинами, вскрыть особенности данного случая нарушения советских законов, дать правильное объяснение действий обвиняемого, истца или ответчика, правильно оценить эти действия с точки зрения не только формальных требований закона, но и с точки зрения интересов всего дела социалистического строительства, дела борьбы за социализм»² (разрядка наша. — Б. У.).

Оценка поведения человека, отдельных актов его поведения, — актов положительных, которые ставятся в заслугу человеку, гражданину, рабочему или служащему и т. д., и актов отрицательных, которые ставятся ему в вину, покоятся на марксистско-ленинской идеологии. Это прямо вытекает из важнейшего положения Ленина: «Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, ... нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и воз-

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 146.

² Там же, стр. 148.

³ Ленин, Соч., т. I, стр. 77.

можно строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»¹ (разрядка наша. — Б. У.).

Классики марксизма-ленинизма дали много примеров общественной оценки человеческого поведения, показав при этом принципиальное различие в исходных положениях, которые служат масштабом, критерием оценки. Так, например, Ленину в феврале 1918 г. писал: «Положим, Каляев, чтобы убить тирана и изверга, достает револьвер у крайнего мерзавца, жулика, разбойника, обещая ему за услугу принести хлеб, деньги, водку.

Можно осуждать Каляева за «сделку с разбойником» в целях приобретения орудия смерти? Всякий здоровый человек скажет: нельзя. Ежели Каляеву негде было иначе достать револьвера и ежели дело Каляева действительно честное (убийство тирана, а не убийство из-за грабежа), то Каляева не порицать надо за такое приобретение револьвера, а одобрять.

Ну, а ежели один разбойник в целях совершения убийства из-за грабежа достает за деньги, за водку, за хлеб револьвер у другого разбойника, то можно ли сравнивать (не говоря уже отождествлять) такую «сделку с разбойником» с Каляевской сделкой?.. Всякий здоровый человек скажет: добыть куплей оружие у разбойника в целях разбойных есть гнусность и мерзость, а купить оружие у такого же разбойника в целях справедливой борьбы с насильником, есть вещь вполне законная»¹.

Ленин неоднократно давал морально-политическую оценку различным преступным актам. Так, он называл жуликов «паразитами»², взятку — врагом. Ленин считал в отношении различных преступлений необходимой публичную огласку, т. е. публичное осуждение³.

Товарищ Сталин дал образец отрицательной моральной оценки хищения социалистической собственности: «Вор, расхищающий народное добро и подкапывающийся под интересы народного хозяйства, есть тот же шпион и предатель, если не хуже»⁴.

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 273—274.

² Там же, стр. 164.

³ Ленинский сборник, VIII, стр. 535.

⁴ И. Сталин, Соч., т. 8, стр. 136.

§ 3. Степени вины

Одной из важнейших задач советского суда при установлении личной ответственности каждого подсудимого является индивидуализация его вины, установление степени его вины. Вопрос о степени вины встает не только при сравнении тяжести вины в совершении различных преступлений, но и при совершении аналогичных умышленных или аналогичных неосторожных преступлений разными лицами, или в разных условиях, или при совершении одного преступления несколькими соучастниками.

Из высказываний Ленина видно, что необходимо различать степени вины. Ленин говорил о наказании, «смотря по степени вины»¹, о вине «более значительной» в одном случае по сравнению с другим².

Для различения вины по ее степеням имеются все основания.

Ограничение понимания вины только как субъективной стороны состава преступления не дает судебным органам возможности поставить и разрешить вопрос о степени вины подсудимого. Умысел как элемент состава данного конкретного преступления, как психическое отношение лица к совершенному им деянию в форме предвидения конкретных последствий и желания их наступления не поддается различию с точки зрения его степени. С точки зрения психологической можно, конечно, говорить о различиях в характере и степени предвидения. С этой же точки зрения и желание (воление) может быть более и менее сильным.

Судебная практика показывает, однако, что суды, когда они определяют степень вины при умышленных преступлениях, говорят не о степени умысла, а о степени вины, так как они не в состоянии устанавливать различие в степени предвидения и желания. Если суды могут говорить о степени неосторожности (грубая неосторожность), то критерием для такого различения служат не степень «непредвидения» или степень «обязанности предвидения», а другие обстоятельства, объективные и субъективные, характеризующие отношение виновного к своим действиям. Точно так же в зависимости от различных объективных и субъективных обстоятельств советские

¹ Ленин, Соч., т. XXII, стр. 129.

² Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 287.

суды решают вопрос о степени вины при умышленных преступлениях.

Учебники уголовного права и имеющиеся специальные работы не ставят вопроса о степенях вины. Теория уголовного права оставила этот вопрос без исследования. Между тем вопрос о степенях вины давно уже вошел в практику суда и прокуратуры¹. Судебная практика давно уже ставит вопрос и о степенях вины и об основных и второстепенных виновниках одного и того же преступления и не терпит «обезлички персональной виновности подсудимых»².

Верховный суд СССР по делу Морозовой-Принцевой указал в связи с некоторыми обстоятельствами поступления продуктов на базу, что «эти обстоятельства требуют дополнительной проверки, поскольку они могут повлиять на вопрос как о степени вины осужденной, так и о размере ее материальной ответственности»³.

По делу Уралбаева и других Пленум Верховного суда СССР указал на необходимость квалифицировать действия подсудимых по п. «д» ст. 17—162 УК РСФСР «с учетом роли и степени их вины»⁴. Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 18 октября 1941 г. говорит об «оценке степени вины» подсудимого⁵. По делу Матевосяна Верховный суд СССР указал: «Следовало учесть, что виноват не только он, но еще в большей мере администрация отделения Мясотреста»⁶.

¹ Еще в 1918 г. на судебном процессе по делу «Об открытии явочным путем в г. Твери «Юридического бюро» обвинитель в своей речи говорил: «Граждане судьи! Я полагаю, что судить всех подсудимых огульно нельзя, ибо вина их неодинакова... Я выделю отсюда, главным образом, бывших следователей, ибо вина их является сугубой...» (цит. по книге «История советского уголовного права», М., 1948 г., стр. 151).

² Постановление 47-го Пленума Верховного суда СССР от 7 июня 1934 г. о необходимости строжайшего соблюдения судами уголовно-процессуальных норм, — Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1924—1944 гг., М., 1946 г., стр. 114.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. III (XIX), стр. 16.

⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. III, стр. 7.

⁵ См. также о «степени вины» «Судебную практику Верховного суда СССР», 1944 г., вып. III (IX), стр. 14.

⁶ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. VIII (XXIV), стр. 8.

О том, что степени вины не всегда одинаковы и что можно сравнивать степень вины отдельных подсудимых, убеждает и прокурорская практика. А. Я. Вышинский в обвинительной речи по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан» говорил о подсудимых Мигущенко и Чеботареве: «Я не буду утверждать, что вина Мигущенко и Чеботарева равносильна и равноценна вине Кривоносова»¹.

Верховный суд СССР постоянно указывает на различные обстоятельства объективного и субъективного характера, которые он признает смягчающими или отягчающими вину подсудимого. Так, по делу Ремизова Верховный суд СССР указал, что «вина его смягчается тем, что Ремизов был перегружен работой, выполнял одновременно обязанности заведующего хозяйством колхоза, кладовщика, кассира и заведующего»².

По делу Дудкина и Николаевой Пленум Верховного суда СССР указал, что «вина Николаевой в значительной степени смягчается тем, что она еще не имела достаточного опыта в своей работе»³. По делу Аначко Пленум Верховного суда СССР говорит об «обстоятельствах, усугубляющих вину подсудимого»⁴.

Так же обстоит дело в тех случаях, когда имеется общая вина и тяжесть ее должна быть распределена между несколькими лицами. Вина может быть общей (т. е. виною нескольких лиц в одном деянии) и индивидуальной (т. е. виною одного человека в одном деянии). Когда речь идет об оценке общей вины, то может встать вопрос о «части вины», т. е. о степени вины каждого из соучастников или совиновников, которая может быть большей или меньшей. Пленум Верховного суда СССР по

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, М., 1948 г., стр. 214.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. V, стр. 42.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, второе полугодие 1939 г., 1941 г., стр. 25. См. также постановление по делу Мишина и Воробьева, — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 51; «Судебная практика Верховного суда СССР», 1949 г., № 2, стр. 10 и многие другие.

⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. III(IX), стр. 14.

делу Арчакова указал: «Беляев является заинтересованным лицом и, перекладывая значительную часть вины на других лиц, тем самым стремился смягчить свою вину»¹. В определении Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу Рамазанова говорится: «Не исключено, что Настулаев с целью переложения части своей вины на других оговаривает Рамазанова»².

«Часть вины» или «степень вины» отдельного совиновника или соучастника может быть большей или меньшей. Особенно настоятельна бывает в судебной практике необходимость установить степень вины отдельных подсудимых в тех случаях, когда речь идет о соучастии и когда отдельные соучастники выступают в различных ролях.

Теоретические работы, ограничивающие изучение вины формально-психологическими признаками умысла и неосторожности, а вину рассматривающие только как «психическое отношение», естественно, не в состоянии обосновать дифференциацию степени вины каждого из соучастников, а следовательно, и установить его роль в совместном совершении преступления. Так, например, в учебнике Общей части уголовного права ВИЮН о совиновничестве говорится только, что «вопрос об уголовной ответственности при таком соучастии не вызывает трудностей. Он решается для каждого соучастника на общих основаниях»³. Точно так же, говоря о соучастии, автор (А. А. Пионтковский) устанавливает только, что «роль» отдельного соучастника в совершении преступления может быть различна. О различии в обоих случаях степени вины каждого из совиновников или соучастников автор не говорит. Это вытекает из его общего взгляда на вину только как на психическое отношение лица к совершенному им действию и к его последствиям.

Недостаточность такого подхода к роли каждого из соучастников очевидна. Установление роли каждого из соучастников или совиновников должно быть дополнено

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. V, стр. 121.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. VI, стр. 27.

³ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 409.

установлением степени вины каждого из них, так как понятие «роли» не покрывается понятием степени вины (возможна большая роль при меньшей вине и наоборот).

Акад. А. Я. Вышинский еще в 1937 г. говорил, что «Советская уголовная политика требует дифференциации преступлений, индивидуализации вины, строгого различия главных и второстепенных виновников»¹. Судебная практика давно уже пошла по этому пути. Уже давно в определениях и постановлениях Верховного суда СССР и в практике органов прокуратуры проводится различие между основными, или главными, виновниками преступления и виновниками второстепенными. Так, еще в 1938 г. постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 декабря по делу Варшавского поставило суду первой инстанции в упрек, что им не был привлечен к ответственности основной виновник².

В определении Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 27 января 1939 г. говорится о неправильном привлечении к уголовной ответственности второстепенного виновника и о неправильном же разрешении в дисциплинарном порядке дела в отношении главных виновников³.

3 мая 1939 г. Пленум Верховного суда СССР в постановлении по делу Чурикова, Егорушкина и Шмарова провел четкое разграничение между «основным виновником» — Егорушкиным, «второстепенным виновником» — Шмаровым и невиновным — Чуриковым. Дело заключалось в следующем. На станции Хопер произошло столкновение турного вагона с паровозом; этому предшествовали следующие обстоятельства: по распоряжению дежурного по станции Чурикова к паровозу, которым управлял Егорушкин, был прицеплен турный вагон. Сцепщик Шмаров произвел сцепку неправильно. На машинисте Егорушкине, согласно § 438 Правил технической эксплуатации, лежала обязанность проверить перед отправлением поезда правильность сцеп-

¹ А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, 1937 г., стр. 57.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1940 г., стр. 65.

³ «Советская юстиция», 1939 г., № 11, стр. 61.

ления вагона с паровозом. Егорушкин этой обязанности не выполнил и правильность сцепления не проверил. В результате вагон в пути следования отцепился от паровоза и, развивая скорость, ушел под уклон по направлению к станции Хопер, где столкнулся с паровозом. Егорушкин не заметил отцепления и не дал сигнала обрыва.

Анализируя роль Егорушкина и Шмарова в наступлении преступного результата, Пленум Верховного суда СССР постановил, что «основным виновником по делу является Егорушкин, не проверивший правильности сцепления вагонов, а второстепенным виновником является Шмаров, действия которого могли повлечь тяжелые последствия лишь в том случае, когда машинист, как это имело место и в данном случае, не проверил правильности сцепления, что он обязан был сделать»¹.

Аналогичное положение имелось и в деле Сарсаряна, Тутушкина и Вершинина. По этому делу суд назначил слесарю Вершинину, допустившему перегрев компрессора, более тяжелое наказание, чем начальнику станции Сарсаряну, который, зная о повышенной температуре компрессора, не принял мер к ее снижению и к ремонту компрессора в установленный срок, и механику Тутушкину, который, зная, что компрессор в течение нескольких дней работал с температурой, превышающей предельную, не принял мер к снижению температуры этого компрессора и к ремонту его в указанный по графику срок. Верховный суд СССР не нашел возможным считать Вершинина «главным виновником» аварии и признал его лишь «второстепенным виновником»².

Разделение совиновников на основных и второстепенных имеет большое практическое значение для дифференциации ответственности отдельных совиновников. Но это разделение применимо и при соучастии в узком смысле, так как оно может только содействовать инди-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940 г., стр. 50—51.

² «Советская юстиция», 1941 г., № 13, стр. 28.

видуализации степени вины каждого из соучастников и дифференциации наказания¹.

Совершенно правильно в обвинительной речи по делу о вредительстве на электрических станциях СССР А. Я. Вышинский говорил об «основных и главных виновниках»².

В докладе на I-м совещании по вопросам науки Советского государства и права А. Я. Вышинский говорил: «Надо пересмотреть и вопрос о так называемых главных и второстепенных виновниках, так как лицо, выполняющее второстепенные функции при совершении преступления, в действительности может быть вовсе не второстепенным участником. Организатор преступления может выполнять второстепенные функции, например стоять на страже, давать просто распоряжения и указания, однако от этого роль его в преступлении вовсе не превратится во второстепенную»³.

А. Я. Вышинский в том же докладе показал, что «в убийстве С. М. Кирова вина Ягоды была главной, несмотря на то, что фактически роль его выражалась лишь в указании или распоряжении не мешать Николаеву в осуществлении своего злодейского замысла»⁴.

Разграничение между основными и второстепенными виновниками, дифференциация степени вины каждого из совиновников и соучастников легко разрешается, если не ограничиваться рассмотрением только формально-психологических признаков умысла и неосторожности, а рас-

¹ На это обстоятельство указывает т. Сотников в предложениях к проекту УК СССР. Он в качестве примера необходимости дифференциации наказания указывает: «По делам о хищениях социалистической собственности, квалифицируемых по закону 7 августа 1932 г., очень часто, наряду с главными виновниками, проходят соучастники, принимавшие участие в отдельных эпизодических, незначительных хищениях», — «Социалистическая законность», 1947 г., № 3, стр. 15.

² А. Я. Вышинский, Судебные речи, М., 1948 г., стр. 313. В практике Прокуратуры СССР издавна принято деление виновников на главных (основных) и второстепенных. См. протест по делу Аристова, — «Социалистическая законность», 1935 г., № 3, стр. 39; протест по делу Узлова — 1936 г., № 6, стр. 61; протест по делу Федоренко — 1939 г., № 12, стр. 83 и др.

³ А. Я. Вышинский, Основные задачи науки советского социалистического права, 1938 г., стр. 71.

⁴ Там же.

крывать в каждом деле материальное содержание вины подсудимого и давать ему ту или иную морально-политическую оценку. Различие в характере вины каждого из совиновников или соучастников, различная морально-политическая оценка каждого из них и его роли в совместном совершении преступления и дают возможность определить большую или меньшую степень вины каждого из них, а следовательно, и большую или меньшую ответственность.

Судебная практика давно уже стала на путь дифференциации степеней уголовной ответственности. Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 4 июня 1947 г. по делу Бекетова, признанного виновным в том, что он организовал при участии некоторых из своих подчиненных хищение государственного имущества из воинского эшелона, указал: «По приговору суда Бекетов признан организатором хищения, что повышает степень его ответственности»¹.

Верховный суд СССР в ряде своих постановлений и определений ввел понятие так называемой повышенной ответственности.

С этим понятием мы встречаемся впервые в постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Толонкина и Слуцкого. Толонкин и Слуцкий работали в должности старших в почтовых вагонах и систематически, вместе с другими работниками, расхищали ценные вещи и посылки. Толонкин, Слуцкий и другие обвиняемые были осуждены по закону 7 августа 1932 г. После того, как Транспортная коллегия Верховного суда СССР действия всех осужденных, за исключением Толонкина и Слуцкого, переквалифицировала с закона 7 августа 1932 г. на п. «д» ст. 162 УК РСФСР, Прокурор СССР внес протест по этому делу, полагая, что и действия Толонкина и Слуцкого подлежат переквалификации на п. «д» ст. 162 УК РСФСР. Пленум Верховного суда СССР отклонил протест, «так как Толонкин и Слуцкий должны нести повышенную ответственность (разрядка наша. — Б. У.) по сравнению с другими осу-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. VI, стр. 6.

жденными, поскольку они являлись старшими в вагонах и, таким образом, отвечали за целостность вверенных им посылок»¹.

Подобно тому как в деле Толонкина и Слуцкого «повышенную ответственность» создавали особые свойства субъекта преступления, так в условиях военного времени в ряде случаев «повышенная ответственность» создавалась фактом повышения опасности некоторых преступлений во время войны. Можно привести целый ряд примеров такого признания во время Великой Отечественной войны повышенной ответственности подсудимых. Можно в качестве примера указать на повышение ответственности за хищения социалистической собственности и изменение в связи с этим квалификации хищений, ранее квалифицировавшихся по пп. «г» и «д» ст. 162, ст. 109 и ч. 2 ст. 116 УК РСФСР. Эти хищения во время Отечественной войны квалифицировались иногда по закону 7 августа 1932 г.

Так, например, судебная практика квалифицировала во время Великой Отечественной войны по закону 7 августа 1932 г. хищение снегозащитных щитов, заборов и т. п. Здесь основанием для перехода от квалификации по п. «г» ст. 162 УК РСФСР на закон 7 августа 1932 г. являлось повысившееся значение транспорта и повышение вместе с тем опасности всяких хищений, наносящих ущерб четкой и бесперебойной работе транспорта, а значит, и повышение ответственности за такие хищения.

В опубликованных постановлениях и определениях Верховного суда СССР можно найти еще ряд примеров

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, второе полугодие 1939 г., стр. 27. В одном из постановлений 1941 г. Пленум признал неправильной квалификацию по п. «г» ст. 162 УК РСФСР хищений грузов, совершенных весовщиком по проверке грузов Севастьяновым, перонным контролером Лапотковым и сменным вагонным мастером Куликовым с мотивировкой, что «поскольку хищения производились группой систематически и в больших размерах, они подлежали квалификации по закону 7 августа 1932 г. тем более, что они были совершены работниками железной дороги, которые должны нести повышенную ответственность за сохранность грузов» (постановление от 3 апреля 1941 г.).

признания повышенной ответственности тех или других преступлений.

Чем же вызывалась во всех этих случаях повышенная ответственность? Ответ на этот вопрос следует искать в установленной выше связи между ответственностью и виной. Ответственность может усиливаться в зависимости от усиления степени вины. Нетрудно увидеть, что во всех приведенных выше примерах из судебной практики (например, дело Толонкина и Слуцкого) повышенная ответственность связана с признанием судом большей вины.

* * *

Рассмотрение вопроса о вине как общем основании уголовной ответственности не могло бы считаться полным и законченным, если бы оно не завершилось определением этого понятия.

Существенные признаки, образующие понятие вины как общего основания уголовной ответственности, были уже выше установлены. Эти признаки следующие:

1. Наличие совокупности субъективных и объективных обстоятельств, характеризующих подсудимого, совершенное им преступление, последствия, условия и мотивы совершения им преступления.

2. Отрицательная общественная (морально-политическая) оценка от имени социалистического государства всех этих обстоятельств.

3. Убеждение советского суда, что действия подсудимого на основании этой оценки должны повлечь за собою уголовную, а не какую-либо иную (административную, дисциплинарную, гражданскую) его ответственность.

Таким образом, вина как общее основание уголовной ответственности — это совокупность обстоятельств, заслуживающих, по убеждению советского суда, отрицательной общественной (морально-политической) оценки от имени социалистического государства и требующих уголовной ответственности подсудимого.

Это определение позволяет установить, что понятие вины как общего основания уголовной ответственности шире, чем понятие вины как субъективной стороны со-

става преступления, так как наличие последней является лишь одним из обстоятельств, охватываемых понятием вины как общего основания уголовной ответственности, и служит предметом общественной оценки со стороны суда наряду с другими обстоятельствами.

Это определение раскрывает классовое, морально-политическое содержание вины в советском социалистическом уголовном праве в отличие от вины в буржуазном уголовном праве.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВИНА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ЭКСПЛУАТАТОРСКИХ ГОСУДАРСТВ

В истории уголовного права эксплуататорских государств, в особенности в истории буржуазного уголовного права, можно отметить два основных взгляда на основание ответственности за преступление: объективный, считающий основанием уголовной ответственности единственно или главным образом самое действие человека и наступившие последствия этого действия, и субъективный, усматривающий основание уголовной ответственности главным образом во внутренней сфере человека, в его отношении к совершенному им, в его психике, в его воле и сознании.

Как известно, в истории уголовного права эксплуататорских государств по вопросу о вине вначале господствует объективное вменение, объективная ответственность. Основанием уголовной ответственности признаются преступное действие и его последствия. Внутреннее, психическое отношение деятеля к деянию не интересует при этом ни законодателя (законодательство вопросов Общей части вообще не касается), ни судью. Вопрос о наличии или отсутствии вины, виновного отношения к содеянному еще не возникает.

Особенно долго такой взгляд на преступление удерживался в германском праве. Так называемые «Варварские правды» построены на принципе объективного вменения. Так, по германскому праву при назначении размеров композиции не играло никакой роли, было ли преступление совершено умышленно или случайно. Господин, подстрекнувший своего раба убить другого человека, т. е. действовавший умышленно, уплачивает по «Варварским правдам» такую же композицию, как и лицо, которое чисто случайно или по незначительной небрежности причинило другому человеку смерть.

Период объективного вменения в истории уголовного права сменяется — в одних странах раньше, в других позднее — периодом, когда основанием уголовной ответственности объявляется наряду с совершением действия и наступлением последствий также и определенное психическое отношение деятеля к своим действиям и к их последствиям.

Вначале в римском уголовном праве, значительно позже в уголовном праве других стран появляется и развивается, правда, крайне медленно и робко, требование наличия умысла или неосторожности. Однако если проанализировать историю уголовного права эксплуататорских государств, начиная от появления идеи о субъективном отношении преступника к своим действиям и до новейшего времени, то можно заметить, что развитие протекает неравномерно. Формально уголовным законодательством, судебной практикой и криминалистами декларируется необходимость для уголовной ответственности сочетания объективных и субъективных признаков как двух равноправных и равнозначущих элементов основания уголовной ответственности. В действительности в эксплуататорских государствах в различные эпохи, в зависимости от социально-политических особенностей, фактически на первый план выдвигается то объективная сторона преступления, то субъективная.

Требование умысла или неосторожности как условия уголовной ответственности принято считать прогрессивным явлением.

Действительно, это требование означало, по крайней мере формально, отказ от объективной ответственности, невозможность привлечения к уголовной ответственности лиц, в действиях которых не было ни умысла, ни неосторожности, а также невменяемых лиц, исключение ответственности за случай, прекращение уголовных процессов по обвинению в преступлениях животных, птиц, насекомых и даже неодушевленных предметов.

Однако, как ни важны эти последствия требования субъективной стороны преступления как обязательного условия уголовной ответственности, к оценке этого требования, с точки зрения его прогрессивности или реакционности, нельзя подходить без учета исторических условий, вне зависимости от того, о какой социально-политической формации, о каком государстве, о какой

системе уголовного права идет речь. Менялась роль, которую играет субъективная сторона. Менялось и ее значение по сравнению со значением объективной стороны преступления. Менялось самое содержание субъективной стороны. В зависимости от этих изменений требование вины приобретало то прогрессивный, то реакционный характер.

Одним было политическое значение субъективной стороны в эпоху феодализма (в особенности при абсолютизме), и иным — в эпоху прихода к власти буржуазии и развития капитализма, и снова иным в эпоху империализма¹.

В эпоху феодализма, наряду с широким применением в уголовном законодательстве и в судебной практике объективной ответственности, под значительным влиянием церковных деятелей — идеологов феодализма, уродливое развитие получила внутренняя, т. е. субъективная сторона преступления. Каноинисты прилагают все усилия к тому, чтобы каждое светское преступление объявить грехом, религиозным деликтом. Даже одно только внутреннее волевое движение в направлении преступления, хотя бы ни в чем не объективизировавшееся, объявлялось каноинистами грехом и преступлением. Церковь наказывала как прелюбодея только поглывшего с вожделением на чужую жену. Она считала убийцей и требовала наказания только лишь погневавшегося на брата своего и в душе пожелавшего ему смерти. Каноиническое право выставило и защищало положение, которое почти через тысячелетие было подхвачено и развито немецкими фашистами, — положение о наказуемости одной только преступной воли, хотя бы ни в чем не объективизировавшейся. Одно из положений каноинического права гласило: «Если ты не совершишь задуманную тобою кражу только из-за страха, то ты все же совершил кражу своим помыслом».

Светские власти эпохи феодализма широко воспользовались концепциями субъективной стороны каноинического права для обоснования произвола, царившего в феодальных судах. В особенности пригодилось им придание решающего значения внутреннему миру чело-

¹ См. Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, 1948 г., стр. 42 и сл.

века, его воле и помыслам для преследования своих политических противников. Восприняв у римлян состав преступления — *crimen laesae majestatis* (преступление оскорбления величества), а у церкви так называемое *crimen laesae majestatis divinae* (преступление оскорбления божественного величества), светские власти восприняли у римлян и у церкви привлечение к уголовной ответственности за *crimen laesae majestatis* также и в тех случаях, когда у обвиняемого отсутствовало какое-либо объективизирование воли, направленной против установленной власти, или когда наличие такой воли устлавливалось по незначительным и шатким признакам, или когда признание наличия такой воли, заведомо ничем не объективизировавшейся, вырывалось у обвиняемого при помощи пыток. Точно так же обстояло дело и в борьбе средневековых императоров и королей с ересями. Из сотен тысяч жертв инквизиции немалое число приходится на долю тех, кто не совершил никаких действий, в которых выразилась бы ересь, но которым были вменены в вину мысли, свидетельствующие о неверии или о сомнении в догматах церкви.

Во всех этих случаях внутренняя субъективная сторона использовалась как орудие в руках господствующего класса, облегчавшее расправу с политическими противниками и с самыми незначительными проявлениями сопротивления режиму феодальной эксплуатации, бесправия и угнетения. Внутренняя сторона преступления выполняла глубоко реакционную роль.

Применение жесточайших мер репрессии на основании одного только доказанного, а чаще всего только предполагаемого, направления воли имело место в эпоху феодализма и при преследовании общеуголовных преступлений. К какому вопиющему произволу вело приращение решающего значения внутренней стороне преступления, можно судить по делу одного миланского юноши, который во сне видел, будто он убил вепря. Властитель Милана Бернабо, узнав об этом, приказал отрубить юноше руку и вырвать у него глаз за нарушение законов об охоте. Немецкие суды выносили смертные приговоры «за злую волю» (*ob malam voluntatem*). Самоубийц немецкие суды наказывали на том основании, что они актом самоубийства доказали приверженность к язычеству, которое не преследовало самоубийства.

Уголовное преследование за одни только преступные мысли или за одну только преступную волю сохранялось вплоть до падения феодализма. Марксу пришлось еще в 1843 г. бороться в Германии с преследованием не за действия, а за мысли. По поводу запрещения «Лейпцигской всеобщей газеты» Маркс писал: «Никто не может быть заключен в тюрьму или лишен своих имущественных или каких-либо других прав на основании его морального характера или его политических и религиозных убеждений... Мы требуем неприкосновенности прав всякого бесчестного существа не потому, что оно бесчестно, а постольку, поскольку его бесчестность не идет дальше его образа мыслей, для которого не существует ни судов, ни кодекса. Мы таким образом противопоставляем бесчестный образ мыслей, для которого не существует судилища, бесчестным деяниям, для которых в случае их противозаконности существуют суды и уложение о наказаниях»¹.

Таким образом, введение в уголовное право института вины повело в эпоху феодализма к использованию этого института в классово-политических интересах господствующего класса, оказалось направленным главным образом против народа и играло глубоко реакционную, антинародную роль.

Появившаяся на исторической арене буржуазия не была заинтересована в феодальной юстиции с ее произволом и бесправием, в частности, с произволом, основывавшемся на придавании решающего значения воле и помыслам обвиняемого.

Реакция против злоупотребления внутренней стороной преступления нашла выражение и в той второстепенной роли, которую отводили вине криминалисты (наиболее типичные представители доимпериалистической буржуазии) — представители так называемого классического направления, и в том значении, которое они придавали объективной стороне преступления.

Для «классиков» специфично придание первенствующего значения самому преступному деянию и его последствиям. В выдвигании на первый план объектив-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. I, стр. 300—301.

ной стороны состава преступления классики видели гарантию законности и средство борьбы с произволом и бесправием феодальных судов. «Объективная конструкция «классиков», — пишет А. Трайнин, — была, следовательно, направлена против величайшего зла полицейского государства — против произвола власти»¹.

Умаление роли субъективной стороны преступления и придание первенствующего значения объективной стороне особенно четко видны в конструкции общего состава преступления, предложенной А. Фейербахом. А. Фейербах решительно восстал против включения вины в состав преступления. Составом преступления А. Фейербах считает совокупность признаков отдельного действия или факта. По Фейербаху, обязательно и всегда к составу преступления относятся только «определенные признаки внешнего деяния». Лишь в отдельных случаях состав преступления включает результат деяния и определенные субъективные основания преступления. (например, корысть при краже)².

Необходимо, однако, отметить, что в Германии, наряду с развитием объективных конструкций, появляется в первой половине XIX века идеалистическое направление (Гегель), выдвигающее на первый план волевой момент. Это направление, которое первенствующую роль придает волевому акту и в преступлении видит объективизацию преступной воли во внешнем мире, т. е. объективной стороне придает лишь второстепенное значение, явилось той идеологической базой, на которой впоследствии развивались реакционные концепции воли и которая была прообразом фашистского «волевого уголовного права»³.

¹ А. Трайнин, Кризис буржуазной демократии и развитие учения о составе преступления, «Советское государство и право», 1941 г., № 1, стр. 84.

² Feuerbach, Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen Strafrechts, 1847, § 81—82. См. анализ отношения Фейербаха к субъективной стороне преступления в статье К. Поляка «Учение о составе преступления в буржуазной уголовно-правовой литературе», — «Советское государство и право», 1940 г., № 1, стр. 71.

³ Правильно отмечена реакционная роль этого направления в книге Н. Дурманова «Понятие преступления», стр. 47. Напротив, А. А. Пионтковский в книге «Уголовно-правовая теория Гегеля в связи с его учением о праве и государстве» пытается доказать, что вопросы об отдельных формах виновности рассматривались криминалистами-гегельянами на основе понимания престу-

Что касается содержания понятия вины, то в учениях криминалистов-классиков и в уголовных кодексах эпохи развития капитализма оно принимает крайне ограниченную, обедненную форму. Вина у «классиков» — это формально психологическое понятие. Формы вины не выходят за рамки различных комбинаций психологических явлений сознания и воли. Сознание ограничивается предвидением (или отсутствием предвидения) последствий деяния; воля — хотением или отсутствием хотения наступления последствий. Умысел — это предвидение последствий деяния и желание их наступления или хотя и отсутствие желания, но сознательное допущение их наступления. Неосторожность — это или отсутствие предвидения наступления последствий своего деяния при должном выполнении их предвидения (преступная небрежность) или предвидение последствий при легкомысленной надежде на их предотвращение (преступная самоуверенность — *luxuria*). В буржуазной юридической литературе ведутся бесконечные споры о том, какой из двух моментов — воля или представление — играет первостепенную роль в конструкции умысла. Однако споры эти имеют чисто схоластический характер, ни в малейшей степени не двигают вперед изучение вины, являются теоретически и практически бесплодными.

Введение в состав преступления умысла или неосторожности в их узко психологическом понимании формально исключало объективную ответственность и ограничивало в некоторой мере (опять-таки формально) произвол буржуазного суда. Для господствующих классов оно было вместе с тем крайне удобно, так как позволяло судам ограничивать рамки исследования внутренней стороны преступления доказательством наличия или отсутствия у подсудимого умысла или неосторожности, не раскрывать истинного отношения подсудимых-трудящихся к содеянному ими, не выявлять расхождения между их морально-политической оценкой своих действий

пления как единства его внутренней и внешней стороны (стр. 180). Нетрудно убедиться в том, что А. А. Пионтковский пытается поставить знак равенства между гегелевскими положениями о вине и марксистским учением о вине, которое (а отнюдь не Гегель) рассматривает вину как единство объективного и субъективного.

и оценкой этих действий буржуазным уголовным законом и буржуазным судом.

Давая политическую оценку объективному направлению в вопросе о вине в буржуазном уголовном праве, следует, несмотря на все изложенное выше, признать, что с точки зрения интересов трудящихся в условиях капиталистического строя гораздо более приемлемы объективные конструкции, чем субъективные¹. Доказать наличие объективных признаков деяния, т. е. действительное совершение подсудным инкриминируемого ему деяния, буржуазному суду все же труднее, чем признать доказанным наличие у подсудного преступной воли. С обвинением в совершении определенных действий трудящемуся в буржуазном суде легче бороться, чем с обвинением в существовании у него тех или иных приписываемых ему внутренних переживаний, настроений, воли, помыслов.

Для буржуазного суда, имеющего перед собой политического противника или вообще опасного для господствующего строя подсудимого, гораздо легче признать «доказанным» наличие «злой воли», «преступного настроения» и т. д., чем доказать наличие объективных фактов, в особенности, когда таких фактов нет. Подсудимый может пытаться доказывать, что инкриминируемые ему объективные действия не имели места или что не он их совершил, но он бессилён опровергнуть утверждение, что у него имеется «злая воля».

Этим объясняется появление в период начала распада буржуазной демократии и перехода от так называемого «свободного» капитализма к империализму реакционных уголовно-правовых предложений, направленных на отказ от объективных конструкций состава преступления и на замену этих конструкций субъективными признаками. В предложениях антропологического и социологического направлений субъективизм принимает форму отказа от вины и замены ее индивидуальными свойствами субъекта, побудившими его к совершению преступления².

¹ Так характеризует объективные концепции буржуазных криминалистов и А. Трайнин в указ. выше статье, стр. 84.

² Наиболее откровенно отказ от вины был выражен в работах криминалистов-социологов: «Пусть, — говорил Лист на Мюнхенском психологическом конгрессе 1896 г., — понятия вины и искупления

Однако, как показал опыт, «отказ от вины» буржуазным криминалистами не удался. Этому мешал ряд обстоятельств. Отказу от вины противилось достаточно еще влиятельное «классическое» направление, которое отражало интересы и взгляды либеральных и умеренных кругов буржуазии. Отказ от вины слишком открыто выдавал ломку буржуазной законности и переход к неограниченному судейскому усмотрению. Отказ от вины, как и другие аналогичные предложения антропологического и социологического направления, не учитывал необходимости маскировки демократическими фразами реакционной политики империалистической буржуазии.

Поэтому многие из социологов, которые в своих теоретических работах доказывали целесообразность замены вины опасным состоянием личности, в своей практической деятельности оказались вынужденными сохранить вину как условие уголовной ответственности.

В учебниках, составленных социологами, и в законодательных комиссиях, в которых они заседали рядом с классиками, социологи не решились осуществить свой отказ от вины. Правда, не было недостатка в попытках протащить контрабандой под видом вины так называемую «вину характера», которая на место отношения субъекта к конкретному деянию ставит общее состояние субъекта, все свойства и особенности личности, вне зависимости от их отношения к конкретному деянию.

Аналогичную попытку вместо «вины воли» протащить в уголовное право «вину характера» представляет собою концепция вины как «преступного настроения» или «виновного настроения». Так, С. Познышев считает, что «вина — это проявленное субъектом такое настроение, при котором он действует преступным образом, сознавая или, по крайней мере, имея возможность сознавать преступный характер своего поведения и находясь в таких обстоятельствах, что мог бы от данного поведения удержаться, если бы у него не были недоразвиты про-

живут дальше, как жили до сих пор, в произведениях наших поэтов; выдержать строгую критику просветленного научного познания они не могут». «Вменяемость, вина и наказание — вот три тормоза в развитии уголовного права», — говорил Ван-Гамель на пенитенциарном конгрессе в Гамбурге в 1905 г. (цит. по статье Э. Немировского «Опасное состояние личности и репрессия», «Право и жизнь», 1924 г., № 1, стр. 3).

тиводействующие последнему чувствования и представления». Такую вину характеризуют, — говорит Познышев, — два момента: положительный, т. е. известное настроение, вызывающее совершение преступного действия, и отрицательный, т. е. обнаружившаяся неспособность субъекта подавить это настроение, хотя по обстоятельствам дела это было «доступно и не герою»¹. В разных вариантах эту конструкцию, фактически также ликвидирующую старую «вину воли», повторяют различные буржуазные авторы². Реакционная природа всех этих предложений очевидна. Вместо подлежащих доказыванию и оспариванию объективных обстоятельств, вместо требования хотя бы умысла и неосторожности как определенного психического отношения к содеянному, как обязательного элемента состава преступления, как условия уголовной ответственности — все эти предложения открывают возможность неограниченного судебного произвола, ибо что стоит буржуазному суду объявить доказанным наличие у любого подсудимого преступного или виновного настроения.

Нетрудно убедиться в том, что от «преступного настроения» как суррогата вины был один только шаг до немецких фашистских предложений построить всю систему уголовного права на основе особенностей личности преступника³. В работах Вольфа, Мецгера, Зауэра и других фашистских немецких криминалистов разрабатывались предложения заменить старую вину «типами» преступников, осуждение которых отнюдь не связано с совершением ими каких-либо конкретных деяний, предусмотренных в уголовном законе. Вольф предлагал исходить из «типов распада правового духа», наиболее

¹ С. Познышев, Основные начала науки уголовного права, Общая часть уголовного права, 1912 г., стр. 266, 267.

² См. Grossmann, Die Grenze von Vorsatz und Fahrlässigkeit; Mayer, Schuldhafte Handlung, S. 141 ff. Эти работы представляют интерес только с точки зрения ознакомления с тем распадом формальных правовых гарантий, которыми кичились буржуазные криминалисты.

³ Правильно указывал К. Поллак, что «субъективно-относительное понятие преступления было подхвачено фашистами, которые рассматривали в качестве основного элемента преступления антифашистское или антигитлеровское умонастроение», — К. Поллак в диссертации «Критика классического и социологического направления в германском уголовном праве», Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, 1947 г., вып. VI, стр. 215.

опасным из которых является «тип революционера». Фашист Фрейслер доказывал, что типы преступников конструируются не при помощи признаков состава преступления, и цинично писал, что законодатель должен ограничиваться таким описанием «типа», чтобы судья, столкнувшись с ним, мог сказать: «Этот субъект заслуживает виселицы»¹.

Политический смысл подобных предложений ясен. Эти предложения означали по существу отказ от каких-либо, хотя бы чисто формальных гарантий, внешне ограничивающих произвол суда. Они имели целью выдачу суду открытого листа на неограниченное применение террористических мер репрессии в отношении любого политического противника, брошенного на скамью подсудных, хотя бы он не совершил преступного деяния.

Гнусные предложения фашистских криминалистов обосновать таким путем систему открытого террора нашли применение в законах гитлеровского периода².

Система «типов» у фашистских криминалистов корреспондировала с фашистской же концепцией так называемого «волевого уголовного права». Эта концепция заимствовала у идеалистической философии ее субъективную систему вины и заменила уголовное преследование преступного деяния уголовной ответственностью за такое направление воли субъекта, в чем бы оно ни выразилось и каким бы путем оно ни было установлено, которое суд признает противоречащим интересам фашистского режима.

Эта концепция не оставляет камня на камне не только от понимания преступления как сочетания объективной и субъективной сторон, но и от старой вины в понимании «классиков». Акад. А. Я. Вышинский пишет: «Основной

¹ См. подробнее об этих авторах в указ. статье К. Поллака, стр. 78—79. Для понимания классовой природы этих «теорий» см. статью Б. С. Маньковского «Расовая теория уголовного права», — «Проблемы уголовной политики», 1935 г., вып. I.

² Согласно закону от 5 сентября 1939 г. лицо, совершившее какое-либо деяние из побуждений, враждебных государству или интересам ведения войны, подлежит смертной казни. Вопрос, имеется ли налицо такое деяние, должен был решать фашистский «суд». По закону от 5 декабря 1939 г. смертной казни подлежало всякое лицо, которое при совершении любого противоправного деяния прибегло к насилию. Насилие является здесь признаком «типа», подлежащего казни.

линией фашистской политики, определявшей и механику формирования «внутреннего убеждения» судьбы, является курс на ликвидацию в этой области остатков правового либерализма и «гуманизма». Отсюда отказ от таких «предрассудков» либерально-буржуазной юстиции, как индивидуализация вины и наказания, как юридический, а не политико-этический подход к существу дела и т. д.»¹. Волевой момент используется как предлог для проведения террора, для вынесения смертных приговоров антифашистам, революционным рабочим, демократам, славянам, евреям и т. д. И в самом деле, что стоило фашистским бандитам в судейской тоге признать у любого подсудимого наличие «преступной воли»?

К «волевому уголовному праву» прямо вели и пышно расцветшие в Германии в эпоху империализма, после первой мировой войны, и также сочувственно воспринятые фашистами так называемые оценочные концепции вины, в новой форме воспроизводившие средневековые канонические теории наказуемости преступной воли, хотя бы и не объективизировавшейся во вне². Именно в Германии появляется ряд работ, само название которых говорит о том, что их предметом является оценочный момент при установлении виновного поведения³.

Оценочные теории появились в немецкой литературе в начале XX в., когда разбойничий немецкий империализм проявлял во всех направлениях свою реакционную природу. В области внутренней политики германский империализм, готовясь к войне, стремился в эти годы обуздать своих политических противников в классовой борьбе, которая все более обострялась. Одним из средств этого явилось стремление развязать усмотрение буржуазного суда,

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 130.

² Правильно указал К. Поллак: «Развитие германской уголовно-правовой науки после первой мировой войны фактически привело к полной победе субъективистской тенденции в германской уголовно-правовой науке. Масштабом преступности является уже не объективная сторона деяния, а устроение преступника» (см. отчет о защите К. Поллаком диссертации на тему «Критика классического и социологического направления в германском уголовном праве», Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, вып. VI, стр. 215).

³ Kohlgansch, Sollen und Können als Grundlagen der Strafrechtlichen Zurechnung, 1910; Freudenthal, Schuld und Vorwurf, 1922; Goldschmidt, Normativer Schuldbegriff, 1930, и др.

максимально ограничить роль закона за счет усиления произвола суда как при определении преступного, так и при назначении наказания.

Философскую базу для этого криминалисты — идеологи германского империализма искали у реакционных философов-идеалистов: у Канта, у неокантианцев (так называемые фрейбургская и марбургская школы).

Агностицизм Канта, его разрыв между явлениями и сознанием человека, разрыв между объектом и субъектом, с одной стороны, и между сущим и должным — с другой, был тем ценен реакционным философам и юристам империалистической Германии, что он открывал самые широкие возможности для всевозможных субъективно-идеалистических концепций.

Для реакционных юристов особенно заманчивые перспективы открывала так называемая фрейбургская школа.

Как известно, фрейбургская школа в каждом суждении видит наличие одобрения или осуждения, признания или непризнания, т. е. момент оценки. В оценке, в оценочных суждениях фрейбургская школа усматривает основу для активного волевого практического характера человеческого познания.

Если субъективный характер оценки сулил реакционным немецким криминалистам возможность использования этого момента для оправдания судебного произвола, то учение Рикерта об абсолютных ценностях — нормах, о «подлежащем отрицательной оценке суда» «упречном» или «неодобрительном» поведении обвиняемого, о порицании того, что «деятель вел себя определенным образом, в то время как он должен был и мог вести себя по-иному», и т. д. и т. п., — давали им в руки ряд абстрактных формул, как-то: «справедливость», «культура», «культурные ценности» и т. д., под которыми фактически скрывались хищнические интересы немецкой империалистической буржуазии.

Сами фрейбургцы, создавая свою систему абсолютных ценностей — норм, являющихся верховным критерием истинности познания, не забывали и о праве. Они говорили о «ценностях руководящей деятельности», т. е. о хозяйстве, праве и нравственности.

На этой философской базе, т. е. на базе реакционного неокантианства, в интересах немецкого импери-

лизма, в немецкой уголовно-правовой литературе появляются и, как грибы, вырастают оценочные теории.

Они принимают внешне различные формы. Одни из них говорят о вине как о нарушении преступником должного, для других в основу учения о вине кладется «упречность» поведения подсудимого.

Во всех вариантах оценочных теорий вина из процесса, происходящего в психике субъекта преступления, становится процессом, происходящим в психике судей. В этом и заключается социальное назначение этих теорий, их реакционный политический смысл.

Как бы ни была внешне различна фразеология у различных представителей буржуазных оценочных теорий, — политическая природа их одинакова. Всеми ими руководит задача — развязать руки буржуазному суду в его борьбе с мощно растущим революционным движением, освободить суд от несколько сдерживающего его произвол требования наличия умысла или неосторожности подсудимого, поставить судьбу трудящихся-обвиняемых в зависимость от судейского произвола, маскируемого ссылками на абстрактные лозунги «справедливости», «морали» и т. д.

Ко всем этим лозунгам полностью относится то, что писал Маркс о суде присяжных в Германии: «... Но совесть присяжных — возразят нам, — совесть — нужна ли большая гарантия? Ах, топ dieu, совесть зависит от сознания и от всего образа жизни человека.

У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто никогда не мыслит. У человека, который призван к обязанности присяжного одним только цензом, и совесть цензовая»¹.

Оценка буржуазным судом тех или других действий, которую неокантианские оценочные теории пытаются теоретически обосновать, глубоко расходится с оценкой тех же действий народом, трудящимися.

Неокантианские теории вины служат задачам подавления всех передовых и революционных сил.

Оценочные теории вины криминалистов-неокантианцев проложили дорогу фашистским концепциям вины

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. VII, стр. 495.

в уголовном праве. От утверждений Гольдшмидта о том, что под виной следует разуметь «противоречащее долгу воление», — один шаг до фашистских «волевых теорий», узаконивших физическую расправу со всеми, заподозренными в несочувствии к фашизму, на том антиправовом и антинаучном основании, что якобы один только факт преступной направленности воли является основанием для осуждения обвиняемого, хотя бы воля его не получила никакого объективного выражения.

Оценочные теории были непосредственно восприняты фашистскими криминалистами, не постеснявшимися открыто признать их способность содействовать террористическим задачам фашистского уголовного права. Так, по словам одного из видных фашистских «теоретиков» — Шаффштейна, «Деятельность судьи, когда и поскольку она имеет правотворческий характер и уподобляется деятельности законодателя, не может уже оставаться технико-нейтральной. Подобная судебская деятельность требует от судьи, как и от законодателя, правдо-политических оценок и решений; в своих выводах она должна поэтому по необходимости определяться основной политической линией»¹.

Реакционные оценочные теории были после разгрома фашистской Германии импортированы в США, где они нашли для себя благодатную почву и были восприняты американскими криминалистами из лагеря поджигателей войны.

Подводя итоги краткому рассмотрению истории вопроса о вине в уголовном праве эксплуататорских государств, необходимо прийти к выводу, что только в течение короткого периода (приблизительно от начала XIX в. до 80-х его годов) в уголовном праве эксплуататорских государств признается (да и то не всеми, — в частности, не признается криминалистами-гегельянцами) необходимость сочетания объективной и субъективной стороны преступления. В течение столетий до этого периода в интересах господствующего при феодализме класса на первый план выдвигается и уродливо развивается субъективная сторона преступления, постепенно вытесняющая значение объективной стороны. После короткого перерыва, уже в новых условиях, в интересах другого

¹ Schaffstein, Juristische Wochenschrift, 1943, S. 2052.

класса — реакционной империалистической буржуазии — снова субъективная сторона преступления поглощает объективную сторону и принимает глубоко реакционную, используемую в террористических целях форму «волевого уголовного права».


Вина, как и другие институты буржуазного уголовного права, являлась в течение тысячелетий одним из орудий проведения господствующими классами политики, направленной против трудящихся, против демократии, против революционного движения.

Политическая природа вины в буржуазном уголовном праве отразилась на научной разработке вопросов вины в буржуазной теории уголовного права. От буржуазных криминалистов требовалось не действительно научное исследование проблемы вины, не раскрытие ее содержания, ее роли и значения, а всяческая маскировка ее роли и значения лженаучными концепциями и теориями. Неудивительно поэтому, что теоретические итоги работ буржуазных юристов по вопросам вины оказались поистине ничтожными. В лучшем случае эти работы не шли дальше бесплодного пережевывания положений о волевом и сознательном моментах и не могли выйти за рамки формального психологического понимания вины.

Материальные же определения вины, появившиеся в эпоху империализма, означали фактически ликвидацию вины и замену ее суррогатами вины, вроде «моральной вины», «вины характера», имевшими единственную цель развязать судебское усмотрение и дать буржуазному суду возможность террористической расправы путем вынесения обвинительных приговоров, независимо от выполнения подсудимым какого-либо установленного законом состава преступления.

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

В И Н А
КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ
УГОЛОВНОМ ПРАВЕ



ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УМЫСЛА
И НЕОСТОРОЖНОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

§ 1. Умысел и неосторожность как субъективная сторона
состава преступления

Требование наличия умысла или неосторожности как обязательного элемента состава преступления, как его субъективной стороны имеет в социалистическом уголовном праве определенное политическое значение и представляет собою одну из важнейших гарантий законности и правосудия по уголовным делам и строгой индивидуализации ответственности виновных.

Требование умысла или неосторожности как обязательного элемента состава преступления можно в социалистическом уголовном праве поставить по его политическому значению в один ряд с такими требованиями, как «нет преступления без указания о нем в законе» или «нет наказания без указания о нем в законе», и тому подобными требованиями, осуществленными только в социалистическом уголовном праве.

О попытках отрицать значение разграничения умысла и неосторожности акад. А. Я. Вышинский писал: «С такой «теорией» подходить к судебной деятельности, строить судебную практику на основе такой «теории» и на основе таких «принципов» — это значит играть наруку врагам нашего государства. Ведь если наши суды не будут разбираться в том, умышленно или неосторожно совершено преступление, по умыслу или по случайности оно совершено, — это будет такая дискредитация суда, хуже которой нельзя и придумать». Это означает прямую провокацию, прямую попытку такой «работой» взорвать суд, уронить авторитет суда в глазах всех здравомыслящих людей, ибо если суд будет человека, совершившего преступление по неосторожности, наказывать

так же, как совершившего преступление умышленно, только потому, что получается один и тот же результат то это будет полная неразбериха, полный подрыв авторитета государственной власти, государственного авторитета, а это хуже всего»¹.

Требование умысла или неосторожности потому имеет в советском уголовном праве столь большое значение с точки зрения гарантии законности, что оно связывает ответственность виновного за исследуемое судом деяние и за последствия этого деяния с четко очерченным в законе психическим отношением определенного лица, а именно лица, совершившего деяние, к этому деянию и к этим последствиям. Наличие психической связи между определенным деянием и определенными же последствиями этого деяния, т. е. наличие субъективной стороны состава преступления, является в каждом конкретном деле предпосылкой для постановки важнейшего вопроса советского правосудия, а именно вопроса о наличии вины как общего основания уголовной ответственности.

Признание строго определенной, требуемой законом психической связи между конкретным лицом (А, Б или В) и конкретным деянием (убийство Н, кража 100 руб. у О, поджог дома, принадлежащего П) обязательным элементом состава преступления дает гражданам СССР двойную гарантию. Во-первых, оно делает невозможным осуждение кого-либо без конкретного деяния (умысел или неосторожность должны быть объективизированы)².

¹ А. Я. Вышинский, К положению на фронте правовой теории, М., 1937 г., стр. 59.

² В англо-американском праве имеет место ответственность за голый умысел. А. Я. Вышинский на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 21 октября 1949 г. говорил: «Есть страна, где действительно, например, по преступлению против государственной тайны, против нарушения государственной тайны, не нужно никаких доказательств и не нужно даже признания обвиняемого, а достаточно, чтобы было налицо то, что закон называет «свойством характера». Что это за страна? Это — Великобритания. Что это за закон? Это — закон 22 августа 1911 г. А что же в этом законе записано? А в этом законе записано буквально следующее — я цитирую:

«Не требуется по делам о государственной тайне установления вины обвиняемого каким-либо определенным действием, доказывающим цель, угрожающую безопасности интересам государства...».

Выходит совершенно ясно, что обвиняемый может быть осужден в английском суде по закону 22 августа 1911 г., хотя бы конкретного преступления и не было установлено», — «Правда» 24 октября 1949 г.

Во-вторых, вопрос о наличии у подсудимого вины как общего основания уголовной ответственности может быть поставлен только в том случае, если у виновного имелся умысел на совершение преступления и на наступление его последствий или если кто-либо совершил деяние и вызвал определенные последствия по неосторожности (т. е. имелась субъективная сторона состава преступления).

Отказ от требования умысла (или неосторожности) разрушает понятие состава преступления и влечет за собою, наоборот, возможность привлечения к уголовной ответственности за одно только направление воли, равно как и за деяние, в отношении которого у привлеченного к ответственности не было ни предвидения его и его последствий, ни желания их наступления (ни — при неосторожности — обязанности предвидеть последствия), т. е. узаконивает так называемую объективную ответственность или, вернее, полнейший произвол и беззаконие. Отказ от требования умысла или неосторожности разрушил бы и понятие вины как общего основания уголовной ответственности, вырвав из него его важнейший составной элемент — субъективный¹. Такой отказ, фактический или узаконенный, имеет место в уголовном праве современных буржуазных стран, в особенности в уголовном праве США.

Большое значение с точки зрения гарантии законности имеет также обязательность для суда установления по каждому конкретному делу определенной формы вины — умысла или неосторожности. Требование закона о наличии при некоторых преступлениях только умысла дает гарантию того, что не может быть привлечено к ответственности за совершение соответствующего деяния лицо, которое совершило это деяние по неосторож-

¹ См. разоблачение акад. А. Я. Вышинским вредительских установок «насчет того, что не следует заниматься юридической «арифметикой и юридической казуистикой», биться над тем, где умысел, а где неосторожность, где растрата, а где присвоение, где недобросовестность, и где халатность и т. д., или утверждение некоторых подвизавшихся у нас «юристов», утверждавших, что деление на умысел и неосторожность особого практического значения не имеет». А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права. М., 1949 г., стр. 108.

ности. Советские суды строго проводят в жизнь это требование закона¹.

На этой же точке зрения стоит и советское военно-уголовное право. «От правильной оценки форм виновности, — пишет В. Чхиквадзе, — во многом зависит решение вопроса о привлечении военнослужащего к уголовной ответственности, правильная квалификация совершенного им преступления и назначение соответствующего наказания»².

В капиталистических странах требование умысла или неосторожности, проведение различия между этими двумя формами вины и формулировка в самом законе этого различия имели бы значение для трудящихся, привлекаемых к уголовной ответственности, если бы это требование выполнялось буржуазными судами на практике.

Отсутствие в законе определений и точных формулировок понятий умысла и неосторожности используется буржуазными судами в политических целях против коммунистов. Так, например, в Германии в период острой классовой борьбы в 1921 г. несколько рабочих сказали служащему шахты, что приближаются рабочие отряды и чтобы он бросил оружие, так как иначе ему может не поздоровиться. На этом основании суд признал у подсудимых наличие умысла на причинение насилий над служащими и угрозу такими насилиями. В другом случае несколько человек, находясь в танцевальном заведении, говорили между собою о том, что в одной из шахт имеется динамит и что при желании его можно было бы

¹ См., например, определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 17 февраля 1945 г. по делу Романова: «Ст. 104 УК РСФСР, говорящая об изготовлении и хранении одурманивающих веществ, предусматривает умышленные действия, а не неосторожные. Поэтому в действиях Романова нельзя признать наличия состава преступления», — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. III (XIX), стр. 15.

См. определение той же коллегии от 28 декабря 1946 г.: «Из материалов дела видно, что пожар произошел от неосторожного обращения с огнем Ильюшенок и Бриц, за что ответственность по ст. 175 УК РСФСР не предусмотрена, так как эта статья имеет в виду ответственность за умышленное истребление чужого имущества, по данному же делу умысел не установлен», — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. I (XXXV), стр. 19.

² В. М. Ч х и к в а д з е, Военно-уголовное право, часть I, Общая, 1946 г., стр. 187.

пустить в ход. На этом основании обвинение сконструировало умысел у них на соглашение в смысле, предусмотренном «законом о динамите», и они были приговорены к пяти годам каторги каждый¹.

Возможность вынесения подобных приговоров облегчается благодаря отсутствию в законе определений умысла и неосторожности или благодаря неточным, расплывчатым формулировкам этих понятий. Это не исключает, конечно, того, что современные буржуазные суды не останавливаются перед вынесением подобных приговоров и при наличии в законе требования умысла или неосторожности.

Заинтересованностью буржуазии в нечетких, расплывчатых формулировках закона и объясняется то обстоятельство, что большинство современных уголовных кодексов капиталистических стран не содержит в Общей части определения не только вины, но и умысла и неосторожности (уголовные кодексы Франции, Германии, Бельгии, Голландии, Норвегии и др.). Этим же объясняется получившее распространение в буржуазной криминалистической литературе в эпоху империализма пренебрежительное отношение к вине как родовому понятию умысла и неосторожности (объявление ее «технической виной»).

Буржуазные криминалисты любят утверждать, что объективная ответственность — это продукт «примитивной мысли», свойственной далекому прошлому, что современные, так называемые «цивилизованные» страны перешли от системы объективного вменения к вменению моральному, т. е. требованию внутренней виновности деятеля. Однако в уголовном праве современных капиталистических государств (не говоря уже об уголовном праве, введенном империалистическими хищниками в колониях) сознательно не только сохраняется, но и расширяется область объективного вменения. Так, хотя английские криминалисты объявляют вину одним из условий уголовной ответственности, но тем не менее в английском праве крайне широк круг преступлений, преследуемых независимо от наличия вины субъекта. Такими «исключениями», согласно наиболее распространенному англий-

¹ Verhandlungen des Rechtsausschusses des Reichstags über den Entwurf eines allgemeinen Strafgesetzbuches, Bnd. I, S. 138, 139.

скому учебнику Гарриса, являются: предусмотренные статутами преступления, которые прямо или согласно их смысла наказываются независимо от вины; почти все преступления против порядка управления и др.¹.

Другой английский криминалист — Кенни более откровенен. Он прежде всего признает, что «зачастую достаточно установить совершение обвиняемым действия, запрещенного статутом, в соответствии с которым он привлекается к ответственности». Более того, по признанию Кенни, «количество и важность преступлений статутного права, для которых *mens rea* (т. е. «виновная воля». — Б. У.) не является необходимым признаком, неуклонно возрастают»². Кенни приводит ряд примеров объективной ответственности подобного рода.

Английские империалисты всегда устанавливали в Британской Индии и в других своих колониях объективную ответственность для трудящихся-туземцев. История угнетения Англией Индии и других колониальных стран полна сотен и тысяч случаев сожжения целых поселений в качестве репрессии за преступления, совершенные одним из жителей. Ярким примером объективной ответственности могут служить коллективные штрафы, налагаемые на индусов согласно так называемому Бенгальскому чрезвычайному указу о борьбе с терроризмом 1911 г. Такой же характер имело применение англичанами в Индии законов 1921, 1924 и 1928 гг., давших британским властям возможность объявления «преступными» целых индийских племен и направления их в особые лагеря (так называемые *сеттльменты*)³. Та же система коллективных штрафов, т. е. мер, применяемых в порядке объективного вменения к ним в чем не повинным людям, широко применяется французскими колонизаторами к туземному трудящемуся населению в Алжире⁴. Жесточайшая репрессия по принципу объек-

¹ Harris, Principles and Practice of the Criminal Law, 1934, p. 18—19.

² К. Кенни, Основы уголовного права, перев., 1949 г., стр. 41.

³ М. М. Исаев, Тюремная политика буржуазии в колониях, в сборнике «Тюрьма капиталистических стран», под ред. А. Я. Вышинского, 1937 г., стр. 124—125.

⁴ А. Пионтковский, Карательная политика французского империализма в колониях, — Сборник «Карательная политика капиталистических стран», 1933 г., стр. 131.

тивной ответственности применяется в настоящее время империалистическими захватчиками к трудящимся массам в Индонезии, французскими империалистами во Вьетнаме, монархо-фашистами в Греции и т. д.

Германский уголовный кодекс 1871 г. знает ряд случаев установления объективной ответственности за невиновно причиненные результаты. Параграф 220 германского уголовного кодекса повышает ответственность за вытравление плода в случае смерти беременной, хотя бы в этой смерти на стороне лица, производившего аборт, и не было ни умышленной, ни неосторожной вины. Параграфы 224, 226, 306, 178, 206 и другие германского уголовного кодекса усиливают наказание за «отягощенные последствиями деликты», независимо от вины субъекта¹. Параграф 58 проекта германского уголовного кодекса 1909 г. и соответствующие параграфы некоторых последующих проектов открыто признавали возможность ответственности без вины. Параграф 58 начинался словами: «Если закон не устанавливает противного, то наказуем только тот, кто действует виновно». Таким образом предполагалось допущение в самом кодексе ответственности в некоторых случаях без вины².

Неограниченно применяло объективное вменение фашистское уголовное право. Как уже выше было показано, субъективная сторона преступления была в фашистском уголовном праве настолько расшатана, что она потеряла всякую связь с каким-либо конкретным деянием. На место вины как психического отношения лица к конкретному предусмотренному уголовным законом и причиненному виновным деянию и его последствиям стала оторванная от конкретного деяния воля, к тому же произвольно приписываемая «судом» подсудимому. Тем самым для фашистских криминалистов и для фа-

¹ Немецкий реакционный криминалист Мецгер вынужден был признать: «Неверно, что действующее право неограниченно провело положение — «без вины нет наказания». Мы далеко не достигли таких успехов. Если Беллинг основательно усматривает в каждом наказании без вины «кусочек некультурности», то необходимо открыто признаться, что в нашем современном праве имеется еще много кусков такой некультурности». — Me z g e r, Lehrbuch, 1927, S. 264.

² Verhandlungen des Strafrechtausschusses des Reichstags über den Entwurf eines Allgemeinen Deutschen Strafgesetzbuchs, 1932, 8-te Sitzung, S. I.

цистских «судов» потеряли всякое значение умысел и неосторожность. Фашистская «волевая теория» не нуждалась для того, чтобы отправлять свои жертвы на виселицу, ни в умысле, ни в неосторожности. Такой нигилистический взгляд на умысел и неосторожность вел прямым путем к откровенному господству в фашистской Германии объективной ответственности. Коль скоро наличие умысла в отношении конкретного деяния было объявлено необязательным для признания подсудимого виновным, то одного только деяния было достаточно для осуждения не только лица, совершившего это деяние, но и лиц, не имевших никакого отношения к содеянному.

Феодальный принцип объективной ответственности был по существу возрожден еще антропологическим и социологическими направлениями в буржуазной науке уголовного права. Оба эти направления предлагали считать основанием уголовной ответственности, достаточным для осуждения любого человека, его врожденные или приобретенные психофизические или социальные свойства и особенности, которые якобы независимо от его сознания и воли с объективной необходимостью обрекают его на совершение преступления. Тем самым объявлялось безразличным с точки зрения уголовного права психическое отношение деятеля к содеянному им, т. е. отпадала необходимость для уголовного законодателя и уголовного суда требовать от подсудимого вины.

Как известно, сторонники социологического направления открыто предлагали выбросить из уголовного права понятие вины как устаревшее и только мешающее рациональной борьбе с преступностью (если они этого не делали в своих учебниках, то это объясняется только тем, что на это они не решались: в ту эпоху говорить в учебниках об отказе от вины было еще невозможно даже в империалистических странах; возможность этого наступила гораздо позже — это сделали фашистские криминалисты).

Отказ социологов от вины осуществлялся не только в открытой, прямой форме, но и в форме завуалированной, путем объективизации вины, т. е. замены в определениях вины субъективных признаков объективными, и тем самым фактического разрушения принципа субъективного вменения.

Признание объективной ответственности вводят кейнсианско-морганистские «теории» современных реакционных криминалистов США, объявляющие преступниками всех принадлежащих к той или иной расе, национальности или к революционной партии. Деятельность комиссии по расследованию «антиамериканской» деятельности в США основана на широком применении объективного вменения.

На принципиально иных позициях построено советское социалистическое уголовное право.

Советское уголовное право категорически отрицает какую бы то ни было ответственность без умысла или неосторожности. Советский законодатель всегда считал умысел или неосторожность одним из непременных условий уголовной ответственности. Требование умысла или неосторожности как обязательного элемента состава преступления было четко сформулировано уже в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., ст. 11 которого установила, что наказанию подлежат лишь те, «которые: а) действовали умышленно, т. е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступление, или б) действовали неосторожно, т. е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий, или же не предвидели их, хотя и должны были их предвидеть». Эта статья показывает, что наказание определяется виновностью преступника и что законодатель считает субъектом преступления только того, кто действует умышленно или неосторожно. Для кодекса безразлично отношение преступника к последствиям своих действий. Законодателя интересует не голая, непосредственная волею лица связь с объектом преступления, — не только вопрос, является ли данное лицо причиной происшедшего события, но и отношение преступника к результатам своих действий. Недостаточно установить, что физической причиной данного действия являются действия подсудимого, необходимо еще выяснить психическое отношение подсудимого к причиненным им последствиям¹.

¹ Насколько твердо судебные органы СССР всегда отрицали ответственность при отсутствии в действиях подсудимого умысла или неосторожности, можно судить по определению Верховного суда РСФСР в 1924 г. по делу Шилина, которое приводим полностью. Шилин... признан виновным в том, что «в ночь на 20 июля 1923 г.,

Выражая единодушное мнение всех советских криминалистов и твердое направление советской судебной практики, проф. И. Т. Голяков писал, что «Советскому уголовному праву чуждо понятие объективной вины. Наш закон знает лишь вину субъективную, без субъективной вины нет и уголовной ответственности»¹.

Судебная практика СССР твердо стоит на позиции, что «объективное вменение... противоречит основному началу советского уголовного права, в силу которого лицо может быть подвергнуто уголовному наказанию только за такие действия, наказуемые уголовным законом, которые совершены им умышленно или неосторожно»².

Объективная ответственность несовместима с установленным советским законом и неуклонно проводимым судебной практикой требованием умысла или неосторожности как обязательного признака преступления³.

находясь в камере № 1 Архгубисправдома, совершил поджог означенной камеры с целью покончить жизнь самоубийством, каковым поджогом сделал порчу казенного имущества, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 197 УК, приговорен к 1 году лишения свободы». Уголовная кассационная коллегия в заседании 27 ноября 1924 г. определила: «Приипмая во внимание, что у гр. Шилина не было умысла истребить или повредить тюремное имущество путем поджога, а, как устанавливает приговор, он совершил поджог камеры, с целью покончить жизнь самоубийством, вследствие чего в действиях Шилина нет признаков уголовно-наказуемого деяния по ст. 197 УК, поэтому приговор по настоящему делу отменить и таковое производство в судебном порядке прекратить». «Покушение на самоубийство арестованного путем поджога камеры не может караться по ст. 197, ибо отсутствует умысел на истребление имущества». — Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного суда РСФСР за 1924 г., М., 1925 г., стр. 6—7.

¹ «Советская юстиция», 1940 г., стр. 3. См. также в статье И. Басакина «Вина и наказание», «Советская юстиция», 1940 г., № 11, стр. 26: «Если нет субъективной вины, то нет преступления». Также в статье (без указания автора) — «Вина и уголовная ответственность», «Советская юстиция», 1940 г., № 13, стр. 19.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. IV (XXXVIII), стр. 19, определение по делу Крайнова. См. также «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. VIII (XVII), стр. 23, определение по делу Гончарова.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», вып. VIII (XVII), стр. 23. См. по поводу постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 января 1947 г. по делу Егоровой, — М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1947 г., стр. 33: «Невнимание к субъективной стороне состава преступления означает сползание на позиции

Особенностью советского уголовного права, являющейся выражением пронизывающего его начала социалистической законности, является включение в состав преступления умысла и неосторожности. Как указывалось в связи с этим в советской литературе, та четкость и конкретность, которые неизвестны буржуазному праву и которые отличают формулировку ст. 10 УК РСФСР, имеют огромное, еще недостаточно оцененное значение¹.

Требование вины как субъективной стороны состава преступления, т. е. требование наличия умысла или неосторожности, как одного из обязательных элементов состава преступления, служит в советском социалистическом уголовном праве задачам борьбы за социалистическую законность, за осуществление правосудия в интересах трудящихся. В этом заключается политическое значение умысла и неосторожности в советском социалистическом уголовном праве.

§ 2. Доказывание умысла и неосторожности

В средисвековой доктрине, в феодальном законодательстве и судебной практике действовала так называемая презумпция умысла подсудимого. Не обвинение обязано было доказывать наличие у подсудимого умысла на совершение преступления, а подсудимый должен был доказывать отсутствие у него умысла на совершение инкриминируемого ему действия. Если подсудимому не удалось это доказать, то предполагалось, что он совершил инкриминируемое ему деяние умышленно. Этот принцип был формально отменен только после французской революции XVIII в., однако совершенно откровенные остатки его еще долго сохранялись в теории и практике, в особенности в Германии. А. Фейербах в первых восьми изданиях своего учебника придерживался «презумпции умысла» (*praesumptio doli*). Баварский уголовный кодекс 1813 г. сохранял еще следы этой презумпции. В ст. 43 его открыто объявлялось: «При доказанности противозаконного

объективного вменения, чуждые нашему социалистическому уголовному праву. Невнимание к субъективной стороне состава преступления является источником нарушений социалистической законности в осуществлении правосудия».

¹ А. Трайнин, Система Общей части уголовного права. Советское государство и право, 1946 г., № 5—6, стр. 12.

деяния, совершенного лицом, признается по закону, что лицо это действовало с противоправным умыслом, если только из особых обстоятельств не вытекает уверенность или вероятность противоположного».

Отмена этого положения в буржуазном законодательстве не означала, однако, полного исчезновения «презумпции умысла». В уголовном кодексе Германии 1871 г. содержится еще нормы, исходящие из презумпции умысла и возлагающие на подсудимого бремя доказывания противного¹.

Презумпцию умысла допускает во многих случаях и действующее английское уголовное право, причем оно знает и такие случаи презумпции умысла, при которых не допускаются даже доказательства противного. Так, например, при половом сношении с девочкой, не достигшей 13 лет, не допускаются даже доказательства ошибки относительно возраста². Такие случаи известны и действующему французскому уголовному праву³.

Советское уголовное право строго придерживается требования доказанности умысла или неосторожности как непреложного принципа, не терпящего никаких исключений. Оно не допускает никакой презумпции вины и требует безусловного доказательства наличия у подсудимого предусмотренной при данном преступлении формы вины. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 23 июля 1947 г. это положение высказано со всей решительностью и категоричностью. Здесь говорится: «Советское уголовное право исходит из непреложного принципа необходимости доказать вину обвиняемого»⁴.

Верховный суд СССР требует от всех органов юстиции строгой доказанности наличия умысла или неосторож-

¹ См. Liszt, Lehrbuch, с ссылкой на таможенные и налоговые законы, на Уложение торговое, § 315; § 3 закона об «эпидемиях животных» 1878 г.; § 142, 144 «Закона о промышленных товариществах» 1889 г.; §§ 20 и 21 «Закона о печати и др.

² Die Strafgesetzgebung der Gegenwart, Bnd. I, S. 627.

³ См. ч. 10 ст. 424 французского уголовного кодекса; «во всех случаях, если поджог причинил смерть одного или нескольких лиц, находившихся в подожженных местах в момент возникновения пожара, применяется смертная казнь».

⁴ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. VIII (XII), стр. 13. Вина, разумеется, здесь в смысле умысла или неосторожности.

ности в действиях обвиняемого и проверки всех обстоятельств, устанавливающих ту или иную форму вины. Так, по делу Хачатряна Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 3 февраля 1944 г. указал, что Судебная коллегия по уголовным делам «разрешила вопрос о виновности Хачатряна по признаку вероятности; такая вероятность случайного убийства не исключается, однако она не является единственной, так как убийство могло произойти и по умыслу и по неосторожности; расследование и проверка всех этих обстоятельств входили в обязанность судебного следствия, но были ли эти обстоятельства расследованы, проверить не представляется возможным в силу указанных выше качеств протокола судебного заседания»¹. На этом основании Пленум отменил приговор и последующие определения по делу Хачатряна и дело передал в суд для нового рассмотрения.

Это постановление Пленума Верховного суда СССР имеет принципиальное значение, так как оно решительно осуждает возможность признания вины подсудимого (т. е. умысла или неосторожности) по признаку вероятности. Наличие умысла или неосторожности должно быть точно и бесспорно установлено судом. Верховный суд СССР отменяет приговоры по таким делам, по которым не установлена форма вины, предусматриваемая соответствующей статьей Уголовного кодекса. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР отменила приговор по делу Плющевского на том основании, что «квалификация преступления Плющевского по ст. 214 УК БССР (умышленное убийство) является неправильной, так как наличия каких-либо мотивов к совершению убийства или умысла со стороны осужденного не установлено»².

По ряду дел Верховный суд СССР отменяет приговоры судов на том основании, что по делу является недоказанным умысел на совершение преступлений³. Так же относится Верховный суд СССР и к необходимости доказанности неосторожной вины. Судебная коллегия по

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. III (IX), стр. 7.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, под ред. И. Т. Голякова, 1940 г., стр. 99.

³ Там же, стр. 34 (дело Попова), стр. 34 (дело Полтавского), стр. 35 (дело Голикова), стр. 36 (дело Козлова) и др.

уголовным делам Верховного суда СССР отменила 27 февраля 1946 г. приговор по делу Грантинш и дело производством прекратила на том основании, что «ни о небрежном, ни о недобросовестном отношении Грантинш к возложенным на нее по службе обязанностям не могла идти речь, поскольку она не предвидела и по обстоятельствам дела не могла предвидеть последствий своих действий или бездействия и таким образом эти последствия не могут рассматриваться как результат ее вины, не только умышленной, но и неосторожной»¹.

Верховный суд СССР неуклонно требует от нижестоящих судов не допускать осуждения за преступления, предполагающие умышленную вину, если доказана только неосторожность со стороны подсудимого².

С той же последовательностью Верховный суд СССР не допускает признания умысла или неосторожности в тех случаях, когда в действительности имеется только случай. Так, Семин был осужден по ст. 79⁴ УК РСФСР по обвинению в преступно-небрежном обращении с лошадью. По делу было установлено, что во время переправы на пароме через реку лошадь, которую перевозил Семин, прыгнула в воду. Несмотря на то, что Семин принял все зависевшие от него меры, спасти лошадь не удалось, так как она попала под паром. Генеральный Прокурор СССР опротестовал приговор на том основании, что согласно ст. 10 УК РСФСР ответственность наступает лишь в тех случаях, когда лицо действовало умышленно или неосторожно, между тем как в действиях Семина отсутствует не только умышленная, но даже неосторожная вина. Судебная коллегия Верховного суда СССР по этим основаниям приговор по делу Семина отменила и дело о нем прекратила³.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. IV (XXVIII), стр. 22; см. также определения по делу Велиева и Великой от 17 декабря 1947 г. в «Судебной практике Верховного суда СССР», 1948 г., вып. II, стр. 18.

² См. «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948 г., вып. III, стр. 18 (дело Кузина) и др.

³ «Социалистическая законность», 1948 г., № 9, стр. 60—61. См. также «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. I (XXV), стр. 9 (постановление Пленума по делу Махмутовой), стр. 11 (определение по делу Савельевой).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВИНА КАК ПСИХИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Советские криминалисты, писавшие о вине, уделяли крайне незначительное внимание вопросам психологии, несмотря на то, что они все время оперировали понятиями интеллектуального и волевого моментов. Поскольку же им необходимо было в какой-то мере прибегать к положениям психологии, они нередко некритически воспроизводили положения буржуазной психологии, почерпнутые ими из вторых рук (в частности из курса уголовного права Таганцева).

Так, в советской юридической литературе разграничиваются два психических момента в переживаниях виновного: интеллектуальный момент, находящий свое выражение в сознании виновным значения совершаемого им (фактического и юридического) и в предвидении им последствий своих действий при всех формах вины, кроме преступной небрежности, а также волевой момент в его положительном или отрицательном выражении («желал» или «не желал», «допускал»). В учебнике Общей части уголовного права ВИЮН говорится: «При совершении преступлений вина как психическое отношение лица к совершенному деянию необходимо содержит в себе не только волевой, но и интеллектуальный момент»¹.

При определении прямого умысла, эвентуального умысла, преступной самонадеянности и, наконец, преступной небрежности советские криминалисты пользуются различными психологическими понятиями, как-то: «сознание», «предвидение», «желание», «допущение» и др.

Однако сознание и воля продолжают трактоваться аполитично, формалистично, как абстрактные понятия,

¹ Уголовное право. Общая часть, изд. 4-е, 1948 г., стр. 339.

оторванно от общественного сознания, т. е. выступают как сознание вообще или воля вообще, как сознание и воля некоего абстрактного человека, взятого вне конкретно-исторической обстановки, в которой человек живет и участвует в общественной жизни. Между тем советская психология не довольствуется изучением психики человека вообще, психики абстрактного внеклассового человека, а ставит задачей изучение психики советского человека, живущего и действующего в условиях постепенного перехода от социализма к коммунизму¹. В этом отношении судебная практика идет значительно впереди теории и учитывает психологию советского человека, а не человека вообще. Так, например, Судебная коллегия в определении от 25 мая 1949 г. по делу Кауфмана, анализируя понятие тяжкого оскорбления, указала, что для его признания «оно должно глубоко задеть чувство личного достоинства виновного — советского гражданина».

Советские криминалисты, изучающие процессы сознания и воли в психике виновного в совершении преступления, точно так же не должны говорить о сознании и воле виновного вообще. В буржуазном обществе сплошь да рядом нет никакой разницы между сознанием и волей преступника (речь идет о мошенниках, гангстерах, насильниках, профессиональных ворах и других общеуголовных преступниках), с одной стороны, и сознанием и психикой наиболее «респектабельных» представителей господствующего класса — империалистических хищников, банкиров, предпринимателей и т. п. — с другой. В условиях социалистического общества сознание и воля нарушителя советских законов вступают в конфликт с сознанием и волей советских людей, строителей социалистического общества, борцов за переход от социализма к коммунизму, т. е. вступают в конфликт с общественным сознанием. В этом расхождении между индивидуальным

¹ См. М. Н. Маслина, За большевистскую партийность в вопросах психологии, «Вопросы философии», 1948 г., № 2(4), стр. 335 со ссылкой на А. А. Леонтьева, Очерк развития психики, 1947 г., стр. 148 (на правах рукописи). М. Маслина говорит о необходимости «перейти от изучения психики несуществующего, абстрактного, внеклассового человека «вообще» к изучению психики конкретно — исторического человека и прежде всего современного советского человека».

сознанием преступника и общественным сознанием заключается характерная черта вины в советском уголовном праве.

Нельзя, таким образом, говорить о сознании и воле как психических элементах вины, не попытавшись проанализировать содержания и особенностей того сознания и той воли, которые вызывают резко отрицательную оценку со стороны советского уголовного закона и советского суда. Только раскрыв морально-политическое содержание сознания и воли виновного в совершении преступления, можно понять, почему вина как основание уголовной ответственности перед социалистическим государством предполагает наличие умысла или неосторожности как психического отношения, как элемента состава преступления.

Но исследование советскими криминалистами психических процессов у виновного в совершении преступления не может ограничиваться анализом только двух сторон психического процесса — сознания и воли. Этот анализ необходимо дополнить изучением третьей стороны: чувства (эмоций) при образовании различных форм вины. Можно было бы и без специального исследования психического процесса при вине сказать, что чувства (эмоции) являются одним из составных элементов этого процесса. Законы психологии действительны и при изучении психики совершителей преступных действий. А ведь одним из законов психологии является положение, что «психика представляет собою неразрывное единство познания, чувств и воли»¹. Таким образом, необходим анализ каждой из сторон психического процесса у виновного.

§ 1. Сознание как элемент вины

Сознание преступника — нарушителя советских законов — вступает в конфликт с сознанием советских людей. Сознание советских людей является качественно иным сознанием, чем сознание людей буржуазного мира. Товарищ Сталин говорит о сознании буржуазии и пролетариата: «Соответственно этим двум классам и сознание вырабатывается двойное: буржуазное и социалистиче-

¹ В. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 9.

ское»¹. Сознание советских людей — это сознание социалистическое. Товарищ Сталин еще в 1906—1907 гг. писал: «Наступает новое время, время социалистического производства, — и что же удивительного, если чувства и разум людей проникнутся социалистическими стремлениями»².

Советские люди приобрели новые, высокие и благородные качества. Товарищ А. А. Жданов говорил в 1946 г.: «Каждый день поднимает наш народ все выше и выше. Мы сегодня не те, что были вчера, и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны»³.

Новый духовный облик, свидетельствующий и о новом сознании советских людей, был обрисован товарищем Молотовым в его докладе о тридцатилетии Великой Октябрьской социалистической революции. В. М. Молотов указал: «Важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов. Это относится ко всем советским народам, как к городу, так и к деревне, как к людям физического труда, так и к людям умственного труда. В этом заключается, действительно, великий успех Октябрьской революции, который имеет всемирно-историческое значение. Теперь советские люди не те, какими они были 30 лет тому назад»⁴.

Замечательной особенностью советских людей является то, что советские люди «привыкли ставить общественный интерес превыше всего. Они привыкли считать общее дело своим насущным личным делом». Коллективным интересам они подчиняют свои индивидуальные интересы. «На основе советского строя и политики большевистской партии утвердились новая мораль, новые нормы поведения, новые привычки, превратившиеся в великую

¹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 162.

² Там же, стр. 338.

³ А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946 г., стр. 36.

⁴ В. М. Молотов, Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции, 1947 г., стр. 27.

силу, ускоряющую развитие нашего общества. Соблюдение Сталинской Конституции, социалистическое отношение к общественной собственности, к труду, ревностное исполнение советских законов, честное отношение к общественному долгу, уважение к правилам социалистического общежития, самоотверженность в защите отечества — таковы важнейшие черты коммунистической нравственности нашего общества»¹. Отношение советских людей к закону определяется их социалистическим правосознанием. Индивидуальное сознание советских людей образует неразрывное единство с общественным сознанием, т. е. с пониманием действительности, характерным для социалистического общества, для трудящихся. Это единство придает и индивидуальному сознанию советских людей особый общественный характер, характер общности интересов всех трудящихся.

Таковы «новые высокие качества советских людей»². Таково и новое сознание советских людей.

Этих замечательных качеств лишено сознание преступника — нарушителя советских уголовных законов. Его сознание не освободилось от отживших реакционных идей, пережитков прошлого, старых предрассудков, привычек и нравов. Оно ставит на первый план не коллективные, а индивидуальные интересы. Оно не знает уважения к социалистической собственности и покоится на буржуазных мелкособственнических инстинктах. Оно антипатриотично и заражено низкопоклонством перед буржуазным общественным строем, перед буржуазной «культурой», перед буржуазными нравами, буржуазной моралью. Товарищ

¹ О. Мишак ова, *Строительство социализма и коммунистическое воспитание*, «Большевик», 1949 г., № 4, стр. 60—61. См. также у А. И. Денисова, *Теория государства и права*, М., 1948 г., стр. 304: «для коммунистической нравственности характерно признание, что общественное дело — это превыше всего. Нет таких интересов коммуниста, которые не совпадали бы с интересами всего рабочего класса. Личное дело не есть только частное дело, изолированное от интересов всего общества. Вот почему коммунистическая мораль пользуется всенародным признанием». См. также В. Степанян: «черты коммунистической морали особенно ярко проявляются в том, что советские люди привыкли ставить превыше всего общенародный, государственный интерес, привыкли считать общее дело своим личным делом», «Большевик», 1949 г., № 5, стр. 26.

² А. А. Жданов, Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946 г.

Сталин указал в докладе на XVII съезде ВКП(б): «нельзя сказать, что мы преодолели пережитки капитализма в сознании людей. Нельзя этого сказать не только потому, что сознание людей в его развитии отстает от их экономического положения, но и потому, что все еще существует капиталистическое окружение, которое старается оживлять и поддерживать пережитки капитализма в экономике и сознании людей в СССР»¹.

Сознание преступника, в противоположность сознанию советских людей, находится не в единстве, а, наоборот, в противоречии с общественным сознанием, враждебно ему.

Сознание преступника — нарушителя советских законов, — проявившееся в совершении преступления, — это несоциалистическое сознание. Оно — сознание, по своему характеру чуждое сознанию советских людей, враждебное их правосознанию и их морали. Оно характеризуется наличием в нем пережитков прошлого, являющихся источником преступлений.

Сознание, входящее в умысел преступника — нарушителя советских уголовных законов, — характеризуется отрицанием тех качеств, которые составляют честь и гордость советских людей. Сознание преступника придает его умыслу определенный антиобщественный характер, характер враждебности к установленному в СССР общественному и государственному строю или установленному в СССР правопорядку.

Сознание человека складывается из процессов сознания им действительности. Советская психология учит тому, что эти процессы состоят: а) из мысленного предвидения результатов сознательного действия; б) из определяющей и направляющей роли этого предвидения; в) из знания тех оснований, которые побуждают к совершению сознательного действия; г) из знания и учета некоторых последствий действия (кроме желаемых)². Нетрудно усмотреть, что сознание при умышленном совершении преступления складывается из таких же процессов сознания, с тем, однако, что они направлены на такое сознательное действие, которое является опасным для социалистического государства.

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 466.

² П. А. Шевырев, Психология, 1946 г., стр. 16—17.

Как видно, в процесс сознания входит и предвидение последствий сознательного действия, желаемых (при прямом умысле) или нежелаемых (при косвенном умысле). Однако имеется огромное различие между предвидением, когда речь идет о сознании честных советских людей, и предвидением преступника. Если у первых оно направлено на общественно-полезные результаты, то у второго — на общественно-вредные. Это положение прекрасно выражено в ст. 6 «Основных начал» (ст. 10 УК РСФСР), которая говорит о «предвидении общественно-опасного характера последствий своих действий». Этот момент окрашивает умысел и неосторожность как психический процесс определенным классово-политическим содержанием. Его анализ дается в учении об умысле и неосторожности как элементе общего состава преступления.

Игнорирование классово-политического характера предвидения при умысле ведет к аполитичности, к скатыванию на позиции буржуазной психологии, стремящейся скрыть свое действительное классовое содержание.

§ 2. Воля как элемент вины

Советская психология установила следующие этапы, из которых, как правило, складывается сознательное волевое действие: во-первых, возникновение у человека потребности или желания; во-вторых, осознание человеком этой потребности или желания; в-третьих, борьба желаний и мотивов за и против удовлетворения этой потребности данным способом; в-четвертых, принятие решения (т. е. появление решимости, если речь идет о преступлении) и, в-пятых, выполнение этого решения¹.

То, что в теории уголовного права называется умыслом на совершение преступления, составляет четвертый этап сознательного волевого действия. У человека имеется уже воля — удовлетворить свою потребность путем совершения преступления, все противодействующие мотивы (чувство долга, страх, доводы рассудка) преоборены, лицо решило совершить преступление.

При анализе волевого процесса, происходящего в психике лица, совершившего преступление, необходимо, далее, иметь в виду, что воля, точно так же как и созна-

¹ П. А. Шевырев, Психология, 1946 г., стр. 175.

ние людей, зависит от конкретно-исторической обстановки. Воля советских людей по своему характеру глубоко отлична от воли людей буржуазного мира.

Воля советских людей выковалась в более чем тридцатилетней борьбе с классовыми врагами, с пережитками капитализма, в борьбе за строительство социалистического общества, за свободу и независимость Родины, за сохранность социалистической собственности, за социалистическую дисциплину труда. В новом человеке, в советском человеке, и воля новая. Это воля победителя, воля революционера и патриота, воля стахановца и ударника, воля строителя коммунистического общества.

Воля советских людей неразрывно связана с их морально-политическим долгом. Их воля находит свое проявление в выполнении своего долга. Но поскольку чувство долга определяется интересами той общественной группы, к которой принадлежит человек, и, следовательно, чувство долга советского человека определяется интересами класса трудящихся, то и воля советского человека тем самым определяется интересами трудящихся, интересами социалистического государства¹.

Нет ничего общего с такой волей у воли преступника. Его воля — это воля, направленная на удовлетворение своих личных индивидуалистических интересов и потребностей за счет потребностей и интересов коллективных. Это воля шкурника, предателя, труса, стяжателя, лодыря, насильника. Она определяется влиянием капиталистического окружения, антиобщественными мотивами, пережитками капитализма.

Пережитки прошлого, влияющие на формирование воли к совершению преступления, — это те «дикие привычки», «дикие чувства и взгляды», о которых товарищ Сталин говорил, что «они не так уж вечны, как это некоторые предполагают»².

«В грандиозном процессе социалистического строительства происходит переделка сознания людей — актив-

¹ Советская психология именно так понимает чувство долга: «При преодолении внутренних препятствий воля проявляется в умении заставить себе сделать то, чего требует чувство долга. В основе чувства долга лежит сознание человеком интересов той общественной группы, к которой он принадлежит, и своих обязательств по отношению к ней». — Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 175, 176.

² И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 338.

ных строителей социализма. Новый, социалистический общественный строй, основанный на товарищеской солидарности и взаимопомощи свободных от эксплуатации работников, породил крупнейшие сдвиги в психологии людей, в их деятельности, в нормах поведения. Освобожденные от гнета частной собственности, по-новому развились и расцвели мысли и чувства, интересы и способности советских людей, созрело и обогатилось новым содержанием их сознание, окрепла и превратилась в неодолимую силу их воля, преодолевающая все и всяческие трудности на пути к коммунизму»¹.

Опасность для общества людей, совершающих преступления, обусловлена тем, что их сознание и воля не подверглись этим изменениям, что их поведение определяется их отсталым сознанием, их чуждой советским гражданам отсталой волей.

Эта их отсталость находит выражение и в мотивах, влияющих на выбор ими решений, и в целях, которые они себе ставят.

Вопрос о роли мотива совершения преступления в субъективной стороне преступления ставился многими советскими криминалистами. Вопрос этот не был в советской юридической литературе предметом специального научного исследования, но получил в работах некоторых советских криминалистов хотя и недостаточно четкое и научно обоснованное, но тем не менее правильное по существу разрешение.

Ряд советских криминалистов признает мотив элементом умысла². Некоторые советские криминалисты в то же время или не считают мотив необходимым элементом

¹ В. Колбаиовский, За марксистское освещение вопросов философии, «Большевик», 1947 г., № 17, стр. 55.

² За то, что мотив входит в субъективную сторону состава преступления, высказывается А. В. Лаптев, Состав преступления и квалификация уголовных дел, М., 1939 г., стр. 14. Также В. М. Ч х и к в а д з е, который в отношении военных преступлений доказывает, что «субъективная сторона этих преступлений не исчерпывается умыслом или неосторожностью, но что в нее входит и мотив» (В. М. Ч х и к в а д з е, Военно-уголовное право. Часть I, Общая, 1946 г., стр. 190; также этот автор и в книге «Советское военно-уголовное право», М., 1948 г., стр. 184). Обязательным элементом умысла считает мотив М. Шаргородский в рецензии на учебник Общей части уголовного права ВЮОН, 1938 г., «Советская юстиция», 1939 г., № 4, стр. 55; также статья (без автора) «Мотив преступления», «Советская юстиция», 1941 г., № 4, стр. 7.

субъективной стороны состава преступления¹ или вообще умалчивают о мотиве при исследовании вопроса вины.

Нечеткость в определении роли мотива преступления, отрицание мотива, как необходимого элемента преступления, и полное игнорирование мотива объясняются в значительной мере тем, что вопрос о мотиве решается в отрыве от советской психологии. Между тем советская психология раскрыла психологическую природу мотива и его место в процессе волеобразования.

Волевой момент в умысле состоит в решимости совершить определенное действие (украсть, убить, ранить и т. д.). Но всякое действие, учит советская психология, «Исходит из некоторых мотивов и направлено на некоторую цель»². Что же такое мотив? На это дается следующий ответ: «Мотивами называются те стремления, влечения, желания, которые побуждают человека к действию, заставляют совершать тот или иной поступок»³.

В процессе образования воли, направленной на определенное действие, наибольший интерес для криминалиста представляет решение. Принятие решения означает появление у лица того, что криминалисты называют умыслом. Но принятию решения предшествует «сложный процесс обсуждения различных возможностей: действовать или воздержаться от действия, в каком направлении и каким путем действовать. Этот процесс заканчивается принятием решения»⁴. Современная советская психология называет этот процесс также «борьбой мотив-

¹ За то, что мотив только может входить в субъективную сторону состава преступления, — Г. С о л о д к и й, «Социалистическая законность», 1936 г., № 6, стр. 55; В учебнике Уголовное право. Общая часть, 1948 г. позиция А. А. П и о н т к о в с к о г о в вопросе о мотиве недостаточно ясна. С одной стороны, говорится, что «в сущности без определенного мотива не совершается ни одного преступления» (стр. 286), — с другой, утверждается, что мотив «для большинства преступлений лежит за пределами самого состава преступления» (там же) и что «мотив не является необходимым признаком состава каждого преступления» (стр. 287). Таким образом, вопрос о мотивах сводится как будто только к юридической конструкции с точки зрения состава преступления. Но автор вслед за этим признает, что мотив «не является безразличным для суда. Суд должен учитывать при определении наказания характер мотива совершенного преступления» (стр. 287).

² Б. Т е п л о в, Психология, 1946 г., стр. 7.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 171.

вов». До принятия решения (до появления умысла, если речь идет о преступлении) в сознании человека происходит борьба мотивов (побуждений, желаний, хотений). При образовании решения в конечном итоге побеждает какой-либо один мотив, который и определяет содержание, направление воли человека.

Для понимания роли мотива в образовании умысла на совершение преступления (это относится и к образованию решения действовать при неосторожности) существеннейшее значение имеет положение, сформулированное Б. Тепловым следующим образом: «Борьба мотивов в подлинно волевом действии — это всегда борьба между сознанием долга, чувством долга и какими-либо противоречащими долгу побуждениями»¹.

Характерным при образовании умысла (неосторожности) и является победа общественно-опасного мотива над сознанием долга.

Всякое человеческое действие, всякий акт поведения человека предполагает какой-то мотив и какую-то цель. Безмотивных действий нет. Действия человека сознательно произвольны, а сознательные произвольные действия исходят из определенных мотивов².

Применяя эти положения советской психологии к вине в уголовном праве, следует прежде всего установить, что виновного действия без мотива не может быть. Ни одно преступление не может быть совершено без мотива, побудившего виновного к его совершению.

Мотив предшествует появлению у лица виновного отношения к его действиям (умысла или неосторожности). Как уже указывалось в советской юридической литературе, «Мотив является побуждающим стимулом, толкающим преступника к совершению преступления»³.

¹ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 175; См. также П. А. Швырев, Психология, изд. ВЮА, 1946 г., стр. 175.

² Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 167.

³ В. М. Чиквадзе, Военно-уголовное право. Часть 1, Общая, 1946 г., стр. 190; также в учебнике «Советское военно-уголовное право», 1948 г., стр. 184. То обстоятельство, что мотив порождает умысел на совершение преступления, было установлено в советской юридической литературе еще в 1918 г. Л. Саврасовым, который пришел к выводу, что «мотив преступления есть та живая, окрашенная эмоциональными тонами, глубоко внедренная в психику идея, которая при известном толчке — импульсе — извне порождает в результате

Судебная практика показывает, что в каждом деле надо и можно установить мотивы, побудившие подсудимого совершить преступление.

В обвинительных речах А. Я. Вышинского можно найти много примеров, показывающих всю важность установления мотивов, направляющих волю на совершение преступления. Так, например, по делу бывшего начальника зимовки на острове Врангеля Семенчука и каюра Старцева А. Я. Вышинский, анализируя обстоятельства убийства Семенчуком доктора Вульфсона, говорил: «Убийство совершено по мотивам, которые руководили Семенчуком... Мотив один — устранить доктора Вульфсона как опасного разоблачителя Семенчука, как бесстрашного критика семенчуковщины. Это обычный мотив, когда оружие убийцы направляется против общественного деятеля, когда оружием убийцы руководит стремление убрать со своего пути ненавистного ему и опасного разоблачителя его преступлений»¹.

По делу работников Гукон А. Я. Вышинский говорил: «Мысль работала у них в сторону удовлетворения личных корыстных интересов. Их отношение к делу можно охарактеризовать как стремление к наживе, к удовлетворению личных интересов»².

Без мотива не может быть умысла. Умысел может возникнуть и укрепиться только под влиянием какого-либо мотива: умысел на убийство — под влиянием мотивов корысти, ревности, соперничества, вражды, хулиганских мотивов и т. д.

В психологическом процессе, происходящем в сознании преступника, появление мотива предшествует появлению умысла на совершение преступления³.

более или менее сложного процесса умысел — волю к преступлению». Л. Саврасов, Мотив в убийстве, «Пролетарская революция и право», 1918 г., № 8, 9—10, стр. 45.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, 1948 г., стр. 279.

² Там же, стр. 112.

³ О «мотивах умысла» говорится в одном из протестов в порядке судебного надзора Прокуратуры СССР. В этом протесте мы читаем: «Оставляя в силе приговор суда, коим действия Переспелкина квалифицированы по ст. 142 УК, т. е. как умышленное тяжкое телесное повреждение, Верховный суд не счел нужным объяснить, чем мог быть вызван такой умысел, в чем его мотивы (курсив мой.—Б. У.), если по всему ходу дела не возникает сомнения, что никаких взаимоотношений между Беловым и Переспелкиным никогда и не было» («Социалистическая законность», 1935 г., № 6, стр. 62).

Обусловленность каждого действия мотивом относится не только к умышленным действиям (и неправильны поэтому попытки связывать мотив только с умыслом), но и к неосторожным. При преступной самоадеянности решимость совершить действие, сопровождающееся легкомысленной надеждой на предотвращение преступных результатов, исходит из какого-либо мотива (желания, побуждения). Но и при преступной небрежности виновный, совершая действие, руководствуется каким-либо мотивом (скорее закончить работу, показать свою ловкость, испугать кого-либо, пошутить и т. д.)¹. И в психике лица, действующего с преступной небрежностью, может происходить борьба мотивов (например, при шутке: побуждение — сейчас же нацелиться и нажать курок и побуждение — проверить раньше, не заряжено ли ружье; побеждает первое побуждение, нажимается курок, и выстрелом убивается потерпевший).

Конечно, возможны случаи, когда при небрежности борьбы мотивов и не происходит. Это возможно и при умысле (так называемый внезапный умысел). Однако это не исключает того, что тот или иной мотив всегда руководит человеком, совершающим определенное действие по небрежности. Трудно представить себе совершение по небрежности какого-либо действия без мотива. Виновный в небрежности, принимая под влиянием того или иного мотива решение совершить действие, не осознает, что в результате наступят определенные последствия. Но основанием уголовно-правового упрека в этом случае является то, что он должен был и мог эти последствия предвидеть.

А. Я. Вышинский в обвинительной речи по делу Семенчука и Старцева говорил: «Не следует думать, что в каждом деле легко открыть мотив преступления, побуждения, которые можно было бы считать вполне достаточными. Установить мотив не так легко и не всегда возможно. Известна категория так называемых «безмотивных

¹ Против этого в отношении военных преступлений — В. М. Ч х и к в а д з е, считающий, что «мотив невозможен лишь в неосторожных военных преступлениях» («Военно-уголовное право. Часть I, Общая», 1946 г., стр. 190; М. Шаргородский, «Советская юстиция», 1939 г., № 4, стр. 55); за наличие мотивов и при неосторожных действиях — в статье (без автора) «Мотив преступления», «Советская юстиция», 1941 г., № 4, стр. 7.

преступлений», то есть таких преступлений, в которых мотив оказался неустановленным. Тем не менее мотив в каждом преступлении, если оно совершено не в состоянии неменяемости, должен быть и не может не быть»¹.

Если вина всегда конкретна и виновный всегда преследует какую-либо вполне конкретную цель, то мотив необязательно связан с определенным конкретным деянием. Мотивы (классовая вражда, корысть, ревность и т. д.) могут жить в психике субъекта без попытки их объективизировать в действии. Мотивы могут быть настолько неинтенсивны, что они пребывают в пассивном состоянии, не выходя из стадии переживания как такового. Но мотив может активизироваться, и тогда в психике субъекта могут произойти процессы, которые в конечном итоге создадут в нем решимость совершить преступление и приведут к образованию у него умысла на совершение преступления. Умысел после того, как он объективизировался в определенном деянии, больше не существует, — он исчерпал свое существование. Мотив же, породивший умысел, может продолжать существовать и может породить новый умысел на совершение нового преступления и т. д. Так, например, корыстный мотив может повести к неоднократному появлению и осуществлению умысла на совершение кражи.

Роль мотивов при разрешении вопросов виновности крайне велика. Мотивы, побуждающие людей на совершение преступлений, определяются их классово-политическим положением, их отношением к общественной среде, к своему классу и к классу враждебному. Мотивы, руководящие поведением людей, придают их поведению определенное классово-политическое содержание.

Так же как сознательное действие человека не может не иметь мотива, так же мотив не может не иметь определенного общественного содержания. Не может быть мотива без определенного морально-политического содержания. Мотив так же является необходимым результатом общественного бытия человека, как и вся его психика в целом.

¹ Акад. А. Я. Вышинский, Судебные речи, 1948 г., стр. 179. В отношении военных преступлений см. В. М. Чхиквадзе: «Не может быть безмотивного умышленного военного преступления». «Советское военно-уголовное право», 1948 г., стр. 184.

Акад. А. Я. Вышинский говорит, что воля человека «зависит от побуждений, которые приводят в движение не только отдельных людей, но большие человеческие массы — целые народы или целые классы данного народа. Эти побуждения в конечном счете определяются потребностями классов, производственными отношениями, развитием производительных сил и условий обмена»¹. Сказанное акад. А. Вышинским относится и к тем мотивам, которые толкают людей на совершение тех или других действий. Мотивы человеческих поступков определяются их общественным бытием. Так, например, корыстные мотивы носителей пережитков прошлого, взглядов и обычаев капитализма создают решимость и умысел на совершение хищений, растрат, разбойных нападений и других преступлений.

Отсюда ясно, какое значение имеет установление мотива преступления для всесторонней оценки поведения человека, для установления вины подсудимого и ее степени. В советской юридической литературе показано, что мотив преступления характеризует вину подсудимого, влияет на ответственность виновного, свидетельствуя о большей или меньшей общественной опасности подсудимого². Это же подчеркивается и в судебной практике³. Понятным становится поэтому, почему Верховный суд СССР придает такое большое значение установлению в каждом деле мотива преступления. «Обвинение, — говорит Верховный суд СССР, — не может считаться доказанным, если по делу не установлены место, время и мотивы совершения преступления»⁴.

¹ А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, 1946 г., стр. 152.

² В. М. Чиквадзе, Военно-уголовное право. Часть I, Общая, 1946 г., стр. 191; А. Герцензон, Учебник, стр. 344.

³ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1944 г., М., 1948 г., стр. 105—106, определение по делу У.

⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940 г., стр. 75. Насколько большое значение придает Верховный суд СССР установлению по каждому делу мотива преступления, видно из того, что он считает недостаточным одного только указания суда в приговоре на мотив преступления. Верховный суд СССР указывает, что выводы о мотивах преступления не могут быть основаны на предположениях, не подкрепленных материалами дела. По делу Султанова, осужденного по ст. 171 УК

В ряде случаев мотив предусматривается в диспозициях статей уголовных кодексов как обязательный признак данного состава преступления. Правда, законодатель не всегда пользуется термином «мотив», а иногда применяет другие термины, как-то: «соображения», «виды», «побуждение» и др.; но за этими терминами скрываются «мотивы». Так, например, в ст. 95 УК РСФСР говорится о «корыстных мотивах»; в ст. 109 — о «соображениях корыстных или иной личной заинтересованности»; в ч. 2 ст. 111-а — о «корыстной или иной личной заинтересованности»; в ст. 114 — о «корыстных или иных личных видах»; в ч. 2 ст. 115 — о «личных либо корыстных видах»; в ст. 120 — о «корыстных соображениях»; в ст. 136 — о «корысти, ревности и других низменных побуждениях»; в ст. 193¹⁷ — о «корыстных целях» и др. В некоторых случаях, когда законодатель говорит о «целях», это слово может означать и цель и мотив (например, ст. 193²⁰ и ст. 193²¹ говорят о совершении преступления «в целях способствования неприятелю»).

Установление мотива преступления имеет особенное значение в тех случаях, когда наличие в действиях подсудимого того или другого мотива признается законом квалифицирующим обстоятельством или, наоборот, смягчающим вину обстоятельством. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указывает в определении по делу У. от 1 апреля 1944 г.: «Убийство принадлежит к числу тех преступлений, для установления которых имеет существенное значение выяснение мотивов,

Азербайджанской ССР (умышленное убийство) к семи годам лишения свободы, суд исходил из предположения, что убийство было совершено Султановым потому, что он боялся, как бы не быть убитым самому. Таким образом, мотивом убийства суд признал страх. Однако Судебная коллегия Верховного суда СССР указала: «На основании каких данных основан вывод суда — неизвестно; никаких улик, кроме показания Гюльмамед и его матери, в деле не имеется, между тем строить обвинение Султанова Хатама на показаниях родственника убитого, которым сам суд не верит в отношении троих из оговариваемых им четырех обвиняемых, — неправильно, и такие материалы не могут быть признаны убедительными и достаточными для осуждения» (Там же, стр. 111). Дело по обвинению Магеррамова в мошенничестве было прекращено Судебной коллегией по уголовным делам определением от 4 октября 1938 г. на том основании, что ничем не доказано, что Магеррамов действительно имел намерение полученную сумму обратить в свою пользу, а не раздать по принадлежности (Там же, стр. 125).

побудивших данное лицо совершить его. От того, каковы были эти мотивы, зависит квалификация преступления, так как одни из них признаютсяотягчающими обстоятельствами (ст. 136 УК), другие — обстоятельствами, смягчающими вину»¹.

Квалифицирующим признаком определенные, описанные в законе, мотивы признаны в ч. 2 ст. 95, ч. 2 ст. 111-а, ст. 114 и других статьях УК РСФСР.

Но не только в диспозициях статей Особенной части мотивы могут играть роль квалифицирующего, отягчающего обстоятельства. Уголовные кодексы союзных республик предусматривают и в Общей части мотивы, наличие которых вообще служит отягчающим обстоятельством. Такими обстоятельствами признаются: совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений (п. «г» ст. 47 УК РСФСР). К числу таких низменных побуждений следует отнести, в частности, и хулиганские мотивы².

В ряде случаев отсутствие низменных мотивов (главным образом корыстных, но и других) признается обстоятельством, смягчающим вину и превращающим преступление из квалифицированного в простое (например, ч. 2 ст. 120, ст. 137, ст. 193¹⁷ и др.).

Отсутствие корысти или иных низменных побуждений признается вообще смягчающим вину обстоятельством во всех уголовных кодексах союзных республик (п. «в» ст. 48 УК РСФСР). Однако в литературе справедливо

¹ Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного суда СССР, 1944 г., М., 1948 г., стр. 105—106.

² Верховный суд РСФСР в постановлении от 16 марта 1925 г. указал, что «Хулиганство само собою признается общественно-опасным явлением, вследствие чего убийство из хулиганских побуждений, если такой мотив убийства установлен судом, должно быть квалифицировано как убийство при отягчающих обстоятельствах по п. «а» ст. 142 УК» (ст. 136 УК ред. 1926 г.), (Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, М., 1932 г., стр. 297). Верховный суд РСФСР признал также в 1929 г. убийством из низменных побуждений убийство на дуэли. Пленум Верховного суда указал при этом, что рассматриваемое им дело является первым в практике советского суда, см. Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изд. второе, 1932 г., стр. 440. О «хулиганских побуждениях» при телесном повреждении см. постановление Пленума Верховного суда СССР от 17 августа 1944 г. по делу Богданова, — Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного суда СССР, 1944 г., стр. 30.

указывалось, что отсутствие изменных мотивов не всегда может считаться смягчающим обстоятельством. В качестве примеров приводится выпуск недоброкачественной продукции (Указ от 10 июля 1940 г.), обмен и отпуск на сторону оборудования и материалов (Указ 10 февраля 1941 г.)¹.

Мотив может служить признаком для разграничения в некоторых случаях составов преступлений и для правильной, на основе такого разграничения, квалификации преступления. Так, например, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 29 апреля 1939 г. «О судебной практике по делам о хулиганстве» прямо указал — квалификация таких действий, как нанесение побоев, тяжких или легких телесных повреждений, оскорбление и т. п., как хулиганство «может иметь место лишь в том случае, когда установлено, что эти действия совершены именно из озорства, в целях проявления явного неуважения к обществу, а не тогда, когда в их основе лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим»².

В советской литературе попытка классификации мотивов преступления была предпринята проф. А. Герцензоном. Проф. А. Герцензон разделяет все мотивы на три основные группы: 1) контрреволюционные мотивы, 2) низменные мотивы и 3) мотивы, обусловленные неустойчивостью и недисциплинированностью³. Автор полагает, что между мотивами первой и остальных двух групп имеется качественное различие, так как контрреволюционные мотивы делают преступление тяжким противогосударственным преступлением, в то время как мотивы второй и третьей группы характерны для преступлений, нарушающих социалистический порядок. Предложенной А. Герцензоном классификации можно было бы сделать упрек, что мотивы второй и третьей группы могут перерасти в мотивы первой группы, мотивы третьей — в мотивы второй. Впрочем, сам автор признает, что «приведенная классификация мотивов нуждается в дальней-

¹ А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий, 2-е изд., 1944 г., стр. 53.

² Сборник действующих постановлений Пленума и директивных актов Верховного суда СССР, 1924—1944 гг., 1946 г., стр. 49.

³ А. А. Герцензон, Уголовное право, ГИИ, 1948 г., стр. 343.

шей разработке и детализации, так как она дает лишь общие контуры учения о мотиве как одном из обстоятельств, характеризующих вину и общественную опасность преступника»¹.

Надо к тому же отметить, что стабильной системы мотивов не может быть. В связи с изменением общественных условий одни мотивы человеческих поступков могут исчезать (например, все более ослабевают и исчезают различные мотивы, порождаемые пережитками капитализма в сознании людей), другие могут вновь появляться. Наконец, практической необходимости в классификации мотивов не ощущается. Это не исключает необходимости теоретического анализа отдельных мотивов, в особенности наиболее опасных (например, мотивы, исходящие из классовой ненависти) или наиболее типичных для отдельных категорий преступлений (например, корысть при имущественных преступлениях или при спекуляции и др.).

Мотив надо отличать от цели преступления, хотя между мотивом и целью имеется внутренняя психическая связь. «Действия человека, — пишет Б. Теплов, — и сходят из определенных мотивов и направлены на определенные цели. Мотив — это то, что побуждает человека к действию, цель — то, чего человек стремится достигнуть в результате этого действия. Ставя себе ту или другую цель, человек всегда руководствуется определенными мотивами, определенными побуждениями. Мотивы — это то, что побуждает человека к постановке тех или других целей»². Таким образом, цель — это то, чего конкретно стремится достичь преступник, это то конкретное изменение во внешнем мире, которого он добивается при помощи преступления. Мотив же — это то внутреннее побуждение, которое побудило

¹ А. А. Герцензон, Уголовное право, М. 1948 г., стр. 343—344.

В буржуазной юридической литературе делались попытки классификации мотивов преступлений. В особенности такая классификация интересовала представителей тех направлений в буржуазной науке уголовного права, которые в центре уголовного права ставили не преступление, а преступника, т. е. «антропологов» и «социологов». Предлагавшиеся ими схемы представляют интерес только с той стороны, что все они не упоминали тех мотивов, которые они считали наиболее опасными для капиталистического строя и ради борьбы с которыми создавались их «теории», «школы», «идеи» и т. п., а именно — революционных мотивов.

² Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 164.

преступника поставить себе конкретную цель. Например, корысть является мотивом действий растратчика. Целью его является удовлетворение этой корысти путем присвоения определенной суммы денег, определенных ценностей. Мотивом, руководящим лжедоносчиком, является месть, злоба, корысть и др. Цель лжедоносчика — вынесение судом неправосудного приговора¹. Особенно четко признак цели выступает при контрреволюционных преступлениях. Контрреволюционная цель хотя прямо и не упоминается в общем определении контрреволюционного преступления в ст. 58¹ УК РСФСР, но именно эту цель имеют в виду указания диспозиции этой статьи: «действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти Рабоче-Крестьянских Советов». Прямо о цели (контрреволюционной) говорят статьи 58², 58⁶, 58⁷, 58⁹, 58¹⁴ УК РСФСР². Ст. 59¹ УК РСФСР говорит об отсутствии контрреволюционной цели при преступлениях особо для Союза опасных против порядка управления.

¹ А. Трайнин в книге «Учение о составе преступления» не проводит сколько-нибудь четкой грани между мотивом и целью. Он говорит «о цели или мотиве» (стр. 103, 104), как бы не видя различия между этими двумя понятиями. Но далее он пишет, что «близким признаку цели субъективным элементом состава преступления является мотив действия» (стр. 104).

Мотив и цель смешивает А. Лаптев, Состав преступления и квалификация уголовных дел, М., 1939 г., стр. 14. По мнению В. М. Чхиквадзе, «Мотив существенно не отличается от цели преступления. Цель — это то, к чему преступник стремится в результате совершения преступления». Военно-уголовное право, часть I, Общая, 1946 г., стр. 190.

Точно так же не проводит разницы между мотивом и целью А. Герцензон в брошюре «Квалификация преступлений», М., 1947, стр. 12. Наоборот, М. Шаргородский — против отождествления мотива и цели, в рецензии на учебник Уголовного права. Общая часть — «Советская юстиция», 1939 г., № 4, стр. 55. Учебник Уголовное право. Общая часть, 1948 г. не ставит цель преступления в связь с мотивом преступления (стр. 287).

² Контрреволюционная цель как основной признак субъективной стороны контрреволюционных преступлений со всей четкостью установлена Верховным судом СССР в разъяснении 18 Пленума Верховного суда СССР от 22 января 1928 г. «О прямом и косвенном умысле при контрреволюционном преступлении» и в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 31 декабря 1938 г. «О применении ст. ст. 58⁷, 58⁹ и 58¹⁴ УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик». — «Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1924 — 1944 гг.», 1946 г., стр. 39.

О цели преступления говорит и ряд других статей УК РСФСР, как-то: ст. 59³⁶ («с целью вызвать крушение поезда»); ст. 63 («в целях обхода закона о наследовании и дарении»); ст. 72 (в целях использования поддельных удостоверений и др.); ст. 73¹ («в целях прекращения» деятельности должностных лиц или общественных работников); ст. 78 («в целях препятствования правильному разрешению дел или вообще деятельности учреждения»); ст. 79¹ («с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему»); ст. 101 («с целью сбыта» спиртных напитков); ч. 2 ст. 102 («без цели сбыта»); ст. 104 («с целью сбыта»); ст. 107 («в целях наживы»); ст. 119 («в целях последующего изобличения давшего или принявшего взятку»); ст. 121 («в целях передачи... сведений, не подлежащих оглашению»); ст. 123 («с целью возбуждения суеверия»); п. «г» ст. 136 («с целью облегчить или скрыть другое тяжкое преступление»); ст. 148 («из корыстных или личных целей»); ст. 149 («с корыстной целью»); ст. 158¹ («в корыстных целях»); ст. 168 («с корыстной целью»); ст. 169 («в целях получения имущества или права на имущество»); ст. 169^а («с целью воспрепятствовать чекодержателю получить сумму чека»); ст. 170 и 171 («в корыстных целях»); ст. 182¹ («с целью продажи или распространения»); ст. 200 («с целью принудить потерпевшего или его родичей дать удовлетворение за нанесенную обиду»). Отдельные воинские преступления предполагают наличие у виновного изменнической цели (например, п. «а» ст. 193²⁰ УК РСФСР).

Появление у субъекта мотива предшествует появлению у него не только умысла, но и цели. В этом смысле ст. 30 «Основных Начал» говорит о «мотивах преступления». В этом же смысле п. «в» ст. 48 УК РСФСР говорит о «мотивах», лишенных корысти или иных изменных побуждений, ч. 2 ст. 95 УК РСФСР — о корыстных мотивах и т. д.

Правда, терминология в уголовных кодексах в этом отношении не всегда выдержана, и в ряде случаев вместо термина «мотив» уголовные кодексы употребляют другие термины («соображения», «побуждения», «виды», «заинтересованность», «цель»). Например, ст. 109 УК РСФСР говорит о «корыстных соображениях», ст. 111-а — о «корыстной заинтересованности», ст. 114 — о «корыстных или

иных личных видах», ст. 136 — о «корысти, ревности и других низменных побуждениях», ст.ст. 168, 170 и 171 — о «корыстных целях» и т. д. Нетрудно, однако, из смысла этих статей убедиться, что во всех этих случаях речь идет не о чем ином, как о мотивах преступления. Верховный суд СССР точно так же пользуется часто вместо термина «мотив» термином «заинтересованность», «цель» и др.¹

В некоторых случаях закон считает мотив или цель одним из признаков состава преступления, вводя его в диспозицию соответствующих статей уголовных кодексов. Мотив является одним из признаков состава преступления при возбуждении национальной вражды или розни (ст. 59⁷ УК РСФСР), при угрозе должностным лицам или общественникам (ст. 73¹ УК РСФСР), при хищническом убое скота (ст. 79¹ УК РСФСР), при ложном доносе (ст. 95 УК РСФСР), при спекуляции (ст. 107 УК РСФСР), при корыстном злоупотреблении властью (ст. 109 УК РСФСР), при постановлении неправосудного приговора (ст. 114), при умышленном убийстве (ст. 136 УК РСФСР) и многих других преступлениях.

Мотив входит в материальную характеристику преступления и играет весьма существенную роль при оценке подсудимого и его деяния, при установлении его вины и ее степени.

На решение суда о виновности и о степени вины подсудимого может оказать большое влияние, — а в некоторых делах даже решающее, — характер мотива, который руководил подсудимым. Наиболее низменными мотивами являются контрреволюционные мотивы. Мотивы могут иметь и иной измененный характер (например, корысть, ревность, злоба и др.). Они могут быть лишены низменного характера (ложно понятое сострадание, чувство дружбы, чувство долга и т. д.). Суд по-разному отнесется к подсудимому, совершившему убийство из корысти, и к подсудимому, убившему с целью избавить безнадежно больного от страданий, хотя в том и другом случае действия преступника общественно-опасны и требуют наказания.

Это относится и к цели преступления. Цель, которую преследовал подсудимый, также является одним из объек-

¹ См. Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1940 г., стр. 40, 41, 98, 104 и др.

тов оценочной деятельности суда при разрешении вопроса о вине подсудимого и ее степени. Верховный суд СССР прямо указывает, что для раскрытия «подлинного содержания умысла» необходимо установить цель, которую преследовал виновный. Так, устанавливая по конкретному делу различие между ст.ст. 193⁷ и 193¹⁰ УК РСФСР, Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 5 апреля 1946 г. по делу Рагозина указал: «Если по делу установлено, что полученное обвиняемым разрешение на преждевременное увольнение или отпуск преследовало с его стороны задачу лишь облегчить или замаскировать таким путем осуществление своего умысла на длительное незаконное оставление части, то такого рода действия нет основания квалифицировать по ст. 193¹⁰ УК. В этих случаях, поскольку длительность незаконного отсутствия сверх разрешенного отпуска или кратковременного увольнения раскрывает подлинное содержание умысла обвиняемого (разрядка наша — Б. У.), действия последнего надлежит квалифицировать как самовольную отлучку или дезертирство в зависимости от обстоятельств дела»¹.

Несколько иначе вопрос стоит в тех случаях, когда мотив или цель прямо предусмотрены в диспозициях статей Уголовного кодекса в качестве признака преступления (ст. ст. 59⁷, 73¹, 79¹, 107, 114 и в других статьях УК РСФСР), или когда они по характеру преступления, очевидно, являются обязательным признаком состава преступления без прямого упоминания о том в диспозиции (так, например, при всех контрреволюционных преступлениях мотивом являются контрреволюционные настроения и взгляды), или когда, наконец, мотив преступления является отягчающим обстоятельством (ч. 2 ст. 95, ч. 2 ст. 111-а, ст. 120, ст. 136 УК РСФСР). В таких случаях мотив, не теряя своего значения в общей оценке субъекта и его поведения, вместе с тем входит в состав преступления в качестве одного из элементов субъективной стороны преступления. В таких случаях закон исходит из предположения, что виновный, совершая преступление, руководствовался указанными в диспозиции мотивами и целями.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. III (XXVII), стр. 4.

§ 3. Чувства (эмоции) как элемент вины

Маркс указывал на неразрывную связь чувств с сознанием и волей. Он писал: «Человек присваивает себе свою разностороннюю сущность разносторонними способами, т. е. как целостный человек». Говоря о «человеческих отношениях к миру», Маркс перечисляет: «зрение, слух, обоняние, вкус, чувство, мышление, созерцание, ощущение, хотение, деятельность, любовь»¹.

Основным положением советской науки психологии является, что человеческая психика представляет собой неразрывное единство сознания, чувства и воли. «Психология советских людей — это совокупность их чувств, настроений, навыков, привычек, склонностей, определенных черт характера, направленности воли»².

Ошибкой является поэтому сведение психического процесса при вине к одному или двум элементам психической деятельности человека.

Нельзя при рассмотрении психики человека при совершении им любого акта поведения искусственно абстрагироваться от любой из трех сторон психики (сознание, чувство, воля) и ограничить исследование только двумя из них. Самое содержание чувства (эмоции) показывает его связь (единство) с сознанием и волей. Чувство (эмоция) представляет собой переживание человека, его отношение к тому, что он познает и делает. Чувство (эмоция) человека является двигателем его воли. В то же время воля человека предполагает осознание им своих чувств³.

Это элементарное положение советской психологии целиком применимо и в отношении психических процессов при вине. К сожалению, оно до настоящего вре-

¹ Маркс, Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 625.

² Ф. В. Константинов, Роль социалистического сознания в развитии советского общества, в сборнике «О советском социалистическом обществе».

³ См. А. М. Халецкий — Судебная психиатрия, 1949 г., стр. 133— «Эмоции выражают наше отношение к внешнему миру и наше внутреннее состояние, самочувствие...»

Их качественная сторона, их богатство находится в зависимости от уровня развития личности, от накопленного опыта... Эмоции сопровождают всю нашу деятельность... Волевое действие, преодолевающее внутренние и внешние препятствия, обязательно сопровождается «эмоцией».

мени игнорировалось советскими криминалистами и судебными психиатрами. Это положение оставляет вне поля зрения учебник Общей части уголовного права (изд. 4-е).

В. Трахтеров останавливается, говоря о неизменяемости, правда, на чувствах (эмоциях), но только для того, чтобы в конечном итоге отвергнуть их значение как обязательного составного элемента психического процесса при вине. Он пишет: «Достаточно ли указать в формуле неизменяемости оба юридических критерия — интеллектуальный и волевой? Не следует ли отразить в формуле неизменяемости расстройства или аномалии в третьей области психических функций — в области эмоциональной, в области чувств? Не следует ли дополнить оба юридических критерия третьим?»¹. Указав, далее, на то, что в психологической и психиатрической литературе можно найти многочисленные подтверждения тесной связи сознания и воли с эмоциями, В. Трахтеров приходит тем не менее к выводу об отсутствии оснований для самостоятельного указания в формуле неизменяемости на эффект, произведенный болезнью или аномалией в области чувств,

¹ В. Трахтеров, *Юридические критерии неизменяемости в советском уголовном праве*, Ученые записки Ленинградского юридического института, вып. IV, 1947 г., стр. 143 и 144. Кстати, совершенно необоснованным является наименование критериев, о которых говорится в статье В. Трахтерова, т. е. интеллектуального и волевого — юридическими. В. Трахтеров только повторяет эту твердо установившуюся в советской уголовно-правовой и судебно-психиатрической литературе терминологию. В действительности оба этих критерия — чисто психологические. Только боязнь «психологизма» можно объяснить, что психологические явления объявляются «юридическими». А. А. Понятковский совершенно правильно в 1929 г. называл эти признаки «психологическими», но в 1938 г. в 1-м издании учебника «Уголовное право. Общая часть» переименовал их в «юридические» (стр. 262). Еще более странной является эта боязнь психологов у судебных психиатров, также называющих указанные критерии «юридическими». — См. «Судебная психиатрия», 1949 г., стр. 14. Следует отметить, что вопрос этот — не только терминологический. Он отражает неправильную традицию — изучение проблем вины и неизменяемости в отрыве от советской психологии. На этот отрыв и, в частности на игнорирование советскими криминалистами эмоций как элемента психического процесса при вине, впервые указал в декабре — январе 1948—1949 гг. М. М. Исаев в прениях по докладу Б. С. Утевского о вине в советском социалистическом праве, происходивших во Всесоюзном институте юридических наук.

эмоций. Так же поступают и авторы учебника «Судебная психиатрия» (1949 г., стр. 14), включающие в формулу неменяемости только интеллектуальный и волевой критерии (признаки). Этому противоречит указание в том же учебнике на «расстройства эмоциональной жизни» как на один из симптомов психических расстройств (стр. 133).

Невозможность исключения чувств (эмоций) при анализе психического процесса подтверждается и указанием Энгельса на то, что «Воля определяется страстью или умыслом. Но те влияния, которыми в свою очередь определяются непосредственно страсть или умысел, далеко не одинаковы. Иногда они исходят из внешних предметов, иногда — от идеальных двигателей: честолюбия, «восторженной любви к истине и праву», от личной ненависти или даже от всякого рода прихотей»¹. Это указание Энгельса с исключительной яркостью показывает, какую большую роль играют чувства (эмоции) в процессе образования воли и при умысле на совершение преступления.

Чувства (эмоции) людей неслучайны. Они так же являются отражением в психике человека объективной действительности, как и сознание и воля. «Разве бытие не определяет собой «чувства» и взгляды людей?», — говорит товарищ Сталин². Советская психология исходит из зависимости чувств человека от его общественного бытия. «Наши чувства, или эмоции, не могут быть беспредметными или бессознательными. Нельзя чувствовать или переживать неизвестно что. Нельзя любить или ненавидеть неизвестно кого и неизвестно за что... Природа наших взглядов, убеждений, стремлений, вкусов, привычек, наших эмоций не биологическая, а общественная»³.

Изучение чувств (эмоций) человека имеет особое значение при анализе умысла и неосторожности. Ведь чувства как раз и отражают отношение человека к вещам и явлениям. Советская психология именно в этом видит природу чувств (эмоций). «Чувство выражает отношение человека к этим вещам и явлениям»⁴.

Задача советской науки уголовного права — дать, на основе советской психологии, анализ эмоций, характер-

¹ Энгельс, Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 668.

² И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 338.

³ Е. Т. Черников, Против идеализма и метафизики в психологии, «Вопросы философии», 1948 г., № 3, стр. 306.

⁴ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 47.

ных для нарушителей советских уголовных законов. Эти эмоции, разумеется, отличны от эмоций советского человека. Они имеют совершенно иной морально-политический характер и получают поэтому отрицательную общественную оценку. Ненависть врага к социалистическому государству, антипатриотизм, стремление к наживе, чувство мести, лодырничание, безразличие к общественным интересам, трусость на поле битвы — это те «дикие чувства»¹, которые носят ярко выраженный антиобщественный характер и которые не могут не учитываться судом при выяснении психического отношения подсудимого к содеянному им. Без их учета не может быть полной оценки поведения подсудимого, обоснованного решения вопроса о вине подсудимого и о степени его вины.

Законодатель в определение вины не вносит признаков, лежащих в области чувств (эмоций) виновного, но это не снимает с науки уголовного права обязанности включения эмоций в число тех переживаний, которые составляют психическое основание вины. Эта обязанность подкрепляется тем, что во всех крупнейших советских законодательных актах по уголовному праву в той или иной мере при оценке действий виновного учитываются и эмоции, характеризующие характер его поведения. Так, еще «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» 1919 г. предлагали при определении меры наказания различать в каждом отдельном случае, «обнаружены ли совершающим деяние... жестокость, злоба, коварство, хитрость...» (ст. 12). Уголовный кодекс 1922 г. воспроизвел это положение, но только в отношении «жестокости» и «хитрости» (п. «п» ст. 24). Об учете «жестокости» и «хитрости» говорят и «Основные начала» 1924 г. (п. «д» ст. 31). Эти же два чувства сохранены среди отягчающих вину обстоятельств и в УК РСФСР ред. 1926 г. (п. «д» ст. 47).

В ряде статей уголовных кодексов диспозиции содержат в числе других обязательных признаков состава преступления указание на определенные чувства (эмоции) виновного. Так, например, при квалифицированном хулиганстве виновный действует с «цинизмом» и «дерзостью» (ч. 2 ст. 74). Виновные в некоторых половых преступлениях действуют в состоянии «половой страсти» (ст.ст. 151,

¹ И. Сталин, Соч., т. 1, стр. 338.

154). При некоторых преступлениях поведение виновного характеризуется «злостностью» (ст.ст. 59^{3в}, 79³, 158). Поведение виновного в «хищническом убое» скота (ст. 79³) определяется хищническим отношением к скоту. Корысть, о которой говорится в диспозициях целого ряда статей Уголовного кодекса, или ревнивость (ст. 136) означают не только соответствующий мотив, но и определенное чувство, переживаемое виновным.

Ряд преступлений, предусмотренных в уголовных кодексах союзных республик, предполагает определенные чувства (эмоции) виновного, характеризующие его моральный облик. Достаточно указать на контрреволюционные преступления, хулиганство, оскорбление, клевету, дезертирство, корыстные преступления, половые преступления, ложный донос, ростовщичество и др. Каждое из этих преступлений связано с особыми, характерными только для него, эмоциями виновного, характеризующими его поведение, выразившееся в совершении преступления. Чувства (эмоции) контрреволюционера характеризуются ненавистью и злобой к Советскому государству, звериной враждой к социализму; чувства (эмоции) хулигана — озорством, цинизмом, неуважением к социалистическому обществу; эмоции дезертира — это эмоции трусости и предательства; эмоции спекулянта — жадность и алчность и т. д.

«Сильное душевное волнение» признается всеми уголовными кодексами союзных республик обстоятельством, смягчающим вину подсудимого (ст. 138 УК РСФСР). «Сильное душевное волнение» придает особую психологическую окраску умыслу, давшую основание говорить о так называемом «аффектированном умысле».

В своих обвинительных речах А. Я. Вышинский часто описывает чувства (эмоции) подсудимых и тем самым помогает понять их субъективное отношение к содеянному ими, понять характер и степень их вины. Так, например, он говорит о «чисто волчьих навыках, привычках и настроениях» подсудимых по делу о гибели парохода «Советский Азербайджан»¹, о «трусости некоторых из этих подсудимых»² и «паническом» их настроении³,

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, 1948 г., стр. 179.

² Там же, стр. 216.

³ Там же, стр. 221.

о «злобе и ненависти» врагов народа — подсудимых по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра¹, об их «животном страхе»² и т. д.

Судебная практика при анализе психических процессов, происходивших у виновного, также придает значение не только сознанию и воле, но и чувствам. В приведенном выше определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 25 мая 1949 г. по делу Кауфмана анализу подвергается «чувство личного достоинства» виновного, причем, как было уже выше отмечено, чувство понимается Судебной коллегией как чувство «советского гражданства».

Все чувства и эмоции человека, оказавшие то или иное влияние на совершение им преступления, — это эмоции, заслуживающие отрицательной общественной оценки, это эмоции низменные, не совместимые с моральными свойствами советского человека.

Распознавание этих эмоций, их установление, оценка их с точки зрения морально-политической характеристики подсудимого и совершенного им деяния необходимы при решении вопроса о наличии или отсутствии в действиях подсудимого вины и установления степени его вины. Нельзя разрешать вопрос о степени вины подсудимого, не составив себе представления о чувствах, толкнувших его на совершение преступления.

¹ А. Я. Вышинский, Судебные речи, 1948 г., стр. 371.

² Там же, стр. 375.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ФОРМЫ ВИНЫ И ИХ ТЯЖЕСТЬ

Законодательство, судебная практика и наука уголовного права в эксплуататорских государствах занимаются вопросами вины много столетий. Практикой были в конечном итоге приняты и наукой уголовного права изучались только две формы вины, а в пределах каждой из них — только по два вида. При этом одна из форм умысла — эвентуальный — представляет собою продукт сравнительно недавнего времени — первой четверти XIX в.

Краткая характеристика форм умысла, бывших наиболее распространенными в феодальную эпоху и частью в новое время, свидетельствует в лучшем случае о схоластичности, оторванности от жизни, несущности для практики, о стремлении осложнить понимание вопроса для неспециалистов и тем самым еще более отдать их в руки специалистов-юристов. В ряде же случаев сложные конструкции различных форм умысла преследуют политическую задачу — узаконить господствующий в феодальных или буржуазных судах произвол и дать суду возможность формально обосновать приговоры, ничем общего с правосудием не имеющие и представляющие собою прямую расправу с подсудимыми-трудящимися. Это видно из анализа отдельных видов умысла.

1. У средневековых юристов было распространено деление умысла на *dolus antecedens*, *dolus consequens* и *dolus subsequens* (т. е. умысел, заранее обдуманый, внезапный и последующий). Практического значения это деление не имело, так как *dolus antecedens* и *dolus consequens* совпадают с другим делением, т. е. с делением на обдуманый и внезапный умысел, а третий вид (*dolus subsequens*) представляет собою бессмыслицу, ибо нельзя говорить об умисле, появившемся уже после совершения преступления. Имеющееся при этом последующее одобре-

ние, лицом, совершившим какое-либо действие без умысла, этого действия добывалось судом при помощи пыток и различных мер психического и физического принуждения.

2. *Dolus determinatus* и *dolus indeterminatus*. *Dolus determinatus*, определенный умысел, — это умысел, направленный на определенные, т. е. специально предвиденные виновным последствия. Разницу между этим видом умысла и так называемым *dolus directus*, т. е. прямым умыслом, установить трудно. Понятие *dolus indeterminatus* (неопределенный умысел) не было достаточно устойчивым и то приравнивалось к альтернативному умыслу (как это делал А. Фейербах), то объявлялось родовым понятием для *dolus alternativus* и *dolus eventualis* (Миттермайер и др.).

3. *Dolus generalis* — общий умысел. Он сыграл некоторую роль в практике.

4. *Dolus alternativus* — альтернативный умысел. Хотя и имел некоторое значение в практике, но часто смешивался с *dolus indeterminatus*, видом которого он объявлялся (Миттермайер); он признавался, когда субъект равно предвидел и желал каждого из нескольких возможных результатов своего действия.

5. *Dolus specialis*, т. е. умысел, сочетающийся с особой, специальной целью (например, с целью оскорбления короля при *crimen laesae majestatis*)¹. Для конструирования особого вида умысла в таких случаях нет никакой необходимости.

6. *Dolus praemediatus* (заранее обдуманый умысел) и *dolus impetus* (внезапный). Это деление сыграло некоторую роль в истории уголовного законодательства; в русском уголовном праве этому делению соответствовало деление на заранее обдуманный и внезапный умысел (см. ниже).

7. *Dolus directus* и *indirectus*, т. е. прямой и непрямой умысел. Определенную, глубоко реакционную роль сыграло введение в практику *dolus indirectus*, при котором субъекту вменялись в вину все последствия его деяния, в том числе и случайные. Этот вид умысла создал большую литературу и служил предметом многих кон-

¹ Примером *dolus specialis* может служить ст. 276 царского Уложения о наказаниях: «Если кто-либо, с умыслом и для оказания неуважения к правительству, раздерет, отбросит или вычеркнет или иным образом повредит или исказит указы и т. д.».

траверз у средневековых юристов. Он явился фактическим орудием объективного вменения.

Все эти деления умысла и другие, сыгравшие менее заметную роль главным образом в средневековой доктрине, но частично и в новое время, потеряли впоследствии всякое значение и в настоящее время представляют лишь исторический интерес (о редких попытках возрождения отдельных из приводимых выше видов умысла см. ниже).

Частично деления эти были предиазначены для обоснования политики объективного вменения (в особенности это относится к *dolus indirectus*), т. е. преследовали антинародные и реакционные задачи. В известной мере они явились выражением той схоластики и искусственного юридического конструирования, которые в течение многих веков отличали уголовно-правовую теорию в Западной Европе и помогали юристам эксплуатировать правовую неграмотность народа.

Однако многочисленные деления умысла были не только плодом юридической схоластики, игрой абстрактных конструкций. Давая всем этим делениям умысла политическую оценку, следует иметь в виду, что они еще более усиливали неопределенность феодального уголовного права, увеличивали судейский произвол, облегчали проведение судами классово-политики в интересах господствующих классов, а своей казуистичностью и схоластичностью запутывали простолюдина, ставившегося жертвой феодальной юстиции, и содействовали тому, что он попадал в полную зависимость от юристов. В системе классово-политики ловкое использование юристами многочисленных видов умысла играло немалую роль.

Деление форм вины на умысел и неосторожность, умысла — на прямой и эвентуальный, а неосторожности — на преступную небрежность и преступную самоуверенность подвергается в буржуазной юриспруденции, нередко еще до сих пор, сомнениям и критике.

Попытку отказаться от деления вины на умысел и неосторожность сделали еще в девяностых годах прошлого века австрийский криминалист Леффлер, чешский криминалист Мижичка и русский — Колоколов. Они предложили отказаться от эвентуального умысла и принятое двойственное (или, вернее, четверное) деление заменить тройственным: намеренность, заведомость и не-

осторожность. Так, Леффлер различает: 1) намерение (Absicht), при котором последствия волимы деятелем; 2) заведомость (Wissentlichkeit), при которой лицо предвидит последствия своего деяния, не желая, однако, их наступления; заведомость принимает при этом разные степени, зависящие от степени вероятности предвидения (уверенность, большая вероятность, вероятность, возможность, невероятность). В наиболее тяжелых случаях опасность заведомости может быть такой же, как и при намерении, но она может и поизвиться до нуля; таким образом, правильным было бы полагать, по мнению Леффлера, что заведомость представляет собою нечто среднее между намеренностью и неосторожностью; она может варьироваться от самой большой до самой ничтожной степени вины; 3) неосторожность¹.

Заведомость Леффлер предлагает разбить на три степени в зависимости от вероятности предвидения. В соответствии с этим он предлагает установить в законе три степени вины: первая охватит намеренность и наиболее тяжкие формы заведомости; вторая — средней формы заведомость (предвидение последствий как вероятных) и третья — легчайшие формы заведомости и всю неосторожность.

Предложения Мижички несколько отличаются от предложений Леффлера. Наиболее тяжелой формой вины Мижичка считает одну только намеренность (Absicht); заведомость — это средняя форма вины, так как лицо, действующее несмотря на заведомость для него наступления определенных последствий, совершает гораздо большее нарушение правового порядка, чем лицо, действующее с осознанной неосторожностью (т. е. преступной самонадеянностью). Третьей формой вины является неосознанная неосторожность (преступная небрежность). Таким образом, у Мижички исчезают из форм виновности эвентуальный умысел и осознанная неосторожность.

Колоколов предложил ввести новую форму вины, охватывающую те случаи, когда субъект сознает вероятность наступления преступных последствий и вместе с тем желает, чтобы какая-либо счастливая случайность предотвратила их наступление.

¹ Löffler, Die Schuldarten, 1895, S. 5—11.

Так, например, Колоколов считал, что такая форма вины существует во всех случаях, при которых криминалисты неосновательно утверждают о наличии у виновного безразличного отношения к предвидению преступных последствий (т. е. при эвентуальном умысле). Колоколов иллюстрирует свою мысль известным примером, когда А., с целью отомстить своему врагу, поджигает его дом, в верхнем этаже которого находится больной, разбитый параличом. А. сознает вероятность гибели больного. Он искренне желает, чтобы какое-либо неожиданное событие предотвратило его гибель. Но желание его не выполняется, и больной во время пожара погибает. Подобное отношение субъекта к последствиям Колоколов не находит возможным отнести к умыслу, так как если преступник не желает наступления преступных последствий, то приписывать ему умысел было бы, по меньшей мере, странным. У А. имеется самостоятельная форма вины, которая должна занять место между умыслом и преступной самонадеянностью¹.

Предложения Леффлера, Мижички и Колоколова отнюдь не означали сокращения числа форм вины. Если бы было принято предложение ввести в закон заведомость, то фактически дело закончилось бы тем, что на практике новую форму вины разложили бы на две группы случаев, из которых одни относились бы к умыслу, а другие — к неосторожности, и таким образом вернулись бы к господствующему в настоящее время положению. Вместе с тем возможность дифференциации различных форм вины в случае принятия предложений Леффлера, Мижички и Колоколова уменьшила бы число критериев для оценки поведения человека.

Но дело не столько в этих формально-догматических слабостях предложений Леффлера, Мижички и Колоколова. Дело в классово-политической природе этих предложений, типичных для реакционных криминалистов — идеологов империализма. Центральное место во всех этих предложениях занимает «заведомость», сконструированная столь неопределенно и отличающаяся такой неограниченной растяжимостью, что ею в руки буржуазного

¹ См. Г. Колоколов, Общая часть уголовного права, 1897 г., стр. 160—161.

суда была бы дана возможность в психике у любого подсудимого найти заведомость в одной из ее степеней.

Нетрудно усмотреть, какие огромные возможности произвола предоставлялись бы буржуазным судам в случае принятия предложений Леффлера и Мижички. При всей заманчивости для реакционной буржуазии этих предложений, они слишком откровенно расширяли возможность произвола буржуазного суда при установлении виновности подсудимого, чтобы господствующие классы решились ввести их в закон.

Совершенно с иных политических позиций, т. е. с точки зрения улучшения конструкции вины в советском социалистическом праве, было сделано в советской литературе предложение об отказе от эвентуального умысла и о введении в качестве новой формы вины — заведомости.

В советской литературе противником существующего деления вины на две формы (умысел и неосторожность) выступил М. Чельцов. Он считает, что деление это неудовлетворительно с практической точки зрения, так как оно схематизирует огромное разнообразие жизненных явлений и делает невозможным для суда установление грани между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью. Если случаи эвентуального умысла на практике очень редки, то зато часто встречаются такие случаи, которые характеризуются отсутствием у виновного желания наступления преступных последствий, но заведомостью возможности наступления таких последствий. Безразлично при этом, на что надеется преступник: на свою ли «удачу», на посторонние события или вовсе ни на что не надеется. Важно то, что он заведомо допускает наступление преступного результата. М. Чельцов считает, что при заведомости вина несравненно большая, чем при небрежности.

М. Чельцов предлагает поэтому вместо двух форм вины, т. е. эвентуального умысла и преступной самонадеянности, ввести одну — заведомость. Эвентуальный умысел не нужен, так как он искусствен, противоречив и нежизнен. Заведомость же, наоборот, отвечает потребностям жизни¹.

¹ См. М. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность», 1947 г., № 4, стр. 8—9.

Несмотря на то, что при всех предложениях М. Чельцова число отдельных форм и видов вины с четырех (умысел прямой, умысел эвентуальный, преступная самонадеянность, небрежность) сокращается до трех (умысел, заведомость, небрежность), фактически эти предложения вводят качественно новую форму вины — заведомость — и на место прежнего основного двухчленного деления (умысел, неосторожность) ставят трехчленное (умысел, заведомость, небрежность), т. е. практически не упрощают, а усложняют принятое в настоящее время деление вины на формы ее.

Важнейший довод М. Чельцова в пользу замены эвентуального умысла заведомостью, а именно утверждение о нежизненности эвентуального умысла, не подтверждается практикой советских органов юстиции. По наиболее опасным преступлениям, т. е. контрреволюционным, сохранение этой формы вины является безусловно необходимым. Об этом свидетельствует хотя бы обнаружившаяся вскоре после издания УК РСФСР 1922 г., который предусматривал только совершаемые с прямым умыслом контрреволюционные преступления, необходимость предусмотреть и контрреволюционные преступления, совершаемые с косвенным умыслом. Вполне жизненным и содействующим дифференциации степени вины показал себя эвентуальный умысел при рассмотрении дел об убийстве, телесных повреждениях и других преступлениях против личности, о нарушении трудовой дисциплины на транспорте (ст. 59^{3в} УК РСФСР) и по другим делам.

Нельзя признать правильным также указание на отсутствие четких граней между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью. Советская теория уголовного права и практика советских органов юстиции выработали достаточно четкие грани в этом отношении, и квалификация конкретных случаев не вызывает с этой точки зрения на практике каких-либо затруднений.

Таким образом, проверенное на практике советских органов юстиции и нашедшее подтверждение в советской теории уголовного права деление вины на умысел прямой, умысел эвентуальный, преступную самонадеянность и небрежность остается непоколебленным.

В советской юридической литературе господствующим является объединение в одну группу (умышленная вина) прямого умысла и умысла эвентуального и в другую, ей

противопоставляемую (неосторожная вина) — преступной самонадеянности и небрежности¹.

Это деление схематически изображается следующим образом:

I. Прямой умысел.	Предвидел последствия и желал их.
Эвентуальный умысел.	Предвидел последствия, не желал их, но согласился с их наступлением.
II. Преступная самонадеянность.	Предвидел последствия, но легкомысленно надеялся на их предотвращение.
Преступная небрежность.	Не предвидел последствий и не желал их, хотя должен был их предвидеть ² .

Прежде чем приступить к исследованию отдельных форм вины, необходимо остановиться на вопросе о сравнительной их тяжести.

В советской юридической литературе встречается взгляд, что умысел всегда представляет более тяжелую форму виновности, а неосторожность — менее тяжелую³ и что анализ различных видов психического отношения лиц к последствиям их действий, имевшим место при прямом или эвентуальном умысле, при преступной небрежности или преступной самонадеянности, приводит к выводу о наличии здесь различных степеней вины.

¹ В советской юридической литературе было сделано предложение считать третьей формой вины совершение преступления в состоянии опьянения (Е. Сосницкий, О преступлениях, совершенных в состоянии опьянения; «Еженедельник советской юстиции», 1928 г., № 5). Как указал А. Н. Трайнин, «подобная конструкция неверна теоретически и нецелесообразна практически» (А. Трайнин, Уголовное право. Общая часть, 1929 г., стр. 257).

² Учебник Общей части уголовного права ВЮОН (изд. 1948 г.) говорит о делении вины на ее формы — умысел и неосторожность (стр. 339). Такое же деление у А. Герцензона, Уголовное право, часть Общая, 1948 г., стр. 340.

³ В. Макашвили и Т. Церстели, О неосторожности по советскому уголовному праву, «Проблемы социалистического права», 1939 г., № 4—5, стр. 101. Также В. Меньшагин, К вопросу об определении наказания по советскому уголовному праву, Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, вып. 1, 1940 г., стр. 55, 57.

Авторы, стремящиеся установить сравнительную степень тяжести отдельных форм вины, исходят из субъективного критерия при оценке тяжести каждой из них. С точки зрения этого критерия необходимо признать, что преступная небрежность является наименее тяжелой формой вины, так как из всех видов вины при небрежности воля виновного наименее интенсивна.

Необходимо, однако, отметить, что сравнительная степень опасности небрежности как формы вины не есть нечто неизменное. Опыт показал, что в определенных условиях, в особенности в военной обстановке, может сильно вырасти и степень опасности преступной небрежности¹.

Сложнее обстоит вопрос о различии между степенями тяжести прямого и косвенного умысла, с одной стороны, косвенного умысла и преступной самонадеянности — с другой, и, наконец, прямого умысла и преступной самонадеянности — с третьей.

Традиционная мотивировка положения, исходящая из субъективного критерия, что прямой умысел более опасен, чем эвентуальный, обычно следующая: Иванов желает убить Петрова и убивает его. Иванов не только предвидел последствия своих действий и сознательно допускал их наступление, но он сознательно сделал все необходимое для того, чтобы общественно-опасные последствия его действий наступили. В отношении Иванова следует применить максимальные меры наказания, установленные за убийство.

В другом примере Иванов, желая получить страховую премию за застрахованное строение, поджигает его, зная, что в нем находится Петров, который может погибнуть в огне. Вина в этом случае проявлена в более урезанном виде, чем в первом, и хотя в обоих случаях предвидение последствий имело место, тем не менее качественно оба

¹ Так, во время Великой Отечественной войны А. Трайнин, В. Мельшагин и З. Вышинская в комментарии к Уголовному кодексу РСФСР—(2-е изд., 1944 г., стр. 14) писали: «В условиях Великой Отечественной войны необходимы повышенные требования осторожности и тщательности в работе всех органов власти и деятельности каждого гражданина. Необходимо учитывать, что разгильдяйство, полустительство, небрежность, невнимательность могут привести к последствиям, весьма вредным для обороны страны». Также М. М. Исасев в сборнике «Советское право в период Великой Отечественной войны», часть II, 1948 г., стр. 27 и сл.

случая отличаются друг от друга. В первом случае психическая направленность Иванова выразилась в прямом желании убийства Петрова. Именно на убийство, а не на что-либо иное была направлена воля Иванова. Во втором случае психическая направленность Иванова имела своей целью не убийство Петрова, а извлечение материальной выгоды; смерти же Петрова Иванов не хотел, а только ее допускал.

В советской юридической литературе появились совершенно основательные сомнения в правильности этой традиционной точки зрения на степень опасности косвенного умысла. В учебнике для юридических школ, изданном в 1940 г., была высказана мысль, что, по общему правилу, наличие прямого умысла характеризует большую опасность преступления, но что в ряде случаев наличие эвентуального умысла может свидетельствовать о большей степени виновности совершившего преступление¹. Авторы этого учебника не смогли доказать это положение. Некоторую аргументацию можно найти в более ранней работе, а именно в работе М. Исаева «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», появившейся в 1927 г. В этой работе М. М. Исаев писал: «Здравый смысл, а не какая-либо теория подскажет, что социальная опасность будет одинакова, если не больше, — когда убийца желал смерти своего ближнего, как и тогда, когда, имея намерение сжечь дом, он с полным равнодушием относился к тому, что там находятся люди, которые могут погибнуть»².

Как ниже подробно будет показано, при эвентуальном умысле интенсивность преступной воли может быть даже более сильной, чем при прямом умысле: сознание виновного, что он может добиться своей цели лишь путем совершения (неизбежного или вероятного) ненужного ему преступления, не в состоянии остановить его от совершения преступления. При эвентуальном умысле виновный сознательно приносит в жертву своим личным интересам часто неизмеримо более ценные интересы государства или других людей. Он готов на ненужное ему убийство или даже на не желаемое им причинение

¹ Советское уголовное право, Учебник для юридических школ 1940 г., стр. 53.

² М. М. Исаев, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1927 г., стр. 39.

ущерба внешней безопасности своей Родины для удовлетворения своих эгоистических интересов, хотя ни совершаемое убийство, ни причиняемый ущерб Родине ему сами по себе не нужны. Направленность его воли на совершение преступления столь сильна, что он соглашается на совершение даже ненужного ему тяжкого преступления, лишь бы совершить задуманное преступление или добиться наступления нежелательных или преступных, нужных ему последствий¹.

Нельзя, далее, утверждать, что умысел как прямой, так и эвентуальный во всех случаях представляет более тяжкую форму вины, чем преступная самонадеянность. В тех случаях, когда от поведения человека зависят важные государственные интересы, когда Родина требует от него не только нормальной осмотрительности, но и особого, глубокого обдумывания и изучения обстановки, учета всех обстоятельств дела и принятия обоснованных решений, — преступная самонадеянность может свидетельствовать о таком антиобщественном и опасном для государства отношении субъекта к своему долгу, которое при известных условиях может быть признано не менее тяжким, чем при прямом или эвентуальном умысле².

Таким образом, только преступная небрежность представляет, как правило, наименьшую опасность. В отношении же других видов вины установить какие-либо твердые правила в этом отношении невозможно. Можно лишь сказать, что в большинстве случаев умышленная вина свидетельствует о большей степени вины, чем преступная самонадеянность, хотя это правило в ряде случаев претерпевает исключение.

¹ См. у А. А. Пионтковского в учебнике «Уголовное право. Общая часть» (изд. 4-е, 1948 г.) о психическом отношении лица к преступному результату в форме эвентуального умысла: иногда оно может являться показателем его особенного эгоизма, пренебрежения и равнодушия к тем или иным защищаемым правом интересам (стр. 352).

² Правильно, с тем же в общем обоснованием, у В. Лифшица в статье «К вопросу о понятии эвентуального умысла», «Советское государство и право», 1947 г., № 7, стр. 43.

УМЫСЕЛ

В огромной количественно иностранной литературе по вопросам вины одно из первых мест занимает умысел — его определение, выяснение его содержания, спор о соотношении в нем элементов сознания и воли, дифференциация умысла с самых разнообразных точек зрения и т. д. Неизмеримо меньшее внимание уделяется неосторожности.

За редкими исключениями, иностранная литература, посвященная исследованию умысла, отличается теоретическим убожеством. За этим убожеством скрывается, однако, определенная политическая цель. За формальными, искусственно усложненными схоластическими конструкциями скрывается классовый характер трактовки умысла буржуазным законодательством и практикой буржуазных судов. При помощи формально-психологических определений маскируется использование института вины в политических интересах господствующих классов.

Этим задачам служит и формально-логический метод, которым руководствуются буржуазные ученые, пишущие об умысле. Этими задачами объясняется теоретическая бесплодность и антинаучность бесчисленных попыток установления различных оттенков умысленной вины и ничтожных споров по формальным и не имеющим никакого теоретического значения вопросам. Этими задачами объясняется и то, что буржуазные криминалисты не выработали никаких общих положений, а бесчисленные споры по поводу этих делений не привели ни к каким результатам.

Несмотря на полуторатысячную историю учения об умысле, — историю, которая начинается с древнего Рима, проходит через все средневековье и кончается немецкими криминалистами XIX и начала XX веков, — несмотря даже на более чем полуторатысячную историю законодательства об умысле, несмотря, наконец, на некоторые изменения,

которые претерпело определение умысла в буржуазной теории уголовного права и в буржуазном уголовном законодательстве, — прогресс в этом вопросе был крайне ничтожным как в теории, так и в уголовном законодательстве. Бесконечные схоластические споры по самым малозначащим деталям, бесчисленное повторение одних и тех же убогих идей скрывали скудость и бесплодность теоретической мысли средневековых и буржуазных юристов в этом важнейшем вопросе уголовного права.

Ученне об умысле, несмотря на свой полуторатысячелетний возраст, недалеко ушло в буржуазной юридической литературе от первых лет своего младенчества. В особенности это относится к последнему столетию. Можно смело утверждать, что буржуазная наука уголовного права XIX и начала XX в. в основном не ушла ни на шаг вперед от определений умысла, данных в § 54 учебника Фейербаха в самом начале XIX века¹.

Английская (а тем более американская) доктрина по вопросу об умысле стоит до сих пор на самой примитивной точке зрения. Английское уголовное право до сих пор не в состоянии выйти в этом вопросе за рамки средневекового понятия «mens rea», которое английский юрист Гаррис определяет как «некоторое виновное состояние духа» («Some guilty condition of mind»)², а редактор русского перевода книги английского юриста К. Кенни Б. С. Никифоров — словами «виновная воля»³.

В английском праве нет даже твердо признанного термина, равного по содержанию умыслу. Чаще всего употребляемое в этом смысле «malice» имеет и другое значение. Термин *criminal intention* также не соответствует в точности понятию умысла. Только крайне низким уров-

¹ В немецкой литературе отсутствует даже единая терминология, и термины *Vorsatz* и *Absicht* употребляются в самом различном смысле.

² Harris, *Principles and Practice of the Criminal Law*, 1934 г., p. 18. Хотя известный английский юрист Джекс в своей книге «Английское право» считает, что доктрина о «mens rea» оставила «определенные, но не очень существенные следы в современном уголовном праве» (русск. перев., 1947 г., стр. 138), но тем не менее все его дальнейшее изложение вопроса основывается на том же «mens rea» (стр. 139—141).

³ К. Кенни, *Основы уголовного права*, 1949 г., стр. 39, примечание.

нем английского права (тем более это относится к уголовному праву США) следует объяснить то обстоятельство, что Н. Полянский в его работе «Уголовное право и уголовный суд в Англии», в разделе, посвященном преступлению, вовсе не останавливается на вопросе о вине, об умысле и неосторожности по английскому уголовному праву.

Бедностью отличается в вопросе об умысле и французская наука уголовного права. Французские криминалисты довольствуются, говоря об умысле, главным образом ссылками на иностранных (итальянских и немецких) авторов. Их собственные рассуждения отличаются беспомощностью и неопределенностью, объясняемой в значительной степени отсутствием во французском уголовном кодексе определений умысла и неосторожности и необходимостью для французских криминалистов самим конструировать эти понятия.

Образцом схоластичности и бесплодности теоретических споров, происходивших по вопросу об умысле в буржуазной литературе, является спор двух теорий — волевой теории и теории представления. Сторонниками каждой из этих теорий были написаны десятки книг и сотни статей. Спор этот занял десятилетия. Итоги спора были поистине плачевны. Обе спорящие стороны вынуждены были в конце концов признать, что практически они пришли к одним и тем же выводам и что теоретическое различие между ними стерлось¹.

В то же время в буржуазной литературе до сих пор остался без сколько-нибудь углубленного исследования такой важнейший вопрос учения об умысле, как вопрос об элементах умысла, т. е. его интеллектуальном и волевом признаках (об эмоциях буржуазные ученые вообще не говорят).

Психологическая сторона рассуждений об умысле и неосторожности отличается свойственным буржуазным криминалистам объективизмом и формалистичностью. Буржуазные криминалисты, избегающие показывать подлинное лицо преступности и подлинного преступника, подменяют живое сознание и живую волю при умысле абстрактным сознанием и абстрактной волей. Они не могут в силу своих классово-политических задач признать, что

¹ См. данные по этому вопросу в учебнике *Общей части уголовного права* А. Н. Трайнина, 1929 г., стр. 265.

сознание и воля наполнены определенным классовым содержанием, что сознание и воля буржуа резко отличны от сознания и воли пролетария. Не поставили и не могли поставить по этим же причинам буржуазные криминалисты и вопроса о соотношении между индивидуальным сознанием и общественным сознанием.

Это может сделать только советская наука уголовного права.

§ 1. Морально-политическое (классовое) содержание умысла

Оценочная деятельность советского суда, рассматривающего определенный акт человеческого поведения, в котором нашло выражение преступное деяние, распространяется на все элементы состава преступления и в том числе на его субъективную сторону. В сферу оценки советского суда входят направленность умысла, способность нормального предвидения подсудимым последствий своих действий, интенсивность воли подсудимого, предвидение им последствий своих действий, пределы охватываемых сознанием подсудимого последствий деяния, его чувства (эмоции) и их роль в совершении преступления.

Воля, обнаруженная виновным, нуждается в оценке суда, поскольку она характеризует поведение подсудимого. Воля встает при этом перед судом прежде всего как элемент умысла. Изучение и познание умысла как одной из форм вины требует поэтому правильного марксистско-ленинского подхода к волевому акту. Но в отрицательной постановке («не желал») вопрос о воле (отсутствии воли) встает и при изучении остальных форм вины.

Марксистско-ленинская психология изучает волевой акт не как индивидуальное, взятое само по себе переживание, а как специфическое отношение, которое устанавливается в данном волевом акте между субъектом и окружающим его миром. Воля характеризуется, с одной стороны, отношением действия к окружающему миру, а с другой — отношением действия к личности, воля которой выразилась в действии.

Психологический процесс образования воли проходит определенные стадии. Он начинается отдельным импульсом и завершается реализацией воли в действии. Между

тем и другим лежит сознательный процесс, который опосредствует действие.

Возможны случаи, когда вслед за появлением импульса тотчас же возникает и реализуется в действии воля человека. Но, как правило, человек, прежде чем приступить к действию, учитывает разнообразные моменты, в том числе последствия того действия, на которые его толкает импульс. Желанию удовлетворить побуждение импульса могут противодействовать другие желания, одним мотивам и чувствам — другие мотивы и чувства. В психике человека происходит в таких случаях конфликт желаний, мотивов и чувств. Удовлетворению желания, например, желанию совершить преступление может противостоять чувство долга советского гражданина, чувству ненависти к врагу — страх перед наказанием.

Примером может служить конфликт мотивов в психике человека при эвентуальном умысле, когда достижение человеком желаемых им результатов возможно лишь при условии наступления нежелаемых последствий, т. е. когда желанию совершить преступление противостоит нежелание вероятного или неизбежного наступления нежелаемых последствий.

Конфликт между различными, противостоящими друг другу желаниями, мотивами, чувствами должен закончиться решением. Волевое действие — это избирательный акт, в котором выполнению предшествует решение.

Для обоснования уголовной ответственности, т. е. для отрицательной общественной оценки поведения подсудимого, имеет значение то обстоятельство, что необходимым условием выполнения решения является возможность его регулирования, сознательного контроля, овладения лицом своим поведением.

Положительная или отрицательная общественная оценка волевого акта и волевого действия возможна еще и по другой причине. Волевой акт независим от непосредственно возникших импульсов. Он свободен не потому, что действия субъекта вообще не детерминированы. Волевое действие детерминировано, но его детерминированность опосредствована через сознание субъекта, имеет избирательный характер.

В образовании умысла на совершение преступления необходимо различать те же психологические процессы,

что и при образовании любого решения: появление у виновного определенной цели, сознание возможности ее достижения при помощи общественно-опасного или противоправного действия (предвидение последствий своих действий), учет возможных последствий своего действия, решение, несмотря на противодействующие соображения и желания совершить задуманное преступление.

Все эти психологические процессы — главным образом процессы сознания, с одной стороны, и воли — с другой. Но известную роль в них играют и чувства (эмоции). Сознание и воля — таковы элементы, которые советский закон считает обязательными при умысле. О роли чувств (эмоций) в процессе образования волевого акта закон не говорит. Исследовать эту роль — задача советской теории уголовного права.

Буржуазные юристы не смогли при анализе умысла пойти дальше механического сочетания сознания и воли как элементов умысла.

Единство сознания и воли в содержании вины было установлено только советскими криминалистами. Только советская теория уголовного права в определениях вины и ее форм, в психологическом и юридическом анализе вины последовательно проводит мысль об единстве и связи сознания и воли в психическом процессе образования и реализации умысла.

Дальнейшим шагом советской науки уголовного права должно быть такое построение понятий умысла, которое исходило бы из положения об единстве у советских людей индивидуального сознания с общественным сознанием и показало бы, что сознаниеумышленно действующего преступника вступает в конфликт с общественным сознанием, что классово-политическое содержание умысла в силу этого придает составу преступления его общественно-опасный характер. Иной подход к раскрытию классово-политического характера умысла (и неосторожности) являлся в прошлом в значительной мере результатом влияния буржуазных уголовно-правовых теорий вины и буржуазной психологической науки, а также результатом игнорирования советской психологии.

Задачей советской теории уголовного права является поэтому освобождение от формально-психологических определений умысла и неосторожности и максимально

полное использование достигшей советской психологии при анализе умысла в советском уголовном праве.

Советское уголовное право выработало свое собственное понятие умысла. Оно дало окончательную, четкую и ясную формулировку умысла, не нуждающуюся ни в каких дополнениях и изменениях, уже в ст. 6 «Основных начал» 1924 г. — формулировку, воспроизведенную в ст. 10 УК РСФСР ред. 1926 г.

Согласно этой формулировке три основных признака характеризуют умысел в советском уголовном праве: а) предвидение виновным последствий своих действий; б) общественно-опасный характер предвиденных последствий и в) желание наступления общественно-опасных последствий (при прямом умысле) или решимость совершить преступление, несмотря на отсутствие такого желания (при эвентуальном умысле).

Эти характерные для умысла в советском уголовном праве признаки дают возможность раскрыть материальную, классово-политическую природу умысла в советском уголовном праве, дать ему морально-политическую оценку, показать его особую природу как института советского социалистического уголовного права, выяснить его отличие от умысла в буржуазном уголовном праве.

Трудящиеся, совершающие умышленные преступления в буржуазном государстве (в особенности так называемые политические преступления, преступления против порядка управления, преступления против частной собственности и др.), свою волю противопоставляют воле враждебного им господствующего класса. Они предвидят наступление последствий, как правило, вредных и опасных для враждебного им класса.

Уголовно-правовой упрек, который делается буржуазным государством и его уголовным правом трудящемуся, совершившему умышленное преступление, — это упрек в сознательном нарушении им буржуазного уголовного закона, в сознательном причинении им вреда интересам, охраняемым буржуазным государством. Это упрек, который не разделяется ни самим подсудимым, ни другими трудящимися.

Совершенно иное морально-политическое содержание имеет умысел в советском уголовном праве, и совершенно иной характер носит уголовно-правовой упрек, делаемый

умышленно действовавшему трудящемуся в советском уголовном праве.

Трудящийся, совершающий в социалистическом государстве умышленное преступление, действует вопреки законам своего государства и причиняет ущерб своему государству или защищаемым им интересам. Свою индивидуальную волю он противопоставляет воле своего класса, свои интересы — интересам своего класса. Уголовно-правовой упрек, делаемый ему Советским государством, — это упрек со стороны своего же класса.

Противопоставление виновным своих интересов и своей воли воле и интересам социалистического государства и составляет политическую характеристику умысла, его морально-политическую оценку.

Отрицательная политическая характеристика умысла должна найти свое выражение и в его юридическом определении. Советский закон дает для такой характеристики основания и обязывает к ней. Ст. 6 «Основных начал», говоря о предвидении (сознании) умышленно действующим не вообще последствий, а общественно-опасных последствий его деяния и о направлении его воли на наступление именно таких, т. е. общественно-опасных последствий, тем самым обязывает советскую теорию уголовного права отразить при теоретической разработке умысла эту классово-политическую особенность предвидения последствий при умысле. Так как общественно-опасные последствия — это последствия, опасные для социалистического государства и охраняемых им интересов, то умысел по советскому уголовному праву — это сознательное направление виновным своей воли на совершение действий и на наступление последствий, вредных для социалистического государства и для охраняемых им интересов.

В отношении так называемых формальных преступлений, характеризующихся опасностью самого действия (или бездействия), совершенного виновным, независимо от последствий действия, — определение умысла в советском уголовном праве принимает следующую форму: умысел — это сознательное направление виновным своей воли на совершение действий, опасных или вредных для социалистического государства и для охраняемых им интересов.

На базе марксистско-ленинской психологии следует проанализировать с этой точки зрения интеллектуальный и волевой элементы умысла¹.

§ 2. Сознание как элемент умысла

Марксистско-ленинское учение о вине исходит из положения о связи воли и сознания. Связь воли и сознания, действия и мысли была выражена Лениным в его словах: «По каким признакам судить нам о реальных «помыслах и чувствах» реальных личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: действия этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще общественные действия личностей, т. е. социальные факты»².

Установленное классиками марксизма-ленинизма положение о связи воли и сознания в психике человека легло в основу советской психологии. Б. Теплов пишет о том, как глубока связь воли с мышлением. «Волевое действие — это действие обдуманное. Раньше чем заставить себя поступать так, как нужно, человек должен понять, осознать, продумать, как же нужно поступать в данном случае. Раньше чем преодолевать внешние препятствия, стоящие на пути к цели, надо найти наилучшие пути и средства для этого, надо обдумать замысел действия и составить план его»³.

Связь воли и сознания находит свое выражение в содержании умысла. Советское уголовное законодательство и советская наука уголовного права твердо кладут в основу учения об умисле сочетание в нем волевого и интеллектуального моментов. Уже Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст. 11 признавал действовавшими умышленно лиц, которые «предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их

¹ Хотя умисел содержит наряду с интеллектуальным и волевым элементами также и элемент чувства, этот последний элемент в настоящей работе не исследуется (это относится и к анализу неосторожности). Исследование этого элемента требует самостоятельной работы.

² Ленин, Соч., т. I, стр. 279—280.

³ Б. Теплов, Психология, 1946 г., стр. 171.

наступление». Это положение перешло в ст. 6 «Основных начал» 1924 г. и, следовательно, в уголовные кодексы союзных республик (ст. 10 УК РСФСР, ст. 11 УК УССР, ст. 9 УК БССР, ст. 10 УК Азербайджанской ССР, ст. 9 УК Грузинской ССР, ст. 10 УК Армянской ССР, ст. 9 УК Туркменской ССР, ст. 9 УК Таджикской ССР).

Положение о связи при умысле воли и сознания, как выше уже отмечалось, можно считать господствующим в советской науке уголовного права¹. Точно так же сознание (предвидение) всегда рассматривается и судебной практикой как один из элементов умысла. Пленум Верховного суда СССР указал в постановлении от 15 апреля 1943 г. по делу Шленчика: «Высказывания против советской власти, если они сознательно допущены лицом, находящимся во вменяемом состоянии, сами по себе являются достаточными для признания виновности по ст. 58¹⁰ УК»². По другому делу в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 6 января 1944 г. говорилось: «В деле нет данных, свидетельствующих о том, чтобы несовершеннолетняя Цыбина была осведомлена о секретности разглашенных ею сведений... при этих условиях действия Цыбиной и в этой части не могут рассматриваться как уголовно-наказуемые»³.

Говоря об интеллектуальном моменте в содержании умысла, советские криминалисты обычно пользуются термином «предвидение». Иногда в качестве равнозначющего понятия они прибегают к термину «сознание». Так, например, учебник Общей части уголовного права ВИОН говорит о «предвидении (сознании)»⁴, о необходимости «предвидеть (сознавать)»⁵ или только о «предвидении»⁶.

¹ А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 266. А. А. Понятковский, Советское уголовное право, том первый. Общая часть, 1929 г., стр. 239. Советское уголовное право, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 23. Уголовное право, учебник для юридических школ, 1947 г., стр. 81—82. А. Герцеи-зон, стр. 331. Уголовное право. Общая часть, 1948, стр. 339.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. V, стр. 4.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. III (IX), стр. 6.

⁴ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 339.

⁵ Там же, стр. 340.

⁶ Там же, стр. 339.

Проф. А. Трайнин говорит о «предвидении», но иногда заменяет «предвидение» термином «знание»¹.

Сведение интеллектуального процесса, входящего в содержание умысла, к одному только «предвидению» или к понимаемому в том же смысле «сознанию» упрощает этот психический процесс и лишает возможности психологически дифференцировать его и тем самым уточнить юридический анализ умысла. Это упрощение усугубляется еще и тем, что большинство авторов ограничивают психическое отношение субъекта при умысле только последствиями деяния, отношение же к самому деянию совершенно упускают из виду².

«Предвидение» является психическим переживанием, относящимся к будущему. Предвидеть настоящее нельзя. Между тем для выполнения состава умысленного преступления одного предвидения будущих событий (последствий совершаемого) недостаточно. Для наличия умысла требуется также, чтобы субъект знал (сознавал) ряд обстоятельств, лежащих в настоящем. Вор, похищающий чужое имущество, не только предвидит переход этого имущества в свою собственность — в будущем, но и знает (сознает), что оно является собственностью другого лица — в настоящем. Сознание, что похищаемое имущество является собственностью не другого лица, а самого виновного, изменяет содержание умысла, и умысел перестает быть умыслом на совершение кражи. Виновный знает (сознает) и ряд других обстоятельств, сопровождающих совершаемое им преступление и делающих возможным совершение этого преступления (что чужое имущество находится в сарае, что сарай заперт на замок, что сарай ночью не охраняется и т. д.). Если, таким образом, при так называемых материальных преступлениях для наличия умысла недостаточно одного предвидения наступления в будущем определенных последствий, то при формальных преступлениях у виновного вообще может

¹ А. Трайнин, Учение о составе преступления, 1946 г., стр. 135—136.

² Исключение составляют М. Шаргородский, говорящий о сознании субъектом «того, что он делает, и того, каковы будут последствия его деяния». — М. Шаргородский. Вины и наказание в советском уголовном праве, 1945 г., стр. 6; а также А. Герцензон, который дифференцированно говорит о «сознании основных элементов состава совершаемого преступления» и «предвидении последствий» (Учебник, стр. 353).

не быть предвидения последствий его деяния. Сознание виновного в умышленном преступлении охватывает в таких случаях только совершаемое.

Таким образом, психический процесс при умысле складывается из знания (сознания) виновным относящихся к задуманному им деянию обстоятельств и фактов (и правовых норм) в настоящем времени и из предвидения последствий своего деяния — в будущем.

Необходимость сознания виновным в совершении умышленного преступления обстоятельств, относящихся к совершаемому им, и требование наличия у него представления (предвидения) о последствиях деяния и послужили поводом для появления в буржуазном уголовном праве так называемой «теории представления»¹. Теория эта не заслуживала бы сколько-нибудь подробного упоминания, если бы она не была одним из ярких образцов схоластического конструирования, за которым, однако, скрывается определенная политическая цель, преследовавшаяся представителями этой теории.

Теория эта сводит все содержание умысла к представлению виновным желаемого (волимого) им поведения и обстоятельств, при которых он действует, с одной стороны, и к представлению о последствиях, которые должны наступить в результате действий виновного, — с другой. Некоторые сторонники теории представления присовокупляли к указанным требованиям еще и требование при преступных действиях (*delicta commissionis*) представления о причинной связи между поведением виновного и наступлением результата, а при преступном бездействии (*delicta omissionis*) — представления о том, что виновный не препятствует наступлению преступных последствий (мать сознает, что ребенок, если его не кормить, погибнет, но она этому не противодействует, т. е. не кормит его).

Было бы неверным полагать, что сторонники теории представления не отводят в содержании умысла никакого места воле, точно так же, как неправильно было бы полагать, что сторонники волевой теории не оставляют никакого места для представления виновного о действии и его последствиях. Лист, сторонник теории представле-

¹ Из русских криминалистов, вообще оставшихся в стороне от спора теорий представления и волевой теории, сторонником теории представления был Н. Сергиевский, Русское уголовное право, 1915 г., стр. 267.

ния, писал: «Одни только представления не обосновывают правового упрека в виновности. Такой упрек возникает лишь потому, что деятель, несмотря на сознание им обстоятельств дела, действовал, что к этому его сознанию присоединялась воля, направленная на действие»¹. Но сторонники теории представления, извращая действительность, отрицали наличие у виновного воли, направленной на наступление результата. По их мнению, виновный желает (волит) действовать или бездействовать. Его воля ограничивается совершением действия или бездействия. Что касается результата действия или бездействия, то субъект не волит его, а только предвидит его².

В отрицании у виновного воли на наступление последствий и заключалась порочность теории представления. Ограничивать направление воли только действием и отрицать у виновного желание (воление) наступления результатов — это значит при ряде деликтов извращать психическую природу поведения человека. Можно ли серьезно говорить о том, что вор желал только запустить руку в чужой карман и переложить кошелек из чужого кармана в свой и не хотел, чтобы кошелек перешел в его, вора, собственность, т. е. что вор только предвидел такой переход?

Кроме того, если бы законодательство восприняло теорию представления, то это сильно расширило бы область умышленных преступлений за счет преступлений неосторожных. В самом деле, если для наличия умысла считать необходимым только предвидение последствий деяния и не требовать желания их наступления, то многие действия, относимые в настоящее время к совершаемым с преступной самонадеянностью, оказались бы действиями умышленными. Точно так же, как это было и с волевой теорией, теория представления оказалась не в состоянии разрешить проблему эвентуального умысла, ибо если для умысла не обязательно желание (воление) наступления последствий, то исчезает различие между умыслом прямым и эвентуальным, характеризуемым именно отсут-

¹ Liszt, Lehrbuch, S. 244.

² См. обстоятельное изложение теории представления в учебнике С. Познышева «Основные начала науки уголовного права», 1912 г., стр. 273—278; критика этой теории у А. Н. Трайнина, Уголовное право. Часть общая, 1929 г., стр. 265.

ствием у виновного желания наступления последствий деяния.

Таким образом, нет никаких оснований для сведения всего содержания умысла к интеллектуальному моменту, как это предлагали сторонники теории представления. Эта теория не только ничего не дала для развития учения о вине, умысле и неосторожности, но и явно извращает подлинное содержание умысла. Она является образчиком бесплодного формально-догматического метода буржуазной юриспруденции, стремящейся при помощи формально-юридических конструкций расширить сферу действий, признаваемых умышленными, ограничивая требования, предъявляемые к умыслу, одним только предвидением последствий и не требуя сочетания в умысле и интеллектуального и волевого момента. В этом и заключается политическая роль теории представления.

Советская теория считает сознание (включая предвидение последствий) существеннейшим, но не единственным элементом умысла. Но недостаточно ограничиться одной только констатацией этого положения. Сознание как элемент умысла — это явление сложное. В сознание при умысле входят следующие психологические процессы: 1) сознание виновным совершаемых им действий; 2) сознание виновным противоправности совершаемых им действий и 3) предвидение виновным последствий совершаемых им действий. Каждый из этих психических процессов требует анализа.

А. Сознание виновным совершаемых им действий

Судебная практика часто встречается со ссылками подсудимого на то, что он не знал тех или других фактических обстоятельств, относящихся к содеянному им, и с утверждением, на основании такого незнания, об отсутствии в его действиях умышленной вины, или с требованием переквалификации на этом же основании инкриминируемого подсудимому действия. Так как фактические обстоятельства, из которых складывается преступление или которые сопутствуют преступлению (обстановка, условия), часто крайне многочисленны и разнообразны и так как большинство из них не имеет существенного значения для решения вопроса о виновности и для квалифика-

ции преступления, то судебная практика постоянно становится с необходимостью иметь твердые отправные линии по вопросу об объеме фактических обстоятельств, которые должны охватываться сознанием подсудимого при вменении ему в вину умышленного действия.

Верховный суд СССР в ряде постановлений Пленума и определений Судебной коллегии по уголовным делам дал принципиальные указания, делающие возможным определение круга тех фактических обстоятельств, относящихся к содеянному подсудимым, обвиняемым в совершении умышленного преступления, которые обязательно должны входить в его сознание для того, чтобы совершенное им могло быть вменено ему в умышленную вину.

Кореев был осужден по п. «г» ст. 162 УК РСФСР (кража из государственных и общественных хранилищ) за похищение 10 кг соленой капусты. По делу было установлено, что в погребе Лидовой, откуда была похищена Кореевым капуста, находилась капуста, принадлежащая как лично члену колхоза Лидовой, так и колхозу. По делу не видно было при этом, знал ли Кореев в момент хищения, что он взял капусту, принадлежащую не колхознице Лидовой, а колхозу. В связи с этим в определении Судебной коллегии по уголовным делам от 1 апреля 1944 г. говорится: «Можно ли данную кражу квалифицировать как кражу общественного имущества, поскольку она совершена не из общественного склада, а из помещения, принадлежащего лично члену колхоза? Как кражу общественной собственности при этом условии ее можно квалифицировать только в том случае, если Кореев, совершивший ее, знал, что похищаемая им капуста принадлежит колхозу»¹.

Как видно, решение вопроса о квалификации совершенной Кореевым кражи как хищения общественной собственности Верховный суд СССР поставил в зависимость от того, знал ли подсудимый, что он похищает не личную, а социалистическую собственность.

По другому делу Котиков был осужден по ст. 182 УК РСФСР за незаконное хранение оружия. В постановлении по делу Котикова Пленум Верховного суда СССР 16 марта 1945 г. указал: «По смыслу ст. 182 УК РСФСР

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. 1 (XI), стр. 5.

за незаконное хранение или ношение указанного в этой статье оружия отвечает не только собственник этого оружия, но и всякое иное лицо, которое хранит или носит оружие без надлежащего разрешения, если оно действует умышленно, т. е. если оно сознает, что оно не имеет права хранить или носить оружие»¹.

И в данном деле вопрос шел о сознании подсудимым во время совершения им преступления одного из существенных признаков незаконного хранения оружия. В зависимости от наличия или отсутствия такого сознания и должен быть решен вопрос о виновности подсудимого в совершении им умышленного преступления.

Точно так же был поставлен Судебной коллегией Верховного суда СССР вопрос по делу Денекиса, осужденного по статье 128-а УК Узбекской ССР (уклонение от военного учета). В определении по этому делу от 24 июня 1944 г. Судебная коллегия установила: «Осужденный Денекис виновным себя в уклонении от военного учета не признал и показал, что он в ноябре 1942 г. по эвакуации приехал в г. Фергану и устроился на работу на маслозавод в качестве экспедитора, где проработал до момента ареста. Устроившись на работу на маслозавод, Денекис тут же передал свои документы коменданту общежития Жабрицкой с просьбой оформить паспорт на прописку, а военный билет — на военный учет; на другой день Жабрицкая вернула ему эти документы, и он, будучи убежден в том, что его документы оформлены, сам свои документы не проверил». Судебная коллегия признала, что при таких обстоятельствах у суда не было достаточных оснований признать Денекиса виновным, и дело направила на новое рассмотрение со стадии судебного следствия². Таким образом, вопрос о виновности Денекиса должен был быть разрешен судом в зависимости от

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. III, стр. 6. Так же поставила вопрос в связи с квалификацией действий подсудимого по п. «г» ст. 162 УК РСФСР Судебная коллегия Верховного суда СССР в определении от 15 февраля 1947 г. по делу Крайнова. — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. IV, стр. 19.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. VII (XIII), стр. 17. См. аналогичные определения в «Судебной практике Верховного суда СССР», 1944 г., вып. IV (X), стр. 18 по делу Загайчновой и др.; 1945 г., вып. V, стр. 15, по делу Кузнецова и др.

Наличия или отсутствия у него сознания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 128-а УК Узбекской ССР, т. е. от наличия или отсутствия сознания оформления его военных документов свидетельницей Жабрицкой.

В полном соответствии с судебной практикой находится и точка зрения, высказываемая по данному вопросу советскими криминалистами. Еще в 1924 г. в Практическом Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР ясно и четко было высказано положение, что «Сознание совершаемого предполагает сознание наличности всех тех обстоятельств, которые являются элементами состава данного преступления, например, виновный в краже должен сознавать, что похищаемая вещь ему не принадлежит, что он действует тайно, т. е. что другие не видят то, что он совершает, и т. д.»¹. На этой же точке зрения стоят и последние работы советских криминалистов, которые формулируют эту же мысль, хотя и указывают не на сознание наличия обстоятельств, являющихся элементами состава данного преступления (что было бы точнее), а на предвидение этих обстоятельств² (что является не вполне точным).

Сознание виновного при умысле должно охватывать не только объективную сторону состава совершаемого им преступления, но и другие элементы состава данного преступления, в частности и характер объекта преступления. Поэтому неправильным следует признать утверждение авторов учебника «Советское уголовное право» для юридических школ (изд. 1940 г.), которые говорили не о предвидении виновным признаков состава данного преступления, а о предвидении только объективной стороны состава преступления³. Сознание должно охватывать и объект преступления, т. е. те признаки объекта преступления, которые входят в состав данного преступления. Лучшим

¹ Практический Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР под ред. М. Гернета и А. Трайнина, 1924 г., стр. 25.

² А. Трайнин, Учение о составе преступления, 1946 г., стр. 138. Также о предвидении в данном смысле говорят и А. Понтоковский в учебнике «Советское уголовное право. Часть общая», 1929 г., стр. 239, 240; В. Макашвили и Т. Церетели в статье «О неосторожности по советскому уголовному праву». «Проблемы социалистического права», 1939 г., № 4—5, стр. 101 и др.

³ Советское уголовное право, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 53—54.

Примером этого является приведенное выше определение Верховного суда СССР по делу Кореева, в котором указывалось, что отсутствие сознания того, что похищаемое имущество является социалистической собственностью, лишает возможности квалифицировать кражу как хищение социалистической собственности.

Нельзя согласиться и с А. Трайниным, который говорит о предвидении виновным в умышленном преступлении только фактических признаков последствия, которые образуют с точки зрения закона конкретный состав умышленного преступления¹. Если А. Трайнин под предвидением понимает сознание совершаемого, то следовало говорить о сознании не только «фактических признаков последствия», но о сознании элементов состава преступления вообще, в целом. Если же А. Трайнин действительно имеет в виду только предвидение последствий деяния, то у него вовсе выпадает сознание виновным совершаемого им, выпадает и сознание виновным существенных признаков, относящихся к объекту преступления.

Наиболее правильным представляется, таким образом, говорить о сознании виновным в совершении умышленного преступления всех обстоятельств, являющихся элементами состава данного преступления.

Как было выше установлено, сознание умышленно действующим совершаемого охватывает обстоятельства, относящиеся к разным элементам состава данного преступления, следовательно, и объективную сторону.

В связи с этим встает вопрос о сознании умышленно действующим причинной связи между совершаемыми им действиями и предвиденными им последствиями. Так как согласно общепринятому в советской уголовно-правовой теории мнению в объективную сторону входит и причинная связь между действиями субъекта и теми последствиями его деяния, которые он предвидел, то следует прийти к выводу, что сознание виновного должно при умысле охватывать и эту связь. Тем не менее в советской юридической литературе встречаются предложения — специально предусмотреть в формуле умысла обязательное сознание субъектом причинной связи между его действиями и их последствиями. Так, А. Трайнин утверждает, что формула умысла должна быть пополнена указанием

¹ А. Трайнин, Учение о составе преступления, 1946 г., стр. 138.

на знание (и желание) причинной связи действий субъекта и их последствий¹. На этой же точке зрения стоит и А. Герцензон².

Вопрос о необходимости сознания виновным в совершении умышленного преступления причинной связи бесспорен, но он представляется ясным и без такой оговорки. Сознание причинной связи охватывает при этом сознание субъектом, что его действия приведут к определенным желаемым им последствиям. Он может не сознавать еще, как именно будет фактически развиваться причинная связь, но он знает, что желаемые им последствия будут находиться в причинной связи с его действиями. Субъект может еще не знать, какой способ действий он выберет для достижения тех последствий, которых он добивается при помощи преступления (совершит ли он убийство, выстрелив из имеющегося при нем револьвера, или ударив жертву имеющимся при нем кинжалом, или, наконец, задушив ее), но он знает, что в результате его действий подсудимый умрет, т. е. что между его действиями и смертью потерпевшего будет иметься причинная связь.

От такого сознания причинной связи между действиями виновного и последствиями этих действий надо отличать предвидение виновным фактического хода развития причинной связи.

А., избрав способом лишения жизни Б. убийство из револьвера, предвидит, что пуля попадет в сердце Б. и что в результате Б. погибнет. Совершая вымогательство, А. предвидит, что потерпевший явится в обусловленное место и положит под указанный камень пакет с деньгами. Однако вполне возможно, что причинная связь будет развиваться не так, как это предвидел виновный. Может случиться, что пуля попадет не в сердце, а в глаз потерпевшего, что жертва вымогательства не положит деньги под камень, а доставит деньги вымогателю домой. В связи с этим и встает вопрос, необходимо ли для наличия умысла точное предвидение развития причинной связи (например, что пуля попадет именно в сердце) или же достаточно, чтобы ход развития причинной связи предвиделся только в общих чертах (пуля попадет в жертву и причинит

¹ А. Трайнин, Учение о составе преступления, 1946 г., ст. 140.

² А. Герцензон, Уголовное право, Часть Общая, 1948 г., стр. 333: «Сознание причинной связи между деянием и его последствиями».

смерть). На этот вопрос в советской уголовно-правовой литературе дается вполне правильный ответ, что при умысле не требуется точного предвидения виновным развития причинной связи, а достаточно предвидения ее в общих чертах.

О предвидении виновным причинной связи не может быть речи при формальных преступлениях, при которых не требуется для наличия состава преступления наступления каких-либо последствий, не требуется, следовательно, и предвидения виновным фактического хода развития причинной связи.

Принципиальное отличие учения о вине в советской науке уголовного права от учения о вине в буржуазной науке находит свое выражение и в отношении к делению умысла на заранее обдуманый и внезапный.

В буржуазной науке уголовного права и в буржуазном законодательстве нередко формы умысла дифференцируются с точки зрения времени и характера появления у виновного умысла.

Русское дореволюционное уголовное законодательство и уголовное законодательство некоторых иностранных государств различали умысел, обдуманый заранее (*dolus praemediatus*, *praemeditatio*, *Ueberlegung*), внезапный умысел (*dolus repentinus*) и аффектированный умысел (*dolus impetus*).

Под умыслом, обдуманым заранее (предумышленным), подразумевались те случаи умысла, когда виновный, придя к решению совершить определенное преступление, заранее в течение более или менее продолжительного времени обдумал все наиболее важные моменты намеченного преступления, составил план и т. д.¹

Умысел внезапный, наоборот, имелся в виду в тех случаях, когда решимость виновного совершить преступление приводится в исполнение немедленно же после возникновения у него этой решимости и виновный не имеет возможности обдумать свое решение.

¹ См. Н. Таганцев, Русское уголовное право, 1902 г., т. I, стр. 604—607; А. Ф. Кистяковский, Элементарный учебник общего уголовного права, 1882 г., стр. 373; В. Спасович, Учебник уголовного права, 1863 г., стр. 159—160; Колоколов, Общая часть уголовного права, составленная студентами по лекциям, 1897 г., стр. 156—157; С. Познышев, Основные начала науки уголовного права, 1912 г., стр. 284.

Деление умысла на заранее обдуманый и внезапный предусматривало русское Уложение о наказаниях исправительных 1845 г. Его сохранило и Уложение о наказаниях исправительных 1885 г.¹

Такое деление не может быть принято советским уголовным законодательством. Если по обстоятельствам дела доказано предварительное намерение подсудимого совершить преступление, то это может быть учтено судом при определении наказания².

Советская теория не видит основания для конструирования и аффектированного умысла как особого вида умысла. Вопрос об особенностях умысла в этом случае чрезвычайно просто разрешается в диспозициях двух статей Особенной части советских уголовных кодексов. Умысел в этих двух статьях — это тот же умысел, что и в других случаях умысла, но лишь обладающий некоторыми добавочными, характеризующими его обстоятельствами (ст.ст. 138, 144 УК РСФСР).

Внезапно возникшее сильное душевное волнение, о котором говорят ст.ст. 138 и 144 УК РСФСР, вызывает у потерпевшего от насилия или тяжелого оскорбления внезапное же решение совершить убийство или причинить тяжкое телесное повреждение. Это решение тотчас же приводится в исполнение.

Б. Предвидение виновным последствий предстоящего деяния

Психологический процесс, происходящий в психике виновного при умысле, не ограничивается, как мы видели, сознанием совершаемого. Его мысль, естественно, обращается к тем последствиям, которые должны наступить в результате его поведения. Его отношение к этим последствиям может быть различным. Он может желать их, видеть в них цель своего преступного поведения (при прямом умысле), может не желать их и даже резко отрицательно к ним относиться (при эвентуальном умысле), но не предвидеть их при умысле, не представлять их себе в той или иной форме он не может.

¹ Французское и немецкое уголовное законодательства различают убийство, заранее обдуманное (Assasinat, Mord), и убийство внезапное (Meutre, Totschlag).

² См. А. Трайнин, Уголовное право, Часть Общая, 1929 г., стр. 267.

Если бы виновный не предвидел этих последствий, то отпал бы существеннейший элемент умысла, исключалась бы самая возможность говорить об умысле, а в некоторых случаях (когда подсудимый не должен был и не мог предвидеть эти последствия) отпала бы и его уголовная ответственность за наступление этих последствий. В этом смысле и следует понимать указание ст. 10 УК РСФСР на то, что действовавшие умышленно «предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий».

Судебная практика в СССР неизменно проводит в жизнь положение, что никто не может отвечать за причиненные последствия, если он не должен был и не мог их предвидеть. Так, например, Песнячевская была осуждена за халатность. В результате халатности у нее оказалась недостача 23 продуктовых карточек, которые по ее объяснению могли быть похищены из шкафа, к которому подходили другие ключи. Судебная коллегия в определении от 2 декабря 1942 г. указала: «По делу не установлено, что Песнячевская предвидела последствия своих действий, запирая карточки в железный шкаф. Она не могла и не должна была их предвидеть, так как установка шкафа в ее обязанности не входила. Она пользовалась им по указанию администрации и не могла предвидеть непригодности этого шкафа, к которому подходили посторонние ключи. При указанных обстоятельствах в действиях Песнячевской нельзя усматривать состава уголовного преступления». Верховный суд СССР дело Песнячевской прекратил¹.

По другому делу, где речь также шла о недостаче карточек, Пленум Верховного суда СССР указал в постановлении от 25 февраля 1942 г.: «Несвоевременная сдача карточек была вызвана уважительными обстоятельствами и не может быть поставлена Савчук в вину, тем более, что она не могла предвидеть возможных последствий, поскольку она хранила карточки в тех же условиях, которые, помимо нее, были созданы и не были изменены со стороны уполномоченных на то лиц»².

С другой стороны, признав правильным осуждение по ст. 58¹⁴ УК РСФСР Чванина, дезорганизовавшего своими

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 5.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 5.

действиями производство, Судебная коллегия Верховного суда СССР дважды подчеркнула, что Чванин хорошо сознавал всю вредность своих действий и ущерб, причиняемый им производству¹. Таким образом, неоднократные указания Верховного суда СССР о том, что «те или иные последствия влекут ответственность обвиняемого только в том случае, если они являются результатом его вины умышленной или неосторожной»², следует понимать в том смысле, что умышленная вина подразумевает предвидение виновным последствий своих действий.

В тех случаях, когда виновный мог и должен был предвидеть последствия своих действий, но не предвидел их, может идти речь только о неосторожности.

Особого рассмотрения требует вопрос о предвидении лицом последствий своих действий в тех случаях, когда лицо было задержано органами власти за какое-либо действие и когда последствием задержания явилось невыполнение этим лицом какой-либо обязанности, причем это невыполнение вообще образует состав преступления (например, неявка в суд свидетеля или эксперта, неоказание врачом помощи больному, неявка в срок к месту работы и др.).

Верховным судом СССР даны были указания по этому вопросу. Шушаркин был осужден народным судом за то, что не вышел на ночное дежурство и тем совершил прогул без уважительных причин. Областной суд отменил приговор народного суда и дело производством прекратил по тем мотивам, что неявка Шушаркина на дежурство была вызвана задержанием его милицией. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в связи с этим делом определила: «Задержание органами власти является обстоятельством, освобождающим задержанного от ответственности за неявку на работу, вызванную задержанием его, и ответственность он несет лишь за те действия, которые вызвали его задержание, потому что вина умышленная или неосторожная, как правило, относится

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1942 г., вып. II, стр. 9.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 19; см. о практике Верховного суда СССР по вопросу о вине в статье М. Шаргородского, Вопросы Общей части уголовного права в практике Верховного суда СССР, «Социалистическая законность», 1947 г., № 9, стр. 12—13.

лишь к действиям даиного лица, повлекшим его задержание, а не к прогулу, явившемуся следствием задержания. Если он действовал с умыслом, то умысел его, как правило, направлен на совершение тех действий, которые вызвали задержание его, а не на совершение прогула. О неосторожной же вине в отношении прогула при данных условиях не может быть и речи, так как нельзя считать, что задержанный должен был предвидеть задержание его.

Поэтому вопрос об ответственности за прогул, совершенный в связи с задержанием органами власти, независимо от других обстоятельств, мог бы стоять только в том исключительном случае, если бы было установлено, что данное лицо совершило те действия, которые вызвали его задержание, для того именно, чтобы добиться задержания с целью совершения таким путем прогула.

Но ответственность за прогул наступает независимо от задержания в том случае, когда установлено, что данное лицо было задержано уже в состоянии прогула без уважительных причин»¹.

Положения, установленные в этом определении, имеют силу не только в отношении прогула, но и в отношении других преступлений, состав которых оказался невыполненным в результате задержания субъекта.

При разрешении вопроса, предвидел или не предвидел подсудимый последствия своего поведения, встает ряд специальных вопросов, требующих особого рассмотрения:

1. Как показывает судебная практика, представление о последствиях совершенного преступления, имевшееся у лица до совершения им этого преступления, может оказаться не тождественным с действительными последствиями. Расхождение между предвиденными последствиями и действительно наступившими последствиями может быть при этом большим или меньшим.

Так, например, Н. решил украсть у Б. золотые часы. Оказалось, что похищенные им часы серебряные. Разбойник, напавший на проходившего гражданина и похитивший находившиеся при последнем вещи, полагал, что потерпевший — это его сосед. Оказалось, что это другое лицо.

Необходимо признать, что во всех случаях расхождения между предвиденными последствиями своего деяния

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. V, стр. 19.

и между последствиями, фактически наступившими, у виновного имеется в большей или меньшей степени ошибочное представление о последствиях. Виновный ошибался, когда он полагал, что последствия его деяния будут именно такими, какими он их себе представлял. Но до известных пределов, установить которые можно только в каждом отдельном случае в зависимости от особенностей каждого дела, можно не ставить вопроса об ошибке, а ограничиться констатацией отсутствия полного тождества между предвиденными и действительными последствиями. Причинение тяжких телесных последствий является умышленным, если подсудимый сознавал, что он наносит удар ножом в человека, что в результате этого удара потерпевший лишается руки. Для решения вопроса о наличии у виновного умысла на причинение тяжкого телесного повреждения безразлично, лишился ли потерпевший правой руки, как это предвидел виновный, или левой, или лишился не руки, а ноги. Если виновный ошибочно предполагал, что он наносит удар кинжалом своему соседу — А., фактически же нанес этот удар другому соседу — Б., то его действия все равно будут квалифицированы как умышленное тяжкое телесное повреждение.

Но после известного предела разрыв между предвиденными и действительными последствиями переходит в ошибку, которая в зависимости от ее характера может повлиять на квалификацию преступления. Так, например, подсудимый, нанося потерпевшему удар в голову, предвидел, что нанесенное им таким образом телесное повреждение повлечет за собою одно из последствий, предусмотренных в ст. 142 УК РСФСР. На самом деле оказалось, что удар пришелся по руке и причинил потерпевшему телесное повреждение, не вызвавшее расстройства здоровья, т. е. телесное повреждение, предусмотренное ч. 2 ст. 143 УК РСФСР. Он может быть привлечен к ответственности в зависимости от обстоятельств дела за покушение на умышленное тяжкое телесное повреждение (ст.ст. 19 и 142 УК РСФСР) или только за умышленное легкое телесное повреждение, не причинившее расстройства здоровья (ч. 2 ст. 143 УК РСФСР).

Не могут оказать никакого влияния на признание действия умышленным неправильные представления субъекта о таких последствиях, которые не принадлежат к составу

преступления. Так, если субъект предвидел, что после смерти убитого им семья последнего останется без средств, а в действительности оказалось, что убитый был застрахован и семья его не осталась без средств, то это никакого влияния на форму его вины оказать не может.

2. Практическое значение имеет вопрос о том, должен ли виновный предвидеть неизбежность наступления последствий своего деяния или достаточно сознания им одной только вероятности или возможности их наступления. Человек не всегда может с полной уверенностью рассчитывать на то, что последствия, которых он ждал, действительно наступят. В ряде случаев он может рассчитывать только на большую или меньшую вероятность или даже только возможность их наступления. Известны случаи, что даже сильная доза яда не оказывала ожидаемого действия.

Если бы закон требовал для умысла убеждения в неизбежности наступления результата, то это повело бы только к безнаказанности многих преступников, так как привлеченный к ответственности всегда мог бы сослаться на то, что результат его действий не представлялся ему неизбежным и что у него имелась лишь вероятность наступления преступных последствий.

На этой точке зрения стоят советские криминалисты¹. Ее разделяет и судебная практика.

По делу Дьяченко, обвинявшегося в умышленном нанесении телесных повреждений Харитонову, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 14 июня 1947 г. указала: «Та обстановка, в которой были произведены выстрелы Дьяченко, свидетельствует о том, что у него было сознание возможности причинения какого-либо вреда личности Харитонова (выстрелы производились ночью, в ту сторону, где находился Харитонов). Следует признать, что Дьяченко предвидел возможность (разрядка наша. — Б. У.) ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом. Поэтому ранение Харитонова в соответствии с характером нане-

¹ См. М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1947 г., стр. 38.

сенного телесного повреждения подлежит квалификации по ч. 1 ст. 143 УК РСФСР»¹.

В советской литературе было высказано мнение А. А. Пионтковским, что для наличия умысла, поскольку речь идет о сознании причинной связи между действием виновного и наступившим результатом, необходимо установить сознание (вернее, предвидение, поскольку речь идет о будущем) виновным «реальной возможности» наступления результата. А. А. Пионтковский пишет: «Сознание реальной возможности наступления результата, возможности его закономерного развития при совершении лицом действия должно являться составным элементом умысла»². Как указано выше, нет оснований ограничивать в отношении предвидения содержание умысла сознанием одной только возможности. Виновный может предвидеть не только «возможность», но и «вероятность» или «неизбежность» наступления результата.

Формулировка А. А. Пионтковского связана с его концепцией причинной связи как «реальной возможности» наступления данных последствий. Автору этой концепции приходится механически применять ее при определении умысла и искусственно ограничивать предвидение при умысле предвидением только возможности наступления результатов.

3. Вопрос о *dolus generalis* встает в том случае, когда субъект, ошибочно полагая, что он выполнил состав преступления (например, убил А.), на самом деле лишь последующими действиями, предпринятыми с иной целью (например, скрыть убийство), не сознавая этого, совершил намеченное преступление (бросил мнимый труп в реку, где потерпевший утонул). В советской юридической литературе этот вопрос не вызвал сомнений. В приведенном примере имеются два самостоятельных акта, причём в каждом из них умысел виновного направлен на различные цели; в первом акте — на убийство, во втором — на сокрытие преступления. Можно ли, вопреки

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. VII (XII), стр. 21.

² А. А. Пионтковский, Проблема причинной связи в праве, Ученые записки Всесоюзного института юридических наук и Военно-Юридической Академии Вооруженных Сил СССР, 1949 г., стр. 86.

действительности, заявить, что на самом деле у субъекта и во втором акте был умысел на убийство. Для этого нет никаких оснований. Это было бы фикцией, которая неосновательно ухудшила бы юридическое положение виновного: вместо ответственности за покушение на убийство и неосторожное убийство он отвечал бы за законченное умышленное убийство.

Нет поэтому основания не квалифицировать каждый из актов лица как самостоятельное преступление, т. е. первый акт как покушение на убийство, а второй — как неосторожное убийство.

4. Советское уголовное законодательство и советская наука уголовного права не нуждаются в так называемом *dolus indeterminatus*, несмотря на встречающиеся попытки ввести его в судебную практику. Вопрос о *dolus indeterminatus* ведет свое происхождение от так называемого непрямого умысла (*dolus indirectus*). Так называемый не прямой умысел (*dolus indirectus*) признавался законодательством и наукой уголовного права вплоть до начала XIX в. Он ведет свое происхождение от канонического *versari in re illicita*¹ — правила, в силу которого лицо, совершившее какое-либо действие, должно отвечать за все его последствия, хотя бы они и не охватывались его умыслом: *versanti in re illicita (operam danti in re illicita) imputantur omnia quae sequuntur ex delicto*.

Правило это означало господство объективной ответственности.

В немецкой юридической литературе первой четверти XIX в. *dolus indirectus* превратился в *dolus indeterminatus* или *Unbestimmter Vorsatz* — неопределенный умысел (под влиянием А. Фейербаха). Хотя неопределенный умысел формально и исключал уже возможность объективной ответственности, но тем не менее фактически он открывал буржуазному суду широкую возможность для произвола и усмотрения². По Фейербаху, неопределенный умысел

¹ Историю правила *versari in re illicita* см. у Познышева, цит. соч., стр. 282—283.

² Некритически излагается этот вопрос А. Пионтковским в учебнике *Общей части уголовного права*, 1943 г., стр. 161. Здесь переход от *dolus indirectus* к *dolus indeterminatus* излагается только под углом зрения «прогрессивных буржуазно-правовых требований». Между тем *dolus indeterminatus* в теории (см. А. Фейербах) и в немецкой судебной практике означал лега-

имелся в том случае, когда умысел преступника был альтернативно направлен на несколько правонарушений определенного вида или рода¹.

Издатель и комментатор 14-го издания учебника Фейербаха — К. Миттермайер определил в 1847 г. в соответствии с немецким партикулярным законодательством *dolus indeterminatus* еще шире и еще менее определено. *Dolus indeterminatus*, по Миттермайеру, характеризуется обычно тем, что кто-либо предвидит определенный противозаконный результат не как единственный, т. е. предвидит как возможные несколько последствий и ни одно из них не исключает из своей воли². Классовому буржуазному суду такая формула (как и формула А. Фейербаха) давала возможность признать любое последствие предвиденным подсудимым, хотя бы в действительности оно явилось результатом неосторожности.

Предоставление буржуазному суду оценки психических процессов у подсудимого всегда использовалось им для проведения классовой политики и всегда давало возможность объявить, что суд нашел доказанным наличие предвидения в отношении инкриминируемых деяний. Ошибочным представляется поэтому, как это делает А. Пионтковский³, утверждение, в частности, что А. Фейербах отстаивал в своем учении о непрямом умысле «требование ответственности в строгом соответствии с индивидуальной виновностью лица».

Возможность судейского произвола с ссылкой на *dolus indeterminatus* облегчалась весьма расплывчатыми формулировками этого вида умысла у последующих авторов. Так, В. Спасович с ссылкой на немецких криминалистов: Круга, Беккера и Гесслера — определял неопределенный умысел как такой вид умысла, при котором «последствия преступления представлялись преступнику в неясных очертаниях, и воля его относится не ко всем этим последствиям одинаково»⁴. Признание достаточными «неясных очертаний» последствий открывало двери для неограни-

лизацию судейского произвола, явно направленного против народа. Нет критики понятия неопределенного умысла по Фейербаху у А. Пионтковского и в том же учебнике изд. 1948 г., стр. 364—365.

¹ Feuerbach, Lehrbuch, S. 113.

² С. Mittermayer, *ibid.*, S. 114.

³ Уголовное право. Общая часть. 1948 г., стр. 364.

⁴ В. Спасович, *Цит. соч.*, стр. 157.

ценного судебсого произвола, позволяя самое незначительное обстоятельство объявить доказательством наличия «неясных очертаний», достаточных для признания наличия у подсудимого умысла.

Dolus indeterminatus привел на практике к сохранению объективной ответственности, лишь формально отмененной впоследствии вместе с отказом от *dolus indeterminatus*. Это видно из работ многих буржуазных криминалистов. Так, например, французский криминалист Видадь писал о *dolus indeterminatus*: «Закон, с целью назначения наказания, исходит из тяжести причиненного результата, который деятель мог предвидеть, несмотря на то, что он его точно не желал и не предвидел: *dolus indeterminatus determinat eventum* (неопределенный умысел определяется совершившимся)»¹. Этот же автор говорит, что применение приведенного принципа привело французскую юриспруденцию, при господстве уголовного кодекса 1810 г., к вынесению приговоров к смертной казни за умышленные удары и ранения, которые причинили смерть, хотя у субъекта не было умысла на это². *Dolus indeterminatus* перестал открыто признаваться в иностранном уголовном законодательстве, как слишком откровенно реакционный. Буржуазные суды и без официального признания этого вида умысла осуществляют объективную ответственность.

Советская уголовно-правовая литература справедливо обходит молчанием *dolus indeterminatus*. Нельзя поэтому одобрить попытку восстановления этого вида умысла. А. Пионтковский в связи с постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 января 1947 г. по делу Егоровой доказывает, что следует считать ошибочным взгляд, что Егорова действовала с «неопределенным умыслом». Далее следуют определение этой формы умысла (он «включает в себя сознание возможности причинения любого вреда для здоровья потерпевшего») и приводятся доказательства, что у подсудимой такого умысла не было³. А. Пионтковский, как прямо вытекает из текста,

¹ Vidal, Cours de droit criminel et de science penitentiaire, 1921, p. 185.

² Vidal, op. cit., p. 185.

³ М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1947 г., стр. 31.

исходит из положения о существовании в советском уголовном праве неопределенного умысла. Для этого, однако, нет никаких оснований. Введение вновь *dolus indeterminatus* означало бы замену определенности и четкости неуверенностью и гадательностью. Установление необъективизировавшихся вонне психических процессов всегда связано с риском впасть в ошибку.

Советское уголовное право исходит из принципа необходимости сочетания субъективных и объективных оснований уголовной ответственности и требует объективизации умысла вонне, в действиях, исследуемых судом. При формуле А. Пионтковского суд должен констатировать у подсудимого, кроме умысла, направленного на совершение им деяние, еще несколько голых умыслов на все возможные последствия («любой вред»). Вряд ли такое положение означает шаг вперед. К тому же все, что А. Пионтковский говорит о неопределенном умисле в деле Егоровой, никак не связано с постановлением Пленума Верховного суда СССР по этому делу и не вытекает из него. Более того, оно ему противоречит. Постановление Пленума Верховного суда СССР по этому делу говорит только о выборе при квалификации преступления Егоровой между совершенном по неосторожности тяжкого телесного повреждения и неосторожным убийством¹.

5. Значительно большей определенностью отличается так называемый альтернативный умисел (*dolus alternativus*). Однако, несмотря на некоторое сходство (в обоих

¹ В 4-м издании учебника Общей части ВКУН А. Пионтковский повторяет попытку ввести в советское уголовное право *dolus indeterminatus*. Он пишет: «С неопределенным умислом судебная практика часто сталкивается по делам о нанесении телесных повреждений. Нанося удар, субъект сознает, что он причиняет телесное повреждение, но не сознает, какое именно телесное повреждение он при этом наносит — тяжкое или легкое» (стр. 343). А. Пионтковский, как видно, говорит только о сознании, ничего не говоря о содержании воли субъекта. Субъект желает (волит) причинить либо тяжкое, либо легкое телесное повреждение. Если же он равно желает либо то, либо другое, то его умисел — это умисел альтернативный. Смещение у А. Пионтковского неопределенного и альтернативного умысла объясняется тем, что умисел неопределенный он характеризует лишь с точки зрения сознания (упуская волевой момент), а умисел альтернативный лишь с точки зрения волевой (упуская момент интеллектуальный), пример же альтернативного умысла он дает почему-то лишь с точки зрения интеллектуального момента (стр. 343).

случаях субъект соглашается на один из возможных результатов), альтернативный умысел отличается от неопределенного умысла более узким кругом последствий, вменяемых в вину деятелю, и требованием более четкого представления деятеля о каждом из таких возможных результатов. Тем не менее в руках буржуазного суда альтернативный умысел является фактически орудием произвола. Буржуазному суду ничего не стоит любое последствие деяния подсудимого объявить одним из последствий, охватывавшихся его умыслом.

Советское уголовное право прекрасно обходилось и обходится без альтернативного умысла. Случай, когда субъект равно предвидел и равно желал наступления одного из двух возможных результатов, не представляют никаких трудностей для их квалификации. Поскольку умысел подсудимого в конкретном деле, в конечном итоге, объективизировался в виде одного определенного результата, а наличие у подсудимого умысла в отношении этого результата доказано, теряет всякое значение умысел подсудимого на другой возможный результат, если он только не объективизировался в требуемой законом форме.

Представляется поэтому сомнительной целесообразность введения в советское уголовное право альтернативного умысла, предложенного М. Исаевым в той же, совместной с А. Пионтковским работе. М. Исаев пишет: «Даже прямой умысел не всегда направлен на причинение одного определенного результата. Прямой умысел может быть и тогда, когда виновный, нанося удар по голове, одинаково желает наступления или смерти или тяжкого увечья (в старой доктрине так называемый «альтернативный умысел») ¹. Как указано выше, практического значения это предложение не имеет.

6. Практическое значение имеет понятие о так называемом «отклонении действия» (*aberratio ictus seu delicti*), при котором субъект умышленно совершает преступное действие, но по причинам, им не предвиденным, его дей-

¹ М. М. Исаев и А. А. Пионтковский, Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1947 г., стр. 38. В учебнике Общей части уголовного права ВЮОН (изд. 1948 г.) дается определение альтернативного умысла (см. о нем выше, стр. 317, прим. 1), однако из текста трудно усмотреть, идет ли речь о советском или о буржуазном уголовном праве.

ствие оказалось фактически направленным на другой объект, а не на тот, который имел в виду субъект. Вопрос об «отклонении действия» встает главным образом по делам о преступлениях против личности, в особенности по делам об умышленном убийстве. Школьным примером, приводимым во всех учебниках, является случай, когда А. стрелял в Б., но промахнулся и попал в стоявшего рядом или проходившего мимо В.

При «отклонении действия» имеется следующее положение: субъект, у которого созрел умысел на совершение какого-либо преступления (например, убийства или поджога), приводит умысел в исполнение и притом направляет свои действия против того именно объекта, который он имел в виду. Во время выполнения преступления произошли некоторые, не предвиденные субъектом и от его воли не зависящие обстоятельства (промахнулся субъект, отклонилась в сторону жертва, ветер отнес огонь в сторону другого дома), в результате которых жертвой оказалось другое лицо (стоявшее рядом, находившееся позади намеченной жертвы, проходившее мимо и т. д.), сгорело другое строение (не намеченный дом, а дом соседний) и т. п. Иными словами, вместо намеченного объекта потерпевшим оказался другой такой же объект (о качественном различии объекта см. ниже).

Возможны две юридические конструкции при квалификации происшедшего таким образом события. Можно, рассматривать все происшествие как единое целое на том основании, что в совокупности всего происшедшего можно установить наличие умысла на совершение преступления и выполнение его (умысел был направлен на лишение жизни человека, и человек, хотя и другой, был убит; умысел был направлен на поджог дома, и дом, хотя и другой, был подожжен).

Эта конструкция вызывает убедительные возражения, показывающие ее несостоятельность. В самом деле, если в рассматриваемом случае виновный несет ответственность за единое преступление, то встает вопрос: за какое же именно, т. е. за совершенное или за задуманное? Решение этого вопроса еще более затрудняется, если задуманное и совершенное преступление отличаются друг от друга. А. стрелял в Б. из ружья, но разорвавшееся от выстрела ружье вызвало пожар. Отвечает ли А. за убийство или за поджог?

Правильным является другое решение рассматриваемого вопроса, а именно — квалификация отдельно каждого акта, совершенного виновным (в нашем примере — выстрела в Б. и фактического лишения жизни В.). Первое событие следует квалифицировать как покушение А. на убийство, а второе, в зависимости от обстоятельств дела, — или как неосторожное убийство В. (если имела место неосторожность) или как случайное.

Необходимо проводить четкое юридическое различие между «отклонением действия» и ошибкой в объекте. При отклонении действия имеется случайная замена одного объекта другим вследствие воздействия не предвиденных лицом обстоятельств (например, убийца промахнулся, — потому ли, что его толкнули, или он поскользнулся, — и в результате убил другое лицо). При ошибке в объекте лицо с самого начала направило действие не против предполагаемого им объекта, а против другого, например, — А. в темноте принял за Б. проходившего Н., нацелился в Н. из ружья и убил его.

Этим фактическим различием определяется и различие в юридической квалификации действий виновного при «отклонении действия», с одной стороны, и ошибке в объекте — с другой. При ошибке в объекте у виновного имеется в отношении намеренного им объекта, в зависимости от обстоятельств дела, или обнаружение умысла или приготовление; при отклонении действия покушение, как правило, закончено. В отношении действительно потерпевшего объекта имеется при ошибке в объекте умышленное преступление, так как фактическая ошибка в отношении объекта не меняет умышленности характера совершенного преступления; при «отклонении действия» возможны, в зависимости от обстоятельств, два варианта: наступление последствий может быть или результатом неосторожности (убийца стрелял на улице и должен был предвидеть, что в случае промаха он может убить другого прохожего), или же случая (убийца стрелял в уединенном месте, где он не мог предвидеть нахождения еще кого-либо).

Таким образом, при ошибке в объекте имеется обнаружение умысла или приготовление относительно намеренного объекта и умышленное убийство — в отношении фактически потерпевшего; при «отклонении действия» имеется покушение в отношении намеренного объекта и

неосторожное преступление (или случай) — в отношении фактически потерпевшего. В обоих случаях имеется идеальная совокупность преступлений.

В. Сознание виновным противоправности своих действий

Среди многочисленных вопросов учения о вине одним из наиболее спорных является вопрос о значении сознания виновным противоправности своего поведения. Вопрос ставится так: исключает ли вину отсутствие у деятеля сознания противоправности совершаемого им или — в другой постановке того же вопроса — входит ли сознание противоправности деяния в содержание умысла?

Вопрос этот имеет определенное политическое значение. Совершенно ясно, что при огромных размерах, которые приняло в буржуазных странах уголовное законодательство, при той необозримой массе различного рода норм уголовного права, при еще большем количестве материалов судебной практики, содержащих толкование уголовных законов, — огромная масса народа, трудящихся в буржуазных странах не может знать даже большей части имеющихся законов. Этому мешает прежде всего фактическая невозможность для неспециалистов знать огромный количественно и сложный по содержанию материал, овладение которым под силу только дорого оплачиваемым буржуазным юристам. Ссылка на отсутствие сознания противоправности тех действий, за которые ежегодно сотни тысяч трудящихся бросаются в буржуазных судах на скамьи подсудимых, не могла не звучать постоянно с этих самых скамей. А это побуждало буржуазных криминалистов дать суду возможность, несмотря на отсутствие сознания противоправности у подсудимых, объявлять их виновными.

Через всю историю буржуазного уголовного права красной нитью проходит поэтому лозунг — «никто не может оправдываться незнанием закона». В условиях буржуазного государства этот лозунг является не только юридической фикцией, основанной на абсурдном предположении, что трудящиеся в капиталистических странах способны знать и поймать необозримое количество уголовных законов. Этот лозунг выполняет определенную политическую роль как одно из тонких орудий власти, направленных против трудящихся масс.

Большинство буржуазных криминалистов твердо придерживалось этого, установленного еще римскими юристами лозунга¹.

На этой же точке зрения стояло все законодательство доимпериалистической эпохи². В России почти все криминалисты разделяли эту точку зрения³. Русское законодательство, начиная с Петра I, проводило правило: «Никто не может отговариваться незнанием закона»⁴.

В буржуазной литературе в эпоху империализма начинают высказываться сомнения в целесообразности сохранения принципа «никто не может оправдываться незнанием закона». Делаются предложения об ограничении этого принципа, о возможности в зависимости от обстоя-

¹ См. обзор мнений по этому вопросу у Hippel, Vorsatz, Fahrlässigkeit, в Vergleichende Darstellung, Allgemeiner Theil, B. III. Большая литература также у Liszt, Lehrbuch, 1927 г., § 40. В русской литературе библиографические данные (устаревшие) у Таганцева, Курс уголовного права, т. II, № 201 прим. 56, а также у него же «Русское уголовное право, Часть Общая», 1902 г., стр. 587, прим. 2.

² Итальянский кодекс 1889 г. art. 44; Австрийский кодекс; такова же практика во Франции (см. Vidal, Cours de droit criminel, 1921, p. 323, — 183; Hippel, Vergleichende Darstellung, B. III, S. 385—387); в Англии (см. Schuster, Vergleichende Darstellung, B. I, 1894, S. 628: «Иностранец, который в Англии убьет на дуэли противника, должен быть приговорен к смертной казни, хотя право его родины, которое он ошибочно считает действующим (в данном вопросе) повсюду, не считает убийство на дуэли преднамеренным убийством»).

³ Спасович, Учебник уголовного права, т. I, 1863 г., стр. 148; А. Кистяковский, Элементарный учебник уголовного права, 1882 г., стр. 448—449; Сергиевский, Русское уголовное право, Часть Общая, 1915 г., стр. 264 и др.

⁴ Введение к Артикулу воинскому 1716 г.: «дабы неведением никто не отговаривался, надлежит сей Артикул на смотрах, а особливо при великом полку не единожды читать в неделю». Ст. 95, т. I, ч. I Свода законов содержала общее правило: «Никто не может отговариваться неведением закона, когда он был обнародован установленным порядком». Это положение применялось и к уголовным законам. Сенат разъяснил, что «неразвитость и неграмотность подсудимого не может служить основанием для извинения незнания закона, так как, принимаясь за какую-либо определенную в законе деятельность, всякий обязан знать и все постановления, какие изданы и обнародованы по отношению к этой деятельности». Таганцев, Комментарий к статьям Уложения 1903 г., введенным в действие, 1911 г., стр. 142.

тельств дела факультативного смягчения вины или даже полного отрицания вины на основании отсутствия у подсудимого сознания противоправности (преступности, наказуемости) деяния¹. В новейших уголовных кодексах эти предложения нередко в той или иной мере реализуются (уголовные кодексы Норвегии 1903 г.; фашистской Италии 1931 г.; Швейцарии 1937 г.).

Политический смысл начавшихся именно в эпоху империализма колебаний буржуазных криминалистов в рассматриваемом вопросе ясен². Разумеется, не интересы трудящихся руководят буржуазными юристами, высказывающими сомнения в этом вопросе, и буржуазными законодателями. И те и другие решения вопроса о смягчении или исключении вины в случаях ошибки в праве предоставляют усмотрению суда. Это для господствующих классов делает безопасным ограничение принципа — «никто не может оправдываться незнанием закона». Трудящимся это ограничение ничего не дает, так как к ним оно не будет никогда применено, представители же господствующих классов, изредка привлекаемые к уголовной ответственности, получают при ограничении принципа «никто не может оправдываться незнанием закона» лишнюю возможность уклонения от ответственности с ссылкой на незнание законов (оправдание буржуазными судами штрейкбрехеров, полицейских и других участников кровавых расправ с рабочими).

Вопрос о значении сознания противоправности не мог не встать и в советском уголовном праве. Но в советском уголовном праве он рассматривался с принципиально других позиций. Советскими криминалистами при разрешении этого вопроса руководили принципиально иные соображения. Они искали правильного решения вопроса,

¹ Это течение проявилось главным образом в Германии, см. литературу у L i s z t, Lehrbuch, 1927, S. 239, 250—251.

² См. интересные соображения по этому вопросу в работе М. М. И с а е в а, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1927 г., стр. 41—42, где автор показывает, что «усложнившаяся жизнь капиталистического общества требовала регулировки путем многочисленнейших правовых норм с известными карательными санкциями. Следить за обильным законодательным и указным материалом оказалось не под силу даже самим господствующим классам».

исходя из интересов другого класса — трудящихся, народа.

Проблема значения сознания противоправности всегда была в поле зрения советских криминалистов. Мнения советских криминалистов о значении сознания противоправности при разрешении вопроса о вине (специально — при умысле) разделились. До недавнего времени большинство советских криминалистов считало, что сознание противоправности не входит в содержание умысла (о неосторожности вопрос вовсе не ставился). На противоположной точке зрения стоял М. Исаев, доказывавший, что и текст ст. 10 УК РСФСР и общие соображения уголовной политики в СССР говорят за то, что в понятие умысла входит сознание противоправности.

М. Исаев полагал, что нельзя требовать от граждан знания всех кодексов, положений, декретов, ведомственных инструкций и циркуляров. Смешно было бы говорить, что для советского правосудия не имеет значения юридическое заблуждение, которое к тому же может выражаться не только в незнании закона, но и в неправильном понимании закона при знании его. М. Исаев считал «юридической фикцией» утверждение, что Советское государство требует от граждан знания своих законов и всякое незнание обращает во вред незнающему.

В споре между сторонниками и противниками признания сознания противоправности элементом умысла важнейшее значение имеет формула ст. 6 «Основных начал», согласно которой умысленно действующими признаются лица, которые предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление. Можно двояко толковать слова «предвидели общественно-опасный характер последствий своих действий». Эти слова можно понимать в том смысле, что речь идет о предвидении последствий фактически, объективно являющихся общественно-опасными. Если последствия деяния объективно независимо от сознания виновного, не являются общественно-опасными, то в действиях лица нет вообще уголовной вины. Но можно понимать те же самые слова формулы ст. 6 «Основных начал» как требование сознания самим деятелем общественно-опасного характера последствий своих действий. Так и поступает М. Исаев, ставя при

этом на место понятия «общественной опасности» (в законе) понятие противоправности¹.

А. Трайнин, в противовес мнению М. Исаева, писал в 1929 г., что сознание или отсутствие сознания противоправности лежит за пределами умысла. Деяние не перестает быть умышленным от того, что лицо не сознавало противоправности деяния. Изнасиловавший должен отвечать за изнасилование независимо от того, признавал ли насильник противоправность своего поступка. Отсутствие сознания противоправности может быть принято во внимание лишь как обстоятельство, дающее основание для смягчения наказания².

В своей более поздней работе «Учение о составе преступления» А. Трайнин несколько развил свою точку зрения. Он полагает, что противоправность деяния, как и общественная опасность, не является элементом состава преступления. Противоправность как бы «розлита» по всему составу преступления. Общественная опасность и противоправность не входят и в содержание умысла. Только лишь в конкретных случаях из диспозиции той или иной статьи Уголовного кодекса или другого уголовного закона вытекает, что сознание противоправности данного преступления является элементом данного состава преступления. Например, при недоносительстве (ст. 58¹² и 59¹³ УК РСФСР) знание преступности действия, о котором лицо не сообщает, является необходимым элементом состава данного преступления. В этом случае недоносительство попадает в содержание умысла, так как недоноситель должен знать, что речь идет о противоправном действии. Иное дело с самим недоносительством. Недоносительство является преступлением независимо от того, знал ли или не знал недоноситель о том, что недоносительство карается по закону³.

¹ М. М. Исаев, Об умысле, неосторожности и сознании противоправности, «Советское право», 1925 г., № 5, стр. 47 и след. Позже все высказанные в этой статье соображения повторены тем же автором в его работе «Основные Начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», 1927 г., стр. 40—46.

² А. Н. Трайнин, Уголовное право, Часть Общая, 1929 г., стр. 268.

³ А. Трайнин, Учение о составе преступления, 1946 г., стр. 141. См. убедительные возражения против этого аргумента А. Трайнина в цитированной статье В. Макашвили, указав-

Против признания сознания противоправности элементом умысла выступал неоднократно и А. Пионтковский. Он считал, что упоминание в ст. 6 «Основных начал» в определении умысла предвидения общественно-опасного характера последствий действия следует считать «редакционной случайностью». Это подтверждается, по мнению А. Пионтковского, тем, что в определении неосторожности в той же ст. 6 закон говорит только о предвидении «последствий своих действий».

В подтверждение своего взгляда А. Пионтковский ссылается и на соображения политической целесообразности, фактически относящиеся, однако, к первым периодам развития социалистического государства. Так, по мнению А. Пионтковского, признание сознания общественной опасности составным элементом умысла создало бы лишь уголовно-правовую привилегию буржуазным элементам, не желающим своевременно ознакомиться с законами Советского государства. Признание сознания общественной опасности составным элементом умысла исключало бы возможность пользования аналогией. Привлеченный к уголовной ответственности в порядке аналогии за деяние, прямо не предусмотренное Уголовным кодексом, мог бы сослаться на то, что он не предвидел общественно-опасного характера своих действий¹.

шего, что законодательство при обрисовке некоторых составов преступлений оттеняет элемент противоправности, но это объясняется соображениями стилистического и редакционного характера. Законодатель мог бы без всякого ущерба исключить этот признак из диспозиции статей УК, на которые указывает А. Трайнин, точно так же как он мог бы ввести этот признак в диспозицию любой статьи (стр. 94).

¹ А. Пионтковский, Советское уголовное право, том первый, Общая часть, 1929 г., стр. 241. Такой позиции А. Пионтковский придерживался в первых трех изданиях учебника Общей части уголовного права ВИЮН. В 4-м издании этого учебника А. Пионтковский занял менее последовательную позицию в этом вопросе. Сознание общественной опасности (не противоправности) совершенного деяния является, по его мнению, при умысле презумпцией. Он пишет: «При установлении вины умышленной мы исходим из предположения, что такое сознание об общественной опасности совершенного деяния по общему правилу имеется у каждого вменяемого лица, совершающего умышленное преступление» (стр. 341). После этого, недостаточно определенного положения, А. Пионтковский открывенно возвращается к своей прежней точке зрения и заявляет: «Требование, чтобы наличие сознания противоправности у винов-

Таким образом, можно считать господствовавшим в течение многих лет в литературе взгляд, в силу которого сознание общественной опасности не входит в содержание умысла¹.

Однако в настоящее время положение изменилось, и все большее число советских криминалистов присоединяется к тому, что сознание противоправности является обязательным элементом умысла.

А. А. Герцензон в учебнике Общей части уголовного права, первое издание которого появилось в 1946 г., указывает на то, что вопрос о сознании противоправности как об элементе умысла должен по-разному решаться в буржуазном и в социалистическом уголовном праве. В буржуазном государстве принцип — «никто не может отговариваться незнанием законов» — является фикцией, так как трудящиеся массы не в состоянии знать чуждые их правосознанию и направленные против них же законы. Если бы буржуазный закон признал сознание противоправности элементом умысла, он вынужден был бы отказаться от уголовного преследования сотен тысяч трудящихся, совершивших преступление, не сознававших противоправности своих действий.

ного было специально доказано в каждом конкретном случае при совершении умышленного преступления создавало бы лишь ни на чем не обоснованные привилегии для лиц, сознательно или по легкомыслию не пожелавших ознакомиться с известными уже всем уголовными законами социалистического государства, в котором они живут» (стр. 342).

¹ Так, кроме приведенных авторов, М. Шаргородский, в рецензии на учебник «Уголовное право. Общая часть», изд. 2-е, 1939 г., — «Советская Юстиция», 1940 г., № 15, стр. 32, и более подробно в его рецензии на книгу А. Герцензона, «Уголовное право. Часть Общая», 1948 г. — «Советское государство и право», 1948 г., № 12, стр. 59—60. В этой рецензии М. Шаргородский использует новый довод против признания сознания противоправности обязательным элементом умысла, а именно: обстоятельство, что такое признание используется сейчас наиболее реакционными элементами в Западной Европе и Америке для обоснования безответственности фашистских преступников с ссылкой на то, что они в момент совершения преступления не сознавали его противоправности. Вряд ли это соображение может сыграть какую-либо роль при решении рассматриваемого вопроса. Не только это признание, но и многие другие одноименные институты уголовного права англо-американские поджигатели войны используют в своих преступных реакционных целях. Не отказываться же нам из-за этого от одноименных институтов в советском уголовном праве, имеющих в советском уголовном праве совершенно иное содержание.

Иначе обстоит вопрос в социалистическом государстве, в особенности после ликвидации остатков капиталистических элементов, когда социалистическое правосознание всего народа и советские законы полностью совпадают. В социалистическом государстве знание советских законов гражданами — не фикция, а реальность.

Возражения, обычно делаемые против признания сознания противоправности элементом умысла, А. Герцензон считает неосновательными. Ссылка на то, что враги народа, совершающие тяжчайшие преступления, будут ссылаться на незнание закона, неосновательна, потому что враги народа сознают преступность своих действий. Они сознательно посягают на основы советского строя¹. Ссылка на то, что не знают законов малосознательные элементы, не колеблет правильности общего положения, так как малосознательные элементы насчитываются в СССР единицами².

Статья В. Макашвили развила положение, выдвигавшееся сторонниками взгляда на сознание противоправности как на элемент умысла. В. Макашвили показывает, что доводы противников этого взгляда терпят ряд ограничений, расшатывающих принцип — «никто не может отговариваться незнанием закона».

Основным соображением, которое, по мнению В. Ма-

¹ Неубедителен по этим основаниям аналогичный довод против признания сознания противоправности элементом умысла, приведенный в 1948 г. Б. С. Маньковским в статье «Советское уголовное право в период Отечественной войны» в Ученых записках Ленинградского государственного университета, Серия юридических наук, вып. I, 1948 г., стр. 338. В этой статье Б. С. Маньковский весьма резко выступал против признания элементом умысла сознания общественной опасности. Он говорил о «политической вредности» подобного признания и о том, что только формально-догматическое толкование умысла обуславливает включение в его понятие сознания противоправности. В появившейся в 1949 г. работе «Проблема ответственности в уголовном праве» Б. С. Маньковский выступает уже в роли сторонника признания сознания противоправности элементом умысла. Он доказывает здесь, что привлечение к уголовной ответственности лица, не сознававшего противоправность совершенного им, «представляет собою определенное отражение влияния объективного вменения» (стр. 108). По мнению Б. С. Маньковского, «исходя из сущности виновности, следует признать, что сознание противоправности является одним из моментов понятия вины» (стр. 111).

² А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 332.

кашвили, заставляет господствующее учение придерживаться указанного принципа, служит опасение, что иная точка зрения способна создать привилегию для лиц, небрежно относящихся к знанию закона. Но такое опасение автор считает необоснованным, так как в социалистическом государстве отсутствует коллизия между правосознанием народных масс и требованиями социалистического правопорядка.

Если ошибка лица относительно противоправности своих действий, пишет В. Макашвили, является извинительной, то лицо не может нести уголовной ответственности за содеянное. Что касается неизвинительного заблуждения, то возможны две конструкции этой формы заблуждения. Одну из них, а именно — превращение деяния в неосторожный деликт (мог и должен был сознавать противоправность), В. Макашвили критикует как искусственную. В. Макашвили предлагает другую конструкцию. Он считает, что умысел имеется и тогда, когда фактические признаки деяния охватываются представлением и волей лица и когда, кроме того, у деятеля имеется возможность сознания противоправности совершенного деяния. Это обстоятельство должно быть учтено судом в рамках санкций данной статьей закона. Надо отметить, что это положение В. Макашвили означает известный компромисс с полным отрицанием сознания противоправности как элемента умысла. Это признает и сам автор, говоря, что предлагаемая им конструкция отклоняется от требования для умысла сознания противоправности.

В дальнейшем В. Макашвили, говорящий в начале статьи о «сознании противоправности», отклоняется и от этого своего положения и незаметно переходит от требования «сознания противоправности» к требованию «сознания общественной опасности». К этому автора приводит постановка им вопроса о содержании противоправности (что это — наказуемость ли деяния или запрещенность уголовным законом?). По мнению В. Макашвили, для наличия умысла вовсе не требуется обязательно представление о том, что нарушается уголовный закон или какая-нибудь другая норма права; для этого достаточно, чтобы лицо имело возможность сознания противоречия деяния правилам социалистического общежития.

Поставив на место отсутствия сознания противоправности «противоречие деяния правилам социалистического

общежития», автор вынужден был в дальнейшем говорить и о «сознании общественной опасности» и о сознании противоправности, что, однако, не одно и то же. Автор, видимо, не решаясь на это, оказался тем не менее вынужденным сделать непоследовательный вывод. Он говорит о «противоправности (общественной опасности)», т. е. ставит уже открыто знак равенства между этими двумя понятиями¹.

Для разрешения вопроса о значении сознания противоправности для наличия умысла в советском уголовном праве необходимо, прежде всего, выяснить принципиальное политическое и юридическое различие между постановкой этого вопроса в буржуазном уголовном праве и в социалистическом уголовном праве. Это различие заключается в следующем:

1. В буржуазном уголовном праве запрещение отговариваться незнанием закона находится в явном противоречии с интересами трудящихся. Оно защищает интересы господствующих эксплуататорских классов. В капиталистических странах именно трудящиеся фактически лишены всякой возможности хотя бы некоторого ознакомления с огромным законодательным материалом. Представители же господствующего класса имеют к своим услугам дорогостоящих адвокатов, поверенных, нотариусов и т. д., которые оказывают им необходимую юридическую помощь. На помощь им приходит в этом отношении и буржуазный суд.

Таким образом, в капиталистических странах правило — «никто не может оправдываться незнанием закона», лицемерно защищаемое буржуазными юристами, ложится всей своей тяжестью на трудящихся. Классовую природу этого правила в капиталистическом обществе, всю его ложь и лицемерие раскрыл Ленин. «Обыкновенно, — писал Ленин, — рабочие (в массе) не знают законов и не могут знать их, хотя с них тем не менее взыскивают чиновники и чиновничьи судьи за незнание закона. Если рабочий, когда ему чиновник укажет закон, ответит, что он не знал о таком законе, то чиновник (и судья) либо засмеется, либо обругается:

¹ В. Макашвили, Вина и сознание противоправности, Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института, 1948 г., № 2, стр. 99.

«отговариваться незнанием закона никто не имеет права» — вот что говорит основной русский закон. Всякий чиновник и судья предполагает поэтому, что каждый рабочий знает законы. Но ведь такое предположение — буржуазная ложь, ложь, сочиненная людьми имущими и капиталистам против неимущих, такая же ложь, как и предположение, что рабочий заключает с хозяином «свободный договор»¹.

Совершенно иначе обстоит дело в СССР. Советские уголовные законы немногочисленны, просты, ясны. В обсуждении проектов некоторых уголовных законов принимало участие все население. Миллионы трудящихся знакомятся с уголовными законами, выполняя обязанности народных заседателей. Самое же главное заключается в том, что все советские законы находятся в соответствии с правосознанием широких масс трудящихся.

2. Буржуазное уголовное право при разрешении рассматриваемого вопроса исходит, как правило, из формального понимания преступления как действия, запрещенного законом под страхом наказания². Это вполне устраивает буржуазию, так как запрещены законом под страхом наказания только действия, которые вредны или опасны для буржуазии же. Поэтому буржуазные криминалисты вопрос о сознании противоправности ставят только как вопрос о формальном знании нормы закона.

Советское уголовное право считает обязательными признаками преступления и противоправность и общественную опасность. Советский уголовный закон противоправными признает только действия общественно-опасные (прим. к ст. 6 УК РСФСР), и разрыва между противоправностью и общественной опасностью деяния в советском уголовном праве быть не может (в случае наступления такого разрыва — закон отменяется или фактически теряет свою силу). Тем не менее в советском уголовном праве возможны случаи (это случаи, для ко-

¹ Ленини, Соч., т. II, стр. 561—562.

² Н. Дурманов в книге «Понятие преступления» переоценивает место материальных определений преступления в буржуазной уголовно-правовой теории (см. §§ 15—18). Не они являются специфическими для буржуазной уголовно-правовой идеологии. Что касается буржуазного уголовного законодательства, то и Н. Дурманов не отрицает того, что «к середине XIX в. материальное определение было исключено почти из всех кодексов» (стр. 95).

торых введена аналогия), при которых действие, являющееся общественно-опасным, не является формально противоправным. Это обстоятельство заставляет при разрешении рассматриваемого вопроса учитывать не только сознание противоправности, но и сознание общественной опасности поведения человека. В тех случаях, когда подсудимый привлечен к уголовной ответственности по аналогии с каким-либо уголовным законом, вопрос в отношении его может идти не о сознании у него противоправности его действий (действия его формально не противоправны), а о сознании их общественной опасности.

3. Буржуазные криминалисты подходят к рассматриваемому вопросу абстрактно, не диалектически, без учета социально-политической обстановки и особенностей личности отдельных подсудимых.

Советское уголовное право, разрешая этот вопрос, дает такое его решение, которое учитывает изменения в обстановке, в которой совершено преступление, и особенности личности деятеля и только в зависимости от этих обстоятельств ставит решение судом вопроса о значении сознания виновным противоправности совершенного им деяния.

Исходя из этих принципиально-политических различий между буржуазным и советским уголовным правом, и необходимо разрешать вопросы, встающие в связи с проблемой сознания противоправности.

Прежде всего, необходимо отметить, что в советском уголовном праве рассматриваемый вопрос не всегда вставал в форме вопроса о сознании противоправности. В период до издания Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. вопрос, по общему правилу, стоял не столько в форме вопроса о сознании виновным противоправности своих действий, сколько в виде вопроса о сознании им общественной опасности деяния.

В период проведения Великой Октябрьской социалистической революции, когда еще немногие вопросы уголовного права нашли разрешение в новых, т. е. советских законах, когда советский суд нередко разрешал вопрос о виновности или невиновности подсудимого не столько на основании закона, сколько на основании своего социалистического правосознания, когда в отношении ряда общественно-опасных действий вообще нельзя было го-

бороться о противоправности, так как законодатель не успел еще предусмотреть эти деяния, — вопрос мог идти только о значении отсутствия у подсудимого сознания общественной опасности его поведения.

Но если у подсудимых в тот период не могло еще быть сознания противоправности совершенного ими деяния, то у них могло быть сознание его общественной опасности. Сознания общественной опасности совершенного деяния для советской власти не могло не быть, прежде всего, у врагов народа и революции, у всех классово-враждебных субъектов, которые сознательно вели борьбу против советской власти, которые именно потому и совершали свои преступления (безразлично в какой форме, т. е. в форме ли прямых контрреволюционных выступлений или в форме саботажа, спекуляции, взяточничества, хулиганства и т. д.), что они считали эти преступления опасными для молодого Советского государства. Ни о какой ссылке на отсутствие у таких субъектов сознания не только противоправности, но и общественной опасности совершаемого ими, конечно, не могло быть и речи. Наивно было бы принимать ссылку на отсутствие сознания опасности своих деяний для нового общественного строя у тех, непосредственной целью преступной деятельности которых было создание этой опасности. Как правильно указал М. Исаев, «было бы смешно говорить о ссылке представителей бывшей буржуазии, что они были в заблуждении по поводу правосознания представителей революционного класса»¹.

Сознание общественной опасности совершаемых преступлений имелось и у совершавших преступления представителей мелкой буржуазии, принимавших активное участие в политической борьбе в рассматриваемый период и прекрасно отдававших себе отчет в происходивших событиях и в той опасности, которую представляли для советской власти совершаемые ими преступления, направленные против этой власти.

Наконец, сознание общественной опасности в отношении большинства преступлений могли предполагать суды и у основной массы трудящихся — у рабочих, у крестьян бедняков и середняков, принимавших участие

¹ М. Исаев, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1924 г., стр. 42.

В революции или отдававших себе отчет в происходящих событиях, понимавших, что новая власть — это власть трудящихся, и сознававших, что определенные действия представляют опасность для советского строя.

Была, однако, еще в тот период некоторая часть трудящихся, в отношении которых в тот период должен был ставиться вопрос о значении отсутствия у них сознания общественной опасности тех действий, за совершение которых они привлекались к уголовной ответственности советскими судами. Речь идет о тех трудящихся, о которых Ленин писал, что, «начав коммунистическую революцию, рабочий класс не может одним ударом сбросить с себя слабости и пороки, унаследованные от общества помещиков и капиталистов, от общества эксплуататоров и мироедов, от общества грязной корысти и личной наживы немногих при нищете многих»¹.

В отношении этой части трудящихся советские суды должны были учитывать их несознательность, неспособность понять значение совершаемого ими и в зависимости от обстоятельств или отрицать в их действиях на этом основании вину, или считать вину их меньшей. Ленин по поводу рабочих, занимавшихся мешочничеством, говорил 28 июня 1918 г.: «Нельзя винить тех, кто по бессознательности бросает все, закрывает глаза на все, чтобы выручить себя какими угодно средствами — достать хлеба... борьба с мешочниками, с отдельным провозом хлеба, — трудная борьба, потому, что это есть борьба с темнотой, с бессознательностью, с неорганизованностью широких масс»².

В соответствии с этим Руководящие Начала по Уголовному праву 1919 г. в п. «в» ст. 12 указывали, что при определении меры наказания в каждом отдельном случае следует различать, «совершено ли деяние в сознании причиненного вреда или по невежеству и несознательности». Это было вполне определенное разрешение вопроса о значении отсутствия сознания общественной опасности совершенного деяния у несознательной части трудящихся, совершавших преступления. Отсутствие такого сознания не исключало полностью вины и ответственности у подсудимых, принадлежавших к этой части

¹ Ленин, Соч., т. XXIII, стр. 31.

² Там же, стр. 98 — 99.

трудящихся, а означало лишь признание меньшей вины и снижение ответственности и могло вести к условному осуждению или к освобождению от наказания. Да это и понятно. В революционную эпоху, в дни острой классовой борьбы, когда каждое преступление ложилось тяжелым бременем на чашу весов в смертельной схватке между старым и новым миром, каждое опасное для нового общественного строя деяние вызывало «необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» (ст. 6 «Руководящих Начал»). В эту эпоху вовсе исключать ответственность по мотиву отсутствия сознания общественной опасности было недопустимо.

Иначе должен был ставиться вопрос после того, как были изданы уголовные кодексы союзных республик. Если определенное деяние предусмотрено законом как деяние противоправное, то суд может интересоваться только тем, сознавал ли подсудимый противоправность совершенного им. Ссылка подсудимого на отсутствие у него сознания общественной опасности не могла уже учитываться судом, как правильно указывал еще в 1927 г. М. Исаев: «Формальная противоправность не всегда является вместе с тем и материальной. Не всегда даже преступное деяние... будет материально-опасным в смысле примечания к ст. 6 УК РСФСР 1926 г. Но все же при сознании формальной противоправности никто не может ссылаться в свое оправдание, что он считал деяние материально не опасным. Сознательного нарушения своего правопорядка советская власть никоим образом допускать не может и, в интересах общего предупреждения, должна так или иначе воздействовать на правонарушение»¹.

Вопрос о сознании общественной опасности может иметь значение, а ссылка на отсутствие такого сознания может приниматься судом во внимание после издания уголовных кодексов лишь в тех случаях, когда встает вопрос о применении аналогии, т. е. когда действие формально не противоправно и когда при оценке поведения подсудимого ему в упрек ставится совершение действия

¹ М. Исаев, Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик, 1927 г., стр. 44.

общественно-опасного. Так как от подсудимого нельзя требовать, чтобы он был настолько юридически сведущим, чтобы сознавать юридическую возможность применения к его деянию какой-либо уголовно-правовой нормы по аналогии, то вопрос о сознании противоправности здесь отпадает. Вопрос может стоять только о паличии или отсутствии у подсудимого сознания общественной опасности его поведения¹.

Входит ли сознание противоправности в содержание умысла как один из элементов состава преступления или же оно находится за пределами умысла? В советской литературе проводился взгляд, что учет знания или незнания противоправности лежит, подобно некоторым другим обстоятельствам (мотив, способ действия и т. д.), за пределами умысла, так как деяние не перестает быть умышленным от того, что лицо не сознавало его противоправности².

При взгляде на вину только как на формально-психологическое понятие вопрос этим исчерпывался. Для сознания противоправности в содержании вины при таком ограниченном понимании вины действительно нет места.

Иначе обстоит дело, если вина выходит за рамки формально-психологического понятия, если вина рассматривается как общее основание уголовной ответственности. В таком случае вопрос о наличии или отсутствии у лица сознания противоправности совершенного им деяния не может быть устранен из содержания вины. При общественной оценке поведения гражданина далеко не безразлично,

¹ В уголовно-правовой литературе господствует смешение понятий сознания противоправности и сознания общественной опасности. Учебник Общей части уголовного права ВИЮН (1948 г.) говорит о «сознании общественной опасности совершенного деяния» (стр. 341). В учебнике для юридических школ изд. 1943 г. эти оба понятия все время используются как равнозначные, постоянно заменяя друг друга (стр. 83). В статье В. Макашвили, «Вина и сознание противоправности», автор говорит, как правило, о «сознании противоправности», иногда же о «предвидении противоправности или общественно-опасного характера действия» (стр. 93 и др.) или о «сознании общественной опасности» (стр. 100), не проводя грани между этими понятиями. В учебнике А. Герцензона «Уголовное право. Часть Общая», 1948 г., говорится только о «сознании противоправности».

² А. Трайнин, Учебник уголовного права. Часть Общая, 1929 г., стр. 268, с ссылкой на А. Пионтковского, Уголовное право, 1924 г., стр. 134.

сознавал ли он или не сознавал противоправность своего поведения. Совершение преступления с ясным сознанием противоправности своего деяния свидетельствует, конечно, о большей опасности поведения, чем поведение лица, которое нарушило норму уголовного закона без сознания запрещенности своего поведения. Поэтому при оценке судом поведения подсудимого и разрешении вопроса об его вине необходимо всегда учитывать, сознавал или не сознавал подсудимый противоправность своего поведения (при применении аналогии — сознавал ли он общественную опасность своего поведения).

Если отсутствие у подсудимого сознания противоправности своего поведения является одним из обстоятельств, учитываемых судом при оценке поведения подсудимого с точки зрения его вины перед социалистическим государством, то обстоятельство это оценивается в связи с рядом условий, лежащих как в обстановке, так и в личности самого подсудимого. Было бы поэтому неправильным давать единое для всех случаев решение вопроса о значении отсутствия сознания противоправности¹. Возможны случаи, когда его отсутствие несколько не повлияет на признание подсудимого виновным. Возможны случаи, когда оно вызовет только смягчение наказания. Возможны, наконец, случаи, когда отсутствие сознания противоправности должно повлечь за собою признание лица невиновным. То или иное решение вопроса зависит от различных обстоятельств: от обстановки, от соотношения задач общего и специального предупрежде-

¹ В судебной практике Верховного суда СССР нельзя найти сколько-нибудь общих или подробных указаний по этому вопросу. В постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Жукотикова («Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. III (XIX), стр. 4) говорится: «По смыслу ст. 182 УК РСФСР за хранение или ношение указанного в этой статье оружия отвечает не только собственник этого оружия, но и всякое иное лицо, если оно действует умышленно, т. е. если оно сознает, что оно не имеет права хранить или носить оружие». Неправильно было бы, однако, полагать, что речь идет здесь о сознании противоправности. Слова: «Если оно не сознает, что оно не имеет права хранить или носить оружие» — относятся к «надлежащему разрешению» и означают, что лицо сознавало отсутствие такого разрешения. Таким образом, речь идет здесь не о сознании противоправности, а о сознании фактического обстоятельства — отсутствия разрешения, входящего в диспозицию ст. 182 УК РСФСР в качестве существенного признака данного преступления.

ния в тот или иной период, от рода преступления, от характера преступления, от личности субъекта и т. д.

Не может вообще приниматься ссылка на отсутствие сознания противоправности по ряду преступлений. Что касается контрреволюционных преступлений, то ссылка на то, что признание сознания противоправности или общественной опасности деяния элементом умысла благоприятствует вражеским элементам, которые не желают знакомиться с советскими законами, неосновательна. Эти элементы действуют всегда сознательно, с прямой контрреволюционной целью, и было бы вредным ослаблением их ответственности утверждать, что они не сознают опасности для Советского государства совершаемого ими.

Здесь речь идет не о презумпции, а о не подлежащем оспариванию факте, вытекающем из самой природы контрреволюционного преступления. Имеется, далее, ряд преступлений, совершение которых настолько противоречит правосознанию всех трудящихся и их моральным убеждениям, настолько противоречит ясно осознаваемым интересам самих же трудящихся, вызывает столь сильную отрицательную оценку самих же трудящихся и противоправность которых столь широко известна всем трудящимся, что решительно отпадает какая-либо возможность ссылки с их стороны на отсутствие у них сознания их противоправности. Достаточно указать на хищения социалистической собственности, на спекуляцию, на такие преступления в области трудовых отношений, как прогул без уважительных причин или самовольное оставление работы.

И в отношении этих преступлений нельзя говорить о какой-либо презумпции сознания противоправности. Было бы нелепо допустить доказывание подсудным отсутствия у него сознания противоправности хищения социалистической собственности и т. п.

Иногда указывают, что признание сознания противоправности обязательным элементом умысла будет использовано лицами, не желающими знакомиться с советскими законами. Эти ссылки следует признать неосновательными и игнорирующими реальные условия советской действительности.

Давно отпало малейшее основание для принятия ссылки на отсутствие сознания противоправности в отношении всех без исключения преступлений против лично-

сти и преступлений имущественных, а также в отношении большинства, если даже не всех, преступлений против порядка управления¹.

Вместе с огромным ростом культурного уровня трудящихся в СССР все больше растет и знание трудящимися законов своей страны. Специальная массовая правовая просветительная работа, развертываемая накануне выборов народных судей и народных заседателей, систематическая мобилизация общественного мнения вокруг судебных процессов, участие трудящихся в работе суда в качестве народных заседателей, простота, краткость и ясность советских уголовных законов — все это содействует в огромной степени тому, чтобы самая постановка вопроса об отсутствии у подсудимого сознания противоправности окончательно потеряла всякое основание.

Таким образом, вопрос об отсутствии сознания противоправности может уже в современных условиях возникать в СССР в исключительных случаях, в отношении лишь отдельных, притом немногочисленных и представляющих с этой точки зрения исключение, преступлений.

Опубликованные, начиная с 1938 г., материалы практики Верховного суда СССР почти не содержат дел, по которым ставился бы вопрос об отсутствии сознания противоправности в отношении преступлений, обрисованных в уголовных кодексах союзных республик и в отдельных союзных законодательных актах. Если в настоящее время вопрос об отсутствии сознания противоправности изредка и встает в судебной практике, то это имеет место лишь в отношении вновь изданных законов, которые почему-либо в течение ближайшего времени после их издания, измеряемого обычно днями (а иногда и часами), не успели стать известными подсудимому².

¹ Правильно у М. М. Исаева: «Нельзя допустить, чтобы виновный не знал о том, что измена Родине, расхищение социалистического имущества, убийство, изнасилование, кража личного имущества являются действиями преступными». «Советское право в период Великой Отечественной войны», Часть II, М., 1948 г., стр. 26.

² См. у М. М. Исаева: «Когда действия, до того не запрещенные специальными законами, объявляются преступными, ссылка обвиняемого в первое время действия такого закона, что он не знал и по условиям места своего пребывания не мог быть осведомлен об издании закона, должна быть всесторонне рассмотрена. Уголовная ответственность за самовольный проезд в товарных поездах установлена была Указом 9 апреля 1941 г. Верховный суд СССР (Железнодорожная коллегия) и в военное время прекращал дела

Необходимо особо отметить, что результатом установления в виде исключения отсутствия у подсудимого сознания противоправности своих деяний может быть не только признание подсудимого невиновным, но и признание его вины меньшей. Оценка поведения подсудимого в таких случаях может быть различной. Она не обязательно выражается или в форме безоговорочного признания его виновным, или в форме признания отсутствия всякой вины. Вина его может быть признана большей или меньшей. Нет никаких оснований отказываться в некоторых случаях от признания меньшей вины на основании отсутствия у подсудимого сознания противоправности его поведения. Такой вывод основывается и на законе. «Основные начала» 1924 г. установили, что более мягкая мера наказания определяется судом, если преступление совершено «по невежеству, неосознанности или случайному стечению обстоятельств». Это положение воспроизведено в п. «з» ст. 48 УК РСФСР 1926 г. «Невежество» и «неосознанность» могут относиться и к сознанию противоправности совершенного деяния.

При исследовании вопроса о значении отсутствия у обвиняемого сознания противоправности своего поведения встает ряд юридических вопросов.

Так, прежде всего необходимо исследовать вопрос о соотношении двух понятий: отсутствия сознания противоправности и юридической ошибки, заключающейся в ошибочном представлении лица о непротивоправности совершаемых действий.

В учебниках советского уголовного права эти два вопроса рассматриваются отдельно друг от друга как два самостоятельных вопроса учения о вине¹. Вопрос о зна-

за отсутствием состава преступления, если нарушение новой нормы имело место в первое время действия закона, а виновный не мог еще знать о новом законе». — «Советское право в период Великой Отечественной войны», Часть II, М., 1948 г., стр. 26. По вопросу о применении Указа 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к действиям, имевшим место 5 июня 1947 г., см. определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 29 октября 1947 г. по делу Старикова и Усольцева. — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1948 г., вып. II, стр. 1.

¹ Так ставится вопрос у А. Н. Трайнина, Уголовное право, Часть Общая, 1929 г., стр. 268 — 269; у А. А. Пионтковского, Советское уголовное право, том первый, Общая часть; 1929 г.,

чение сознания противоправности рассматривается при исследовании вопроса об умысле; вопрос об юридической ошибке — как часть вопроса о влиянии ошибки на форму ответственности.

Между тем нетрудно убедиться, что между юридической ошибкой, заключающейся в ошибочном представлении лица о непротивности совершаемых действий, и отсутствии сознания противоправности никакой разницы нет. В самом деле, достаточно обратиться к любому учебнику Общей части уголовного права, чтобы убедиться в том, что и сами авторы учебников не в состоянии достаточно четко провести это различие. Рассуждая о юридической ошибке, заключающейся в ошибочном представлении лица о непротивности совершенных им действий, они не могут обойтись без привлечения соображений о значении отсутствия сознания противоправности. Так, например, в учебнике Общей части уголовного права Всесоюзного института юридических наук (изд. 1948 г.) в § 77 «Влияние ошибки на форму виновности» можно прочитать: «Вопрос об этой юридической ошибке в системе советского уголовного права сводится к вопросу о значении заблуждения лица, совершившего преступление, относительно общественно-опасного характера своих действий... Сознание общественной опасности деяния мы предполагаем имеющимся у всякого совершающего умышленное преступление. Поэтому ошибочное представление субъекта о непротивности совершаемых действий, по общему правилу, не устраняет ответственности лица»¹.

стр. 241 — 242 и 247 — 249. Из новейших учебников — во всех трех изданиях (1938, 1939 и 1943 гг.) учебника Всесоюзного института юридических наук «Уголовное право. Общая часть»; учебник для юридических школ 1940 г., стр. 54 и 56 и 1947 г., стр. 82 — 83 и 85; у А. А. Герцензона, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 331 — 332 и 341. В 4-м издании учебника Общей части уголовного права оба вопроса рассматриваются попрежнему в разных параграфах (§ 76 «Формы виновности») — и § 77 — «Влияние ошибки на форму виновности»), однако делается уже попытка связать эти вопросы.

¹ Уголовное право. Общая часть, изд. 4-е, 1948 г., стр. 353. В учебнике «Уголовное право. Часть Общая», 1948 г. А. Герцензона (стр. 341), считающего, что отсутствие сознания противоправности деяния исключает вину, в разделе об юридической ошибке имеет место то же самое явление. В разделе об ошибке автор говорит о таком положении, при котором «у субъекта действительно

Как выше уже указывалось, было бы неправильным сводить последствия отсутствия у подсудимого сознания противоправности совершенного им деяния только к исключению вины или только к признанию вины. В таких случаях возможно и третье, а именно: смягчение вины подсудимого. При выборе одного из трех этих юридических последствий отсутствия сознания противоправности не может не иметь значения основание отсутствия такого сознания. Субъект мог оказаться в таком положении, что он по извинительным основаниям не мог знать о противоправности своего поведения (например, незнание только что изданного нового закона). Для него незнание противоправности своего поведения — случай, за который он не может нести ответственности¹.

Зорни был осужден по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 г. за продажу на сторону излишнего каменного угля в Кала-и-Маре. Так как сделка была совершена 19 февраля 1941 г., а материалами дела было установлено, что газеты, в которых опубликован Указ от 10 февраля 1941 г., были получены в Кала-и-Маре 22 февраля 1941 г., а по радио об издании Указа в Кала-и-Маре нельзя было знать за отсутствием там радиоустановки, — Судебная коллегия Верховного суда СССР дело за отсутствием состава преступления прекратила².

Такое же решение Верховный суд СССР вынес по делу Березкиной, в котором речь также шла об отсут-

не было сознания противоправности». И в этом учебнике, не признающем правила — «никто не может оправдываться незнанием закона», ничем не обосновано рассмотрение одного и того же вопроса раздельно, как якобы двух самостоятельных вопросов.

¹ Правильно Н. И. Жижиленко в Практическом комментарии к Уголовному кодексу под ред. М. Гершета и А. Трайнина, 1924 г.: «В отдельных случаях суд может принять во внимание извинительность этого незнания, поскольку виновный по обстоятельствам дела не только не знал, но и не мог знать о запрещенности учиненного и, таким образом, добросовестно заблуждался относительно правомерности совершенного им деяния» (стр. 29).

² «Социалистическая законность», 1942 г., № 9, стр. 29. См. аналогичное определение Верховного суда РСФСР 7 февраля 1927 г. «... указание постановление СНК к моменту заключения договора найма (в мае месяце 1925 г.) могло быть неизвестно не только панимателям, но и местным сельским властям, (поэтому) надлежит признать, что поставленное в вину Сабуровым деяние не является уголовно-наказуемым». — «Судебная практика», 1927 г., № 10.

ствии у подсудимой сознания противоправности поведения, но противоправности, вытекающей из давно уже действующего закона. Березкина и Штейнгард претендовали на один и тот же участок земли. Несмотря на возражения Березкиной, Штейнгард вскопала часть земельного участка и посадила около 9 кг картофеля. Березкина обратилась в отделение милиции. Ответственный дежурный отделения предложил Березкиной возвратить Штейнгард посаженный картофель, не оставиваясь перед тем, чтобы выкопать его из земли. Березкина выполнила это явно незаконное указание: картофель выкопала и на участке посадила свои овощи. Березкина была осуждена по ч. 2 ст. 79 УК РСФСР. Судебная коллегия Верховного суда СССР дело прекратила на следующем основании: «Хотя милиция и не является надлежащим органом для разрешения такого рода споров, и указание, данное ответственным работником этого отделения милиции, явно незаконно, тем не менее надо признать, что при таких условиях в действиях Березкиной, которая едва ли могла разобраться в полномочиях должностного лица, к которому она обращалась, нет состава преступления»¹.

Иначе должен решаться вопрос в тех случаях, когда юридическая ошибка является результатом небрежности подсудимого, т. е. когда подсудимый мог и должен был знать о противоправности своего поведения. Следует согласиться с М. Исаевым, считающим, что наличие неосторожного заблуждения в отношении противоправности деяния достаточно для признания субъекта виновным².

Не подлежит сомнению, что не исключает и не смягчает вины заблуждение о противоправности деяния, покоящееся на умышленном неознакомлении с законом при возможности такого ознакомления. Впрочем, такие случаи вряд ли возможны.

Не исключают вины подсудимого ссылки на то, что он только сомневался в том, является ли его действие

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. II (XVII), стр. 8.

² См. об иностранном законодательстве по этому вопросу у М. М. Исаева в работе «Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик», стр. 45, 46.

противоправным; на то, что специалист-юрист уверил подсудимого в том, что деяние непротивоправно, или на то, что и другие поступали так же, как подсудимый, и т. п.

§ 3. Воля как элемент умысла

Советская наука уголовного права отрицательно относится к чуждой ей волевой теории буржуазных криминалистов. Волевая теория, как и теория представления, является теорией реакционной и антинаучной. Эта теория получила большое распространение в буржуазной литературе, и ознакомление с ней необходимо для того, чтобы иметь полное представление о постановке проблемы вины в буржуазной литературе. Эта теория явилась одной из тех антинаучных основ, на которых уродливо развилась фашистская «волевая теория» гитлеровских криминалистов, стоившая жизни сотням тысяч демократов, антифашистов и коммунистов.

Волевая теория сводится, в кратких чертах, к следующему¹. Она усматривает сущность умысла в воле, направленной на осуществление состава преступления. Большинство представителей этой теории считает, что волевыми могут быть только предвидимые (представляемые) последствия деяния. Они ставят вопрос: в каких случаях предвидимые (представляемые) последствия деяния следует считать волевыми, в каких случаях — нет. Отвечая на этот вопрос, они утверждают, что волевыми следует считать те последствия деяния, к которым субъект стремится как к желаемым, независимо от степени вероятности их наступления, т. е. к которым он стремится даже в том случае, когда они ему представляются только возможными или даже невероятными. Волевыми следует признать и те последствия, которые представляются субъекту неизбежно связанными с желаемыми им последствиями, хотя бы их наступление было безразлично или даже неприятно субъекту.

¹ С ненужными и ничтожными модификациями эта теория бесконечно и бесплодно повторяется во множестве работ буржуазных авторов, пережсывающих несколько основных мыслей волевой теории и не вносящих ничего нового. Длиннейший перечень этих работ см. у Нирре, *op. cit.*, S. 488, *Анш.* 3. Краткое изложение волевой теории, библиографические данные у В. С. Познышева, *Основные начала уголовного права, 1912 г.*, стр. 270 и след.

Волевая теория в изложении одного из ее представителей — Гиппеля сводится к тому, что сущность умысла состоит в воле, направленной на осуществление состава преступления. Но так как волимы могут быть только представляемые последствия деяния, то проблема умысла гласит так: в каких случаях представляемые последствия деяния являются волимыми и потому умышленно причиненными и в каких случаях они таковыми не являются, т. е. являются причиненными не умышленно, а неосторожно или случайно? На этот вопрос Гиппель пытается дать ответ. По его мнению волимыми являются те последствия, к которым подсудимый стремился как к последствиям, соответствующим его желанию, независимо от степени вероятности их наступления. Таким желательным последствиям противостоят последствия, которые, будучи взяты сами по себе, безразличны для деятеля или даже неприятны ему, хотя бы он и допускал их как средство достижения желаемых им последствий. Речь идет при этом о последствиях, которые были желательны для подсудимого в момент наличия у него решимости совершить преступление, а не стали желательными после совершения преступления. Желательные последствия деяния Гиппель разделяет на решающие, т. е. такие, при отсутствии которых деяние не было бы вообще совершено, и на побочные, которые лишь укрепляют имеющуюся уже решимость на совершение деяния.

Классовый смысл волевой теории ясен. Она направлена на расшатывание понятия вины, на сведение вины к произвольно толкуемым буржуазным судом психическим процессам, на легализование произвола суда при решении вопроса о направлении воли и на придание этим произвольным решениям законной силы.

Вопрос о значении воли как элемента умысла советское законодательство разрешало принципиально иным самостоятельным путем, находящимся в соответствии с морально-политическим содержанием вины в советском уголовном праве.

Советские криминалисты и в этом вопросе исходили из положения о единстве сознания и воли как взаимно предполагающих друг друга элементах умысла.

Необходимо признать поэтому лишенной всякого основания попытку сознательного отказа от включения волевого момента в определение умысла, предпринятую

в недавнее время в советской юридической литературе В. Лифшицем, по мнению которого введение в определение вины волевого момента ничего не прибавило бы и не убавило бы к содержанию понятия умысла. Для В. Лифшица ввести в данное им определение умысла признак воли — значит допустить ненужную тавтологию. Доказательства в пользу этого утверждения носят у В. Лифшица абстрактный, формалистический характер¹. Нетрудно убедиться, что, изгнав момент воли из определения умысла, он оправдывает эту никому не нужную и теоретически весьма неуклюжую операцию тем, что волевой момент сам по себе заключен в формулировке момента сознания. Автор, следовательно, волю как необходимый составной элемент умысла не отрицает, но путем абстрактно-формалистических конструкций, пользуясь неуместными математическими сравнениями, желает во что бы то ни стало сконструировать такую формулировку умысла, в которой бы внешне, чисто словесно, отсутствовало упоминание воли.

Скрывать волевой момент в содержании умысла, прятать его за ловко подобранными словесными вывертами, как это делает В. Лифшиц, — это не значит содействовать раскрытию содержания умысла. К тому же скрывание волевого момента, хотя бы даже в определении умысла может иметь только отрицательное влияние на практических работников, внимание которых должно, наоборот, фиксироваться и на волевом элементе умысла.

Наконец, скрывать волевой момент — это значит затушевывать наиболее характерный признак умысла в отношении наиболее опасных для социалистического государства преступлений. Наиболее резко преступная воля проявляется в контрреволюционном умысле. Именно преступная воля больше всего характеризует умысел, направленный на эти преступления. Контрреволюционная цель, т. е. направление воли преступника на причинение ущерба основам советского строя, — вот что более всего характеризует контрреволюционный умысел и служит критерием, отличающим контрреволюционные преступления от других преступлений.

¹ В. Я. Лифшиц, К вопросу о понятии эвентуального умысла, «Советское государство и право», 1947 г., № 7, стр. 41.

Преступное направление волн — это наиболее яркий и характерный признак умысла при хищениях социалистической собственности. Товарищ Сталин говорил о хищениях социалистической собственности, совершаемых «бывшими людьми»: «они чувствуют как бы классовым инстинктом, что основой советского хозяйства является общественная собственность, что именно эту основу надо расшатать, чтобы напакостить Советской власти, — и они действительно стараются расшатать (разрядка моя — Б. У.) общественную собственность путем организации массового воровства и хищения»¹. «Старание расшатать общественную собственность», т. е. воля, направленная на такое расшатывание, — это наиболее характерная черта умысла на совершение хищений социалистической собственности». Точка зрения В. Лифшица противоречит взглядам на этот вопрос всех других советских криминалистов, которые в определении умысла придают волевому моменту такое же значение, как и моменту сознания (представления). Так поступают А. Герцензон², М. Шаргородский³, А. Трайнин⁴, А. Пионтковский (в учебнике изд. 1929 г.)⁵ и др. Так же поступают учебники для юридических школ издания 1940⁶, 1943⁷ и 1947 гг.⁸.

§ 4. Специальные вопросы учения об умысле

1. Ст. 6 «Основных начал» 1924 г. ввела в определение умысла и неосторожности признак предвидения или отсутствия предвидения последствий деяния. Умысел характеризуется предвидением последствий, неосторожность — отсутствием предвидения при должнствовании

¹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, 10-е изд., стр. 508.

² А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 333.

³ М. Шаргородский, Вина и наказание в советском уголовном праве, стр. 6.

⁴ А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 266.

⁵ А. Пионтковский, Советское уголовное право, 1929 г., стр. 239.

⁶ Советское уголовное право, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 53.

⁷ Уголовное право, учебник для юридических школ, 1943 г., стр. 75.

⁸ Уголовное право, учебник для юридических школ, 1947 г., стр. 81 — 82.

их предвидения. Между тем советское уголовное право знает составы преступлений, при которых вопрос об отношении субъекта к последствиям деяния вовсе не встает. Это так называемые формальные преступления, о которых учебник Общей части уголовного права ВИЮН говорит как о преступлениях, «в которых уголовный закон считает объективной стороной состава самый факт совершения человеком действия или бездействия, независимо от дальнейших последствий, вызванных ими во внешнем мире»¹.

В отношении формальных преступлений встает вопрос: могут ли они совершаться умышленно, коль скоро при них теряет всякое значение или даже вовсе отсутствует столь существенный признак умысла, как предвидение последствий своего деяния?

Это противоречие между природой формальных преступлений и предвидением последствий как элементом умысла А. Трайнин пытался устранить при помощи доказательства, что нет преступлений, которые не предполагали бы причинения вредных последствий. «Допускать наличие беспоследственных преступных действий, — говорит А. Трайнин, — значит допускать ответственность без вины, — положение, явно противоречащее основам социалистического правосудия и действующему советскому законодательству»².

В советском уголовном праве можно найти правильное разрешение рассматриваемого вопроса, не требующее ликвидации понятия формальных преступлений и в то же время не исключающее умысла при формальных преступлениях. При формальных преступлениях у виновного отсутствует предвидение последствий в их конкретной форме. Но совершающий формальное преступление сознает в общей форме, что его действия причинят вредные последствия. Так, например, военнообязанный, не являющийся для отбывания воинской службы, не может не сознавать и сознает, что его действия наносят вред интересам СССР, хотя он не может предвидеть и не предвидит конкретной формы этого вреда.

Кроме того, при формальных преступлениях виновный сознает фактические обстоятельства состава соверше-

¹ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 299.

² А. Трайнин, Учение о составе преступления, стр. 85.

ного им преступления¹. Таким образом, интеллектуальная сторона умысла (сознание) имеется в психике виновного и при формальных преступлениях.

2. Судебная практика знает случаи приведения себя виновным в состоянии, в котором он не мог отдавать себе отчета в своих действиях и руководить ими².

Подобные случаи в старой, иностранной и русской литературе известны под названием *actiones liberae in causa seu ad libertatem relatae*, т. е. «действия, свободные в своей причине». Они составили в свое время предмет отвлеченнейших споров, связанных с юридической их квалификацией, и породили, несмотря на незначительность вопроса, большую литературу³.

Можно привести примеры подобных действий. Мать легла спать с новорожденным ребенком, не предвидя при этом, что она может его во сне задушить, что в действительности и произошло; стрелочник напился пьяным до потери сознания, чтобы не перевести стрелки, результатом чего явилась авария поезда; намеревающийся совершить убийство специально напился пьяным, чтобы создать в себе решимость на совершение убийства (этот

¹ См. Советское уголовное право, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 54.

² См. М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в практике Верховного суда СССР, 1948 г., стр. 76—77; Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 322—323. Здесь автор А. А. Понятковский, несомненно рассматривает данный вопрос в связи с невменяемостью и в главе о невменяемости. Это неправильно, так как при «действиях, свободных в своей причине» центр тяжести вопроса не в том состоянии невменяемости, в которое виновный привел себя, а в его отношении к приведению себя в состояние невменяемости. Состояние невменяемости, как таковое, в данном случае никакого интереса не представляет и ничем не отличается от состояния невменяемости вообще. Юридический интерес представляют только действия, при помощи которых виновный привел себя в состояние невменяемости, и его психическое отношение к этим действиям и их последствиям. Вопрос о «действиях, свободных в своей причине», следует рассматривать, поэтому, в главе об умысле. Так же М. М. Исаев в указ. работе, стр. 76.

³ Имеется даже специальная монография по этому вопросу, бедному проблемами и весьма просто решаемому: А. Koizenstein, *Die Straflosigkeit der actiones liberae in causa*, 1901. Подобные монографии — образец буржуазной схоластики, ненужного осложнения просто решаемых вопросов и бесплодных юридических конструкций, имеющих, однако, определенную политическую цель: максимально осложнив простой вопрос, сделать его недоступным для неспециалистов, т. е. для народа.

случай имеет в виду примечание к ст. 10 УК УССР, согласно которому меры наказания применяются к лицам, которые привели себя в состояние опьянения для того, чтобы совершить преступление). В состоянии невменяемости виновный может привести себя не только путем, опьянения, но и другим способом (прием сильно действующего снотворного, обращение к гипнотизеру, чтобы вызвать искусственный сон или потерю способности двигаться в нужный момент и др.).

Вопрос об ответственности за «действия, свободные в своей причине», решается в советской юридической литературе следующим образом: юридически решающим является тот момент, когда виновный умышленно или неосторожно создал положение, которое необходимо повлекло за собою возможность наступления преступных последствий. В этот именно момент был реализован виновным его умысел или совершены по неосторожности вменяемые в вину действия.

Таким образом, вина лица со стадии совершения действия или бездействия в состоянии невменяемости переносится в стадию предшествующую, т. е. в ту стадию, когда умышленно или неосторожно виновным было создано состояние невменяемости.

Как видно, случаи, относимые советским уголовным правом к «действиям, свободным в своей причине», — это случаи, «где преступный результат, хотя и был учинен в момент, когда виновный не отдавал отчета в своих действиях и не мог руководить своими поступками, тем не менее преступный результат все же был обусловлен виновным действием субъекта, совершенным до того еще, когда субъект находился в этом состоянии»¹.

Практика советских судов придерживается этой же точки зрения². В то же время практика различает между «действиями, свободными в своей причине», совершенными не только умышленно, но и по неосторожности или даже случайно. Так, например, Савельева была осуждена по п. «д» ст. 136 УК РСФСР за то, что она, желая избавиться от ребенка, ночью задушила свою пятимесячную дочь Иру. Савельева показала, что она была больна, и когда ночью заплакал ребенок, то нечаявшая у нее зна-

¹ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 322.

² М. Исаев, Там же, стр. 76.

комая Баранова подала ей из люльки ребенка, которого она, Савельева, приложила к груди, а сама заснула и через некоторое время обнаружила ребенка мертвым. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала, что в данном случае смерть ребенка можно объяснить только несчастным случаем, происшедшим во время сна матери и ребенка на одной кровати, во время кормления ребенка грудью¹.

3. Практика знает случаи, когда виновный умышленно совершает одно преступление, чтобы при помощи его добиться наступления другого преступного результата, не входящего в состав совершенного им преступления. Так, например, виновный совершает поджог чужого дома с той целью, чтобы во время пожара погиб его враг. Фактически в действиях виновного имеется совокупность двух преступлений: поджог и убийство.

Какова форма вины субъекта по отношению к каждому из совершенных им преступлений? Можно ли в приведенном примере сказать, что в отношении поджога у виновного имелся эвентуальный умысел, так как он не желал, чтобы подожженный им дом сгорел, а только допускал это, как необходимое средство для достижения своей цели, т. е. для совершения убийства?

Такое решение вопроса было бы неправильным, так как оно покоилось бы на смешении особенностей рассматриваемого случая с особенностями положения при эвентуальном умысле. При эвентуальном умысле цель, к которой стремится виновный, например, получение страховой суммы после поджога дома, выполняется одним уже совершением поджога дома. Необходимые или вероятные побочные последствия поджога (гибель ребенка, находящегося в горящем доме) не входят в цель виновного, не нужны ему. Он их не желает, он только с ними мирится. В рассматриваемом же случае, наоборот, наступившие последствия (гибель человека в огне) составляют основную цель виновного.

Таким образом отношение виновного к поджогу дома в данном случае совершенно иное, чем у виновного при эвентуальном умысле. Поджог в данном случае — это средство для достижения основной цели (убийства). Без

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. VI, стр. 11.

этого средства субъект не мог бы добиться достижения основной своей цели. Желая добиться основной своей цели, он не может и не желать выполнения средства, ведущего к цели. Его отношение к этому средству характеризуется предвидением и желанием, т. е. прямым умыслом.

Таким образом, в данном примере имеется совокупность двух преступлений, — преступления, являющегося средством (поджог), и преступления, являющегося целью субъекта (гибель потерпевшего), причем каждое из этих преступлений совершается с прямым умыслом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОСВЕННЫЙ УМЫСЕЛ

§ 1. Вопрос о целесообразности понятия косвенного умысла

Проблема косвенного (эвентуального) умысла рассматривается обычно как чисто юридическая проблема. С чисто юридической точки зрения рассматривают эту проблему и некоторые советские авторы¹. Между тем проблема косвенного умысла, это, прежде всего, проблема поведения человека в обществе, — поведения, имеющего определенное морально-политическое содержание и заслуживающего отрицательную морально-политическую оценку со стороны советского суда.

Различное морально-политическое содержание имеет понятие эвентуального умысла в буржуазном и в советском уголовном праве. Различия этого нельзя найти в различии юридических конструкций. Его можно и нужно искать в самой природе этого института, как института советского уголовного права в противоположность эвентуальному умыслу, как институту буржуазного уголовного права.

Морально-политический характер эвентуального умысла и различие в морально-политическом его содержании в социалистическом и в буржуазном уголовном праве вытекают из самого существа эвентуального умысла.

Перед совершением каждого умышленного преступления (идет ли речь о прямом или эвентуальном умысле) в психике субъекта, как правило, происходит борьба между двумя интересами — одним, незаконным (преступным), с точки зрения господствующего класса (интерес

¹ Это относится и к статье В. Лифшица, специально посвященной эвентуальному умыслу, «Советское государство и право», 1947 г., № 7.

в совершении преступления), и другим, законным (непреступным), с точки зрения господствующего класса (интерес в отказе от преступления), и если в этой борьбе побеждает незаконный интерес, то умысел приводится в исполнение, и преступление совершается. Морально-политическая оценка побежденного и победившего интереса в буржуазном государстве исходит из буржуазной морали и буржуазной правовой идеологии, а в социалистическом государстве — из социалистической морали и социалистического правосознания. Особенно сильно расхождение в морально-политической оценке умысла в буржуазном и советском уголовном праве при эвентуальном умысле, при котором с особой резкостью выступает пожертвование виновным интересов других граждан и интересов государства в пользу своих личных интересов.

В буржуазном уголовном праве, где индивидуалистические тенденции и противопоставление интересов индивида интересам коллектива не находят отрицательной оценки, эвентуальный умысел, характеризуемый подчинением интересов коллектива интересам преступника, рассматривается как форма вины, менее тяжкая, чем умысел прямой.

Между тем особенности советского уголовного права, осуждающего противопоставление интересов индивида коллективным интересам и проводящего особенно последовательно защиту общих, коллективных интересов требуют совсем иной оценки поведения виновного, действующего с эвентуальным умыслом.

Морально-политическая оценка эвентуального умысла должна исходить в советском уголовном праве из особого характера поведения гражданина при совершении преступления с эвентуальным умыслом. Для этой формы умысла особенно характерны те свойства преступника, которые глубоко противоречат правилам социалистической морали и основным принципам социалистического права, а именно: готовность виновного пожертвовать любыми, даже самыми священными для советского гражданина, интересами ради выполнения своих преступных замыслов и удовлетворения своих личных низменных интересов. Эвентуальный умысел свидетельствует об особой интенсивности преступной воли виновного, не склоняющейся перед самыми сильными контрмотивами (сознание вреда, причиняемого интересам граждан или государ-

ства и притом вреда, ненужного виновному, нежелаемого им, сознание возможности или неизбежности уголовной ответственности за ненужные виновному последствия его действий), и о резко антиобщественном характере поведения виновного, — поведения, вызывающего самую отрицательную оценку со стороны социалистического общества.

Не может быть такой отрицательной оценки эвентуального умысла в буржуазном обществе, уголовное право которого построено на принципе противопоставления частных интересов и интересов общественных и в котором удача спекулянта, мошенника, афериста, сумевшего нажиться за счет чужих интересов или за счет государства, вызывает одобрение и ставится в образец другим.

Этим различием в морально-политической оценке действий, совершаемых с эвентуальным умыслом, в советском и в буржуазном уголовном праве объясняется и различное отношение к нему в советской и в буржуазной науке уголовного права и в советском и буржуазном уголовном законодательстве.

В буржуазном уголовном праве эвентуальный умысел имеет за собою сравнительно недавнюю историю. Немецкие — да и не только немецкие — авторы приписывают предложение о введении эвентуального умысла А. Фейербаху и считают, что эвентуальный умысел родился из критики старого *dolus indirectus*. И то и другое неверно.

Предложение о введении этой формы умысла, который впоследствии получил название «эвентуального», было сделано еще в 1789 г. Бентамом, но предложение это не было воспринято¹. Немецкие криминалисты предпочли забыть об этом и приписать мысль об эвентуальном умисле А. Фейербаху. Так родилась версия, согласно которой предшественником эвентуального умысла был так

¹ См. избранные сочинения Иеремии Бентама, пер., 1867 г. «Введение в основания нравственности и законодательства»: «Когда последствие намеренно, оно может быть таковым прямо или косвенно. Оно может быть названо прямо намеренным, когда ожидание произвести его составляло одно из звеньев в цепи причин, побудивших лицо к совершению акта. Оно может быть названо косвенно намеренным, когда, хотя последствие было в виду и когда оно казалось вероятным результатом совершения акта, но ожидание произвести это последствие не составляло звена в упомянутой цепи» (стр. 75—76). Бентам и позже повторил это различие между прямой и не-прямой злонамеренностью, т. е. умыслом (см. стр. 494).

называемый *dolus indirectus* (см. выше), основанный на презумпции виновности субъекта и на смешении двух не тождественных понятий — сознания виновным возможных последствий его деяния и умысла на их наступление. *Dolus indirectus* был детищем феодальной юстиции. На его место с победой буржуазных отношений стал *dolus indeterminatus* или *eventualis*, определявшийся А. Фейербахом как «намерение преступника, направленное альтернативно на несколько правонарушений одного определенного вида или рода»¹.

Немецкие криминалисты-шовинисты неосновательно приписывают А. Фейербаху заслугу в критике феодального *dolus indirectus* и стараются столь же неосновательно преувеличить значение так называемого *dolus alternativus*, т. е. неопределенного умысла, которым А. Фейербах заменил *dolus indirectus*². А. Фейербах действительно высказал критические замечания по адресу *dolus indirectus* и развил понятие неопределенного умысла (*dolus indeterminatus s. eventualis*). Но при сколько-нибудь внимательном анализе нетрудно убедиться, что то, что Фейербах предлагал под видом эвентуального или неопределенного, умысла, было в лучшем случае не чем иным, как *dolus indirectus*.

Фейербах ввел в уголовное право понятие *culpa dolo determinata*. По утверждению А. Фейербаха, это такое отношение лица к своим действиям, при котором виновный стремился к определенной противоправной цели, но

¹ А. Feuerbach, Lehrbuch, § 59.

² А. Feuerbach, Lehrbuch, § 59. Н. Таганцев в свое время повторил это утверждение. Он писал: «под ударами Фейербаха, а затем Круга распалось прежнее учение о непрямом умысле» (Н. Таганцев, Русское уголовное право, 1902 г., т. 1, стр. 601). В советской литературе это утверждение почти дословно повторено в учебнике Общей части уголовного права (ВИЮН, 1943 г., стр. 3) А. Пионтковским: «под ударами критики Фейербаха падает старое учение о *dolus indirectus*». И в 4-м изд. того же учебника эта фраза повторена почти дословно (и здесь фигурируют «удары критики»). с тем, однако, что на сей раз в этой фразе упущено имя А. Фейербаха (стр. 365). Однако из предшествующего изложения видно, что эти «удары критики» наносились старому учению А. Фейербахом (стр. 364 — 365). Как будет ниже показано, легенда о положительной роли А. Фейербаха в критике феодального *dolus indirectus* воспроизведена А. Пионтковским совершенно некритически. А. Фейербах в действительности стремился сохранить феодальный *dolus indirectus* под маской *culpa dolo determinata*».

при этом действие, направленное им на реализацию этой цели, произвело другое противоправное последствие, которое он предвидел или мог предвидеть, как возможное последствие своего деяния. Фейербах утверждал, что в подобных случаях имеется умысел в отношении последствий, к которым виновный стремился, и неосторожность в отношении тех последствий, которые независимо от намерения виновного наступили в результате действия, направленного на достижение другой противоправной цели¹.

Еще русский криминалист С. Баршев (1840 г.) подметил, что предложение Фейербаха о введении в уголовное право *culpa dolo determinata* означало, что «Фейербах не считал нужным *dolus indirectus* вовсе изгнать из области уголовного права, но признал, напротив, за необходимость оставить его жить в ней под другим названием»². С. Баршев был прав, когда заявлял, что за *culpa dolo determinata* скрывается под другим названием старый *dolus indirectus*. Фейербах, одной рукой раскритиковав старый *dolus indirectus*, другой — возродил его под видом *culpa dolo determinata*.

Дальнейшее развитие эвентуального умысла протекало в разных буржуазных странах различно³. Так, в результате длительного развития французские криминалисты считают, что эвентуальный, или не прямой (*indirect*), умысел имеется в тех случаях, когда он породил последствия более тяжелые, чем те, которые субъект предвидел или мог предвидеть. Французский криминалист Видаль приводит в качестве примера непрямого умысла побой или ранения, нанесенные беременной женщине лицом, не знавшим, что она беременна и вызвавшие аборт. Видаль возражает против того, чтобы делать субъекта в этом случае ответственным за умышленное причинение аборта. Он допускает в этом случае лишь ответственность за неосторожную вину, выразившуюся в том, что деятель не предвидел и не обратил внимание на беременность⁴.

¹ А. Фейербах, Lehrbuch, § 60.

² С. Баршев, О мере наказания, 1840 г., стр. 52 — 53.

³ Гиппель говорит о «немецком *dolus eventualis*», *Vergleichende Darstellung, Allgem. Theil, Bnd. III, S. 384*.

⁴ Vidal, Cours de droit criminel, 1921, p. 186.

Никакого развития не нашло понятие эвентуального умысла и в англо-американском уголовном праве¹.

Советское уголовное право с исключительной быстротой разработало свою самостоятельную формулу эвентуального умысла. Она была дана уже в УК РСФСР 1922 г. В советской юридической литературе формула эвентуального умысла у разных авторов отличается незначительными особенностями. В учебнике А. Пионтковского «Уголовное право РСФСР», изданном в 1924 г., было указано, что «для эвентуального умысла отношение субъекта преступления к предвиденному результату своих действий выражается в отсутствии непосредственного желания наступления предвиденных последствий, но тем не менее в сознательном допущении их наступления»². С незначительными редакционными изменениями эта формула сохранилась в последующих изданиях этого же учебника и во всех четырех (1938, 1939, 1943 и 1948 гг.) изданиях учебника *Общей части уголовного права ВИЮН*³.

Близко к этому же определению и определение эвентуального умысла, данное А. Трайниным в 1929 г. Для него эвентуальный умысел имеется в «тех случаях, когда лицо к преступному результату не стремится как к цели, когда, далее, у него нет уверенности в том, что этот преступный результат непременно наступит, но когда лицо, идя на преступление, готово допустить результат, если бы таковой и наступил»⁴. Аналогичные определения эвентуального умысла содержатся и в учебниках для юридических школ. Ничем не отличается от господствующих в советской литературе определений эвентуального умысла и определение, данное А. Герцензоном⁵.

В 1947 г. появилась первая в советской литературе статья, специально посвященная эвентуальному умыслу, — В. Лифшица. В. Лифшиц пришел к следующему определению эвентуального умысла: «Эвентуальный умысел

¹ В учебнике H a g r i s, Principles and Practice of the criminal law, 1934, нельзя найти даже указания на деление умысла на прямой и эвентуальный; также и у др. английских авторов.

² А. Пионтковский, Уголовное право РСФСР, Часть Общая, 1924 г., стр. 135.

³ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 342.

⁴ А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 266.

⁵ А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 337.

есть предвидение субъектом возможности причинения его действиями преступных последствий при отсутствии желания этих последствий и расчета на какое-либо конкретное обстоятельство, достаточное, по мнению субъекта, для предотвращения этих последствий»¹.

Советские криминалисты единодушны в положительной оценке введения в законодательство эвентуального умысла. Не может встретить поэтому сочувствия предпринятая В. Лифшицем попытка ликвидации эвентуального умысла. Попытка эта имеет к тому же чисто формалистический характер и крайне неубедительна².

В. Лифшиц считает, что, хотя понятие эвентуального умысла и не является теоретически неправильным, оно «неизбежно вызовет упрек в его практической бесполезности», если исходить из предлагаемого им общего определения умысла, охватывающего, по его мнению, также и случаи, подводимые ныне под эвентуальный умысел.

Вряд ли можно согласиться с аргументацией и с выводами Лифшица. Наивно было бы думать, что вопрос о практической целесообразности сохранения в советском уголовном праве понятия эвентуального умысла решается в зависимости от удачи охвата прямого и эвентуального умысла в едином определении. Ведь если пойти по линии подобной «аргументации», то следовало бы признать практически бесполезным и сохранение неосторожности как самостоятельной формы вины, если бы кому-либо уда-

¹ В. Л и ф ш и ц, К вопросу об эвентуальном умисле, «Советское государство и право», 1947 г., № 7, стр. 42.

² По сведениям, сообщенным А. А. Герцензоном, в 1937—1938 гг. при обсуждении одного из вариантов проекта Уголовного кодекса СССР, составленного Всесоюзным институтом юридических наук, такая же попытка была предпринята одним из работников юстиции. А. А. Герцензон пишет: «Надо сказать, что его доводы не убедили ни собрание, ни комиссию. Возражавший исходил, во-первых, из того, что понятие косвенного умысла есть лишь немецкое изобретение. Это неверно. Понятие косвенного умысла известно не только германским криминалистам, но и криминалистам всех стран. Второе конкретное предложение — исключить косвенный умысел. Однако понятие косвенного умысла несомненно играет в социалистическом праве определенную практическую роль, и указание что сами научные работники обычно не идут дальше школьного примера с поджогом здания, в котором находятся люди, неверно, ибо практика знает понятие косвенного умысла по тягчайшим преступлениям. «Труды первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 27 января — 3 февраля 1939 г.», М., 1940 г., стр. 150.

лось сконструировать такое определенное вины, которое включало бы в себя не только умысел, но и неосторожность. В. Лифшиц исходит из превратных взглядов на роль и значение определений, как бы искусно они ни были построены¹.

В зависимости от совершенно иных соображений должен решаться вопрос о практической полезности или бесполезности сохранения эвентуального умысла. Эти соображения следует искать в интересах социалистического государства по организации эффективной борьбы с преступностью и в интересах социалистической законности, требующей дифференциации уголовной ответственности в зависимости и от разных форм вины. А эти интересы требуют, безусловно, сохранения понятия эвентуального умысла, в особенности по тягчайшим преступлениям — контрреволюционным и др. Отказаться от сохранения эвентуального умысла — значило бы обезоружить советское правосудие, отнять у него одно из мощных средств борьбы с врагами народа и другими тяжкими преступниками.

Можно прийти, таким образом, к выводу, что попытки опорочить необходимость сохранения в советском уголовном праве понятия эвентуального умысла не могут быть признаны убедительными. Не отказ от понятия эвентуального умысла, а его изучение, анализ практики его применения советскими судами, дальнейшее развитие учения о нем — таковы задачи советских криминалистов.

§ 2. Интеллектуальный и волевой моменты в косвенном умысле

Положение о том, что в содержании умысла всегда сочетаются интеллектуальный и волевой моменты, имеет силу и по отношению к эвентуальному умыслу. И в отношении эвентуального умысла необходимо проанализировать отдельно интеллектуальный и волевой моменты, в нем заключающиеся. При совершении преступления с эвентуальным умыслом в психике виновного происходят определенные процессы и в сознании и в воле. Задача исследования заключается в том, чтобы эти процессы установить и проанализировать.

¹ В. Лифшиц, цит. статья, стр. 45.

А. Сознание при косвенном умысле

При анализе интеллектуального момента в психике виновного, совершающего преступление с эвентуальным умыслом, необходимо отдельно рассмотреть сознание его в отношении совершаемых им действий и других объективных обстоятельств (обстановка, время и место совершения преступления и др.), с одной стороны, и в отношении последствий его действий — с другой.

Как и при совершении преступления с прямым умыслом, в сознании лица, намеревающегося совершить преступление с эвентуальным умыслом, как правило (кроме случаев внезапно возникшего умысла), происходит известный более или менее длительный процесс обдумывания, взвешивания, оценки отдельных благ, которые субъект получит от преступления, с одной стороны, и возможных неприятных последствий преступления — с другой. В результате этого процесса субъект или приходит к отрицательному решению, или к решимости совершить преступление.

Совершая преступление с эвентуальным умыслом, виновный сознает объективную реальность, сознает все совершаемое им, представляет себе фактические и юридические обстоятельства совершения преступления. Совершая поджог с целью мести, виновный сознает, что дом принадлежит его врагу, что он совершает действия, которые вызывают огонь, что огонь распространяется на поджигаемый дом, что поджог — это действие противоправное, что в доме находится ребенок и т. д. В то же время виновный сознает, что в результате его действий дом сгорит, что может сгореть или неизбежно сгорит и ребенок, что в случае обнаружения поджога виновный будет привлечен к ответственности как за поджог, так и за убийство ребенка. Он знает, далее, что ему после совершения преступления придется симулировать пожар от случайной причины или даже придется заведомо ложно обвинить кого-либо в поджоге и т. д.

При исследовании этих психических процессов, происходящих в сознании субъекта, совершающего преступление с эвентуальным умыслом, внимание исследователей проблемы вины привлекают следующие вопросы:

1. Совершающий преступление с эвентуальным умыслом сознает, что он может достигнуть желаемой цели

лишь при условии совершения им таких действий, которые связаны или с возможностью или с неизбежностью наступления определенных ненужных ему (не волимых им) общественно-опасных последствий. Характерным для эвентуального умысла является, что для виновного эти последствия нежелательны, что они являются для него не самоцелью, а лишь вероятным или неизбежным побочным результатом его действий (гибель людей, находившихся в подожженном доме). В психике лица, совершающего преступление с эвентуальным умыслом, должно иметься сознание связи между желаемым им результатом (получение определенной суммы денег, удовлетворение чувства мести в отношении определенного лица и др.) и совершаемым им преступлением (поджог дома, ранение другого человека и т. д.).

Желаемая цель, ради достижения которой совершается преступление, может быть не только преступной, но и не преступной (например, цель лица — пустить ракету для фейерверка; лицо сознает, что ракета может вызвать пожар, но тем не менее идет на это и пускает ракету). Учебник Общей части уголовного права ВИАУ правильно указывает, что «Эвентуальный умысел на совершение данного преступления имеет место в тех случаях, когда лицо преследует какие-либо другие преступные цели или когда оно, осуществляя какие-нибудь сами по себе не преступные намерения, вместе с тем сознательно допускает возможность наступления данного преступного результата»¹. Но в том и другом случае в психике виновного имеется сознание, что достижение желательного для него результата может наступить лишь при условии вероятности или неизбежности наступления нежелательных для него преступных результатов.

М. М. Исаев утверждает, что психическое состояние в виде эвентуального умысла «возможно и тогда, когда виновный и не преследует каких-либо иных преступных целей и когда преступные последствия его действий не являются «побочным» их продуктом»². Иными словами, по мнению М. Исаева, возможно положение, когда лицо

¹ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 340.

² М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в Судебной практике Верховного суда СССР, 1948 г., стр. 61.

совершает преступление с эвентуальным умыслом вне зависимости от какой-либо преступной или не преступной цели. Утверждение М. Исаева сводится, таким образом, к тому, что существуют безмотивные преступления, совершаемые притом с эвентуальным умыслом.

Свое утверждение М. Исаев основывает на анализе дела Сажина, по которому было вынесено 17 сентября 1946 г. постановление Пленума Верховного суда СССР. Обстоятельства дела Сажина, которые дали М. М. Исаеву основание выставить свое утверждение, изложены в постановлении Пленума следующим образом: «Сажин и осужденный с ним по данному же делу Оселков 18 марта 1946 г., находясь в нетрезвом состоянии, вышли на перрон вокзала ст. Пермь-III и направились к пригородному поезду. При этом Оселков допустил ряд хулиганских действий и в частности сорвал головной убор у одной гражданки, направлявшейся на посадку к поезду, и схватил ее за грудь. Один из пассажиров вступился за эту гражданку, между ним и Оселковым началась драка, в результате которой Оселков, получив удар бидоном по голове, упал. Сажин, заметив Оселкова лежащим на земле, выхватил пистолет системы «Браунинг» и стал наносить им удары по голове гражданину, дравшемуся с Оселковым, и при этом произвел три выстрела, которыми были убиты Назаров и Нифонтов, находившиеся в это время в тамбуре вагона № 2238 поезда № 112. Произведя затем еще один выстрел в воздух, Сажин пытался скрыться, но был задержан»¹.

Можно ли при наличии таких обстоятельств утверждать, что у Сажина не было никакой цели, никаких мотивов для выстрелов? Для такого утверждения, повидному, нет оснований. У Сажина при стрельбе, как видно из дела, могли быть разные мотивы и цели: хулиганские соображения, как и у его соучастника, Оселкова, желание недопустить ничьей помощи гражданке, дравшемуся с Оселковым, желание запугать этого гражданина и тем помочь Оселкову и др. Преследуя одну из этих целей, Сажин и произвел выстрелы, хотя и сознавал, что от выстрелов могут пострадать другие люди. Он не остановился даже перед выстрелами, лишь бы добиться своей цели.

¹ См. постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 сентября 1946 г.; — М. М. Исаев, там же, стр. 57 — 60.

Таким образом, дело Сажина отнюдь не подтверждает вывода М. М. Исаева и не колеблет положения, что для эвентуального умысла характерно наличие у виновного определенной цели, которой он может достигнуть лишь путем вероятности или неизбежности определенных нежелательных им преступных последствий.

2. В советской юридической литературе при анализе эвентуального умысла обычно утверждается, что виновный сознает возможность или вероятность наступления побочных преступных последствий своего деяния¹. Не является в этом отношении исключением, несмотря на некоторое различие в терминологии и А. Трайнин. Он говорит, что «у субъекта при эвентуальном умысле нет уверенности, что этот преступный результат наступит»². Однако формула «нет уверенности» по своему содержанию равнозначна сознанию возможности.

Анализируя утверждение, что при эвентуальном умысле у виновного имеется лишь сознание возможности (или вероятности) наступления преступных последствий, следует внести в это утверждение некоторый корректив. Действительно, в ряде случаев у лица, действующего с эвентуальным умыслом, отношение к нежелательным побочным последствиям выражается в сознании лишь возможности (вероятности) наступления этих последствий. Виновный рассчитывает на то, что преступные последствия могут и не наступить (например, люди, находящиеся в поджигаемом доме, могут спастись). Давший беременной женщине опасное для здоровья или жизни средство для совершения аборта рассчитывает, что средство это может и не причинить вреда. Наступление вреда для него представляется только возможным, вероятным.

Возможны также случаи, когда виновный, действовавший с эвентуальным умыслом, надеялся на ненаступление нежелательных последствий, но надеялся на это не на осно-

¹ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 34; Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, стр. 338, учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 53, изд. 1943 г., стр. 47; изд. 1947 г., стр. 23. М. Шаргородский, Проблемы общей части уголовного права в практике Верховного суда СССР, «Советская юстиция», 1941 г., № 16, стр. 10.

² А. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 266.

ванни каких-либо данных, позволяющих рассчитывать на благоприятный исход, а действуя «на авось», на счастье. В таких случаях виновный действует не преступно самонадеянно, так как при самонадеянности виновный, хотя и легкомысленно, но все же рассчитывает на ненаступление преступных результатов, а с эвентуальным умыслом, так как виновный не исключает вовсе наступления преступных результатов.

Возможны, однако, наряду с такими случаями и случаи, когда виновный сознает неизбежность (необходимость) наступления нежелаемых последствий. Поджигатель может сознавать, что в поджигаемом доме находится инвалид, неспособный передвигаться, что во время поджога никого другого в доме нет, что инвалиду этому помощи ждать неоткуда и что, следовательно, он неизбежно погибнет во время пожара.

В опубликованных постановлениях и определениях Верховного суда СССР по делам о преступлениях, совершенных с эвентуальным умыслом, речь идет только о сознании возможности наступления преступных последствий. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 14 июля 1947 г. по делу Дьяченко указала: «Стрелял Дьяченко для того, чтобы напугать Харитонову и заставить его уйти. Стреляя, он не имел цели лишить жизни потерпевшего. Он не имел и цели причинить ему какое-либо телесное повреждение. Однако, та обстановка, в которой были произведены выстрелы Дьяченко, свидетельствует о том, что у него было сознание возможности (курсив мой. — Б. У.) причинения какого-либо вреда личности Харитонову (выстрелы производились ночью, в ту сторону, где находился Харитонов). Следует признать, что Дьяченко предвидел возможность (курсив мой. — Б. У.) ранения потерпевшего и сознательно это допускал, т. е. причинил телесное повреждение с эвентуальным умыслом»¹.

Но наличие в отдельных конкретных делах сознания при эвентуальном умысле лишь возможности наступления преступных последствий не исключает также случаев, когда последствия будут сознаваться как неизбежные, необходимые. Можно поэтому согласиться с форму-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1947 г., вып. VIII, стр. 21.

лировкой М. Исаева: «Для наличия умысла вообще, для косвенного умысла в частности вовсе не требуется, чтобы виновный предвидел неизбежность наступления результата. Совершенно достаточно предвидения возможности его наступления»¹. Иными словами при эвентуальном умысле достаточно сознания возможности наступления нежелаемых последствий, но вовсе не исключается и сознание неизбежности наступления таких последствий².

Б. Воля при косвенном умысле

Вопрос о волевом моменте при эвентуальном умысле является более сложным, чем вопрос о воле при прямом умысле. Вопрос ставится так: желает ли (волит) виновный при эвентуальном умысле ненужные ему или даже определенно не желаемые для него преступные последствия своего деяния или же он их не желает (не волит)?

В действительности дело обстоит так: при эвентуальном умысле у виновного имеется воля, направленная на совершение деяния и на наступление желаемых виновным последствий, и отсутствует воля на наступление последствий, не желательных для виновного. В отношении этих последствий у виновного имеется сознание их неизбежности или вероятности (в зависимости от обстоятельств дела), — сознание, неспособное изменить волю на совершение преступления. Иными словами, при эвентуальном умысле в психике виновного имеется воля и сознание в отношении желаемых последствий и только сознание — в отношении последствий нежелаемых, причем сознание нежелаемых последствий и ответственности за

¹ М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1948 г., стр. 63.

² А. А. Понтоковский утверждает, что «при умысле эвентуальном предвидение последствий своих действий может выражаться лишь в предвидении вероятности, возможности их наступления. Когда лицо предвидит неизбежность наступления последствий своих действий, нельзя говорить, что оно их не желает, а лишь сознательно допускает» (Уголовное право, Общая часть, 1948 г., стр. 340). Для этого утверждения нельзя найти основания ни в законе, ни в практике. Пример сознания неизбежности наступления нежелаемых последствий приведен выше. Вопрос о грани между прямым и косвенным умыслом решается по психическому отношению, а именно по направлению воли (желал или не желал). Возможно, что виновный соглашался на наступление не желаемых им последствий, когда он сознавал и неизбежность их наступления.

них может вступать в конфликт с волей виновного, направленной на желаемые последствия.

Это положенно находится в соответствии с господствующими среди советских криминалистов взглядами на эвентуальный умысел. Ни одна из имеющихся работ в советской литературе (учебников, статей) не усматривает при эвентуальном умысле наличия у виновного воли в отношении нежелаемых последствий, хотя в большинстве работ соответствующие формулировки недостаточно четки и полны¹.

Особенностью эвентуального умысла является, далее, то, что отсутствие воли, направленной на наступление нежелаемых последствий, не в состоянии парализовать волю, направленную на достижение последствий желаемых. Вся воля лица, действующего с эвентуальным умыслом, направлена на желаемые последствия. Было бы внутренним противоречием утверждать, что его воля направлена и на нежелательные для него последствия, так как желать (волить) нежелательное — это психологическая бессмыслица. Вменяемое лицо не может желать (волить) нежелательных, грозящих ему тяжелыми последствиями, результатов своих действий.

Как выше уже указывалось, вопреки часто встречающемуся взгляду, что эвентуальный умысел свидетельствует о меньшей опасности виновного, чем умысел прямой, надо констатировать, что воля на совершение преступления при эвентуальном умысле может быть даже более интенсивной, более упорной и непреклонной и, следовательно, более общественно-опасной, чем воля лица, действующего с прямым умыслом.

Эта интенсивность преступной воли может проявиться в стремлении любой ценой, даже ценой причинения тяже-

¹ Так, на стр. 195 2-го издания учебника *Общей части уголовного права* для юридических институтов говорилось почему-то об отсутствии при эвентуальном умысле «непосредственного желания» (почему непосредственного?). В учебнике *Общей части уголовного права* А. Герцензона речь идет только о сознательном допущении последствий и ничего не сказано о нежелании их наступления (стр. 337 и 338); в учебнике для юридических школ изд. 1940 г. авторы в приводимом примере эвентуального умысла говорят, что виновный «прямо не желал» (а косвенно?) наступления последствий (стр. 53). Учебник для юридических школ 1947 г., как и учебник А. А. Герцензона, говорит только о «сознательном допущении возможности наступления» последствий и не упоминает об отсутствии желания (стр. 82).

лейшего вреда интересам государства или отдельных лиц, добиться наступления желаемых последствий. При эвентуальном умысле виновный решается на преступление, несмотря на наличие сильнейших контрмотивов, выступающих в его психике против решимости совершить преступление. Его не в состоянии удержать от совершения преступления даже такой, часто столь мощный, контрмотив, как представление о возможности или неизбежности уголовной ответственности за наступление нежелаемых последствий.

Все это может свидетельствовать об особой силе и интенсивности преступной воли виновного. Это говорит о том, что лицо, действующее с эвентуальным умыслом, в гораздо большей степени приносит в жертву своим личным интересам интересы государства и других людей, чем лицо, действующее с прямым умыслом. Общественная характеристика лица, действующего с эвентуальным умыслом, может быть поэтому особо отрицательной.

Советские криминалисты уделили много внимания содержанию волевого процесса у виновного при эвентуальном умысле.

В работах многих советских криминалистов можно встретить указание на нежелание виновным наступления тех преступных последствий, в отношении которых у него имеется не прямой, а эвентуальный умысел. Наряду с этим отношение виновного к этим нежелательным последствиям часто характеризуется как «безразличное». Так, например, в учебнике *Общей части уголовного права ВИЮН* можно встретить такое утверждение: «Отсутствие желания наступления последствий своих действий может выражаться или в безразличном к ним отношении или даже в нежелании их наступления»¹. В подобных утверждениях содержатся две ошибки: смешение понятий нежелания и безразличия и неправильное представление о возможности при эвентуальном умысле безразличного отношения виновного к нежелаемым преступным последствиям деяния.

Не приходится доказывать, что нежелание и безразличие — это не тождественные психологические переживания. То нежелание, которое имеет место в психике лица

¹ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 342.

при эвентуальном умысле, — это не есть некое пассивное состояние, лишенное каких-либо переживаний. Сознание виновным возможности или неизбежности наступления нежелательных преступных последствий связано с сознанием им же возможности или, в некоторых случаях, неизбежности уголовной ответственности.

Нежелание наступления преступных последствий — это активное переживание, связанное с отрицательным отношением к этим последствиям и к возможной или неизбежной ответственности за них.

Сознание возможности наступления нежелательных последствий — это весьма сильное активное психологическое переживание, вступающее в конфликт с желанием совершения преступления и, хотя и терпящее поражение в этом конфликте, но тем не менее продолжающее жить в психике виновного и после появления у него решимости на совершение преступления.

Совершенно иной характер имело бы безразличное отношение к нежелательным для виновного последствиям. Безразличие как психологическое переживание характеризуется тем, что сознание и воля не реагируют на то или иное событие. Сознание и воля при безразличии пассивны. Событие, к которому лицо относится безразлично, проходит мимо его психики, не вызывая в ней никаких переживаний. Если нежелание может сопровождаться резким отрицательным переживанием по отношению к событию, то безразличие несовместимо с таким переживанием. Можно было бы, таким образом, говорить либо о нежелании при эвентуальном умысле наступления последствий, либо о безразличном к ним отношении. Нельзя совмещать то и другое.

Возможно ли, таким образом, вообще при эвентуальном умысле безразличное отношение виновного к предвидимым нежелательным преступным последствиям?

Оценка отношения виновного к преступным последствиям своих действий как безразличного встречалась еще в первых Комментариях к УК РСФСР 1922 г., где можно было встретить то же положение¹. В дальнейшем это положение было некритически повторено во многих

¹ УК РСФСР. Практический комментарий, под ред. М. Гернета и А. Трайнина, 1924 г., стр. 25.

учебниках уголовного права, в брошюрах и других работах¹.

Утверждение, что при эвентуальном умысле виновный безразлично относится к нежелательным преступным последствиям своего действия, встречает серьезные возражения. Безразличное отношение человека к предвидимым им нежелаемым для него, заведомо для него преступным, т. е. наказуемым, последствиям при эвентуальном умысле психологически немыслимо. Если сознание вероятности или даже неизбежности нежелательного преступного результата не удержало лицо от совершения преступления, то из этого вовсе еще не следует, что лицо это относится к таким последствиям безразлично. Да и как может вменяемый человек безразлично относиться к преступному результату? Можно безразлично относиться к незначительным обыденным явлениям, но нельзя себе представить, чтобы вменяемый человек, сознающий, что за причинение нежелательных ему последствий он может подвергнуться наказанию, возможно суровому, мог безразлично к этому относиться.

Нельзя поэтому утверждать, что возможно безразличное отношение вменяемого человека к событиям, грозящим ему тяжелыми последствиями. По этим соображениям надо признать, что характерным признаком психических переживаний лица, действующего с эвентуальным умыслом, является не безразличное отношение к нежелательным преступным последствиям, а носящее активный характер, более или менее сильно переживаемое отрицательное к ним отношение.

Признание отношения виновного при эвентуальном умысле к нежелаемым для него последствиям его действий «безразличным» сочетается обычно с характеристикой того же отношения как «допущение, виновным нежелательных последствий». Иногда «безразличие» и «до-

¹ А. А. Понятковский, Уголовное право РСФСР. Часть Общая, стр. 135, говорит о «безразличном индифферентном к ним (последствиям. — Б. У.) отношении или даже о прямом нежелании их наступления. Также в его работе «Советское уголовное право», 1929 г., стр. 242; также во всех четырех изданиях учебника Общей части уголовного права ВИОН (стр. 274, 195, 149, 342). Также М. Д. Шаргородский, Вина и наказание в советском уголовном праве, 1945 г., стр. 8; М. Исаев в книге «Вопросы уголовного права, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР», 1947 г., стр. 37.

нушение» фигурируют как синонимы в определении эвентуального умысла. Например, М. Д. Шаргородский указывает, что при эвентуальном умысле субъект «наступления результата не желает, но предвидит возможность его наступления и сознательно допускает эту возможность, относясь к результату безразлично»¹. О «допущении» последствий субъектом, действующим с эвентуальным умыслом, говорят и другие советские криминалисты — А. Трайнин, А. Пионтковский, М. Исаев и др.

Такое же определение отношения лица, действующего с эвентуальным умыслом к нежелаемым последствиям своего деяния, встречается и в судебной практике. Так, например, Пленум Верховного суда СССР в постановлении 27 сентября 1946 г. по делу Сажина, говоря об эвентуальном умысле, указал, что «закон определяет этот вид умысла как сознательное допущение наступления последствий своих действий, общественно-опасный характер которых он предвидел».

Характеристика отношения виновного к нежелаемым последствиям, как «допущение» им этих последствий, вызывает возражения. Для действующего с эвентуальным умыслом характерно не столько допущение им преступных последствий, сколько то обстоятельство, что он, зная о возможности или даже неизбежности их наступления, не отказывается от своего деяния, соглашается на их наступление, приносит эти последствия, часто тяжкие и притом ему ненужные, в жертву своим преступным интересам. Общественная отрицательная характеристика лица, действующего с эвентуальным умыслом, определяется именно этим его антиобщественным поведением, его согла-

¹ М. Д. Шаргородский, цит. соч., стр. 8. О «допущении» виновным последствий своих действий при эвентуальном умысле говорят также: учебник «Уголовное право. Общая часть», М., 1948 г., стр. 342; учебник уголовного права для юридических школ, 1947 г., стр. 82; М. Шнейдер, Формы виновности по советскому уголовному праву, «Социалистическая законность», 1947 г., № 3, стр. 19. В постановлении Пленума Верховного суда СССР по делу Рогова от 27 декабря 1946 г. о подсудимом говорится: «Он сознавал всю общественную опасность своего поведения и все же безразлично относился к последствиям своих действий, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих» («Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. X (XXXIV), стр. 16). Как видно, здесь «безразличное» отношение к последствиям отождествляется с «допущением» последствий, что, однако, не одно и то же.

сисем пожертвовать чужими личными или государственными интересами ради достижения своих личных интересов. Нежелание виновного отказаться от своего преступного намерения, несмотря на возможность, не говоря уже о неизбежности наступления таких антиобщественных и вообще ненужных ему последствий, составляет морально-политическую и юридическую характеристику лица, действующего с эвентуальным умыслом.

Требовать от виновного при эвентуальном умысле волевого отношения к последствиям в форме «допущения» — это значит затруднять возможность квалификации отношения лица к последствиям своего деяния как эвентуального умысла, и открывать лазейку для неосновательного смягчения вины обвиняемых в таких преступлениях.

Формула «допускает» дает возможность врагу народа, продавшему из корыстных соображений секретные документы или планы агенту иностранной разведки, сослаться на то, что он не допускал возможности причинения своими действиями ущерба внешней безопасности, так как не был вполне уверен в этом и что следовательно он действовал неосторожно. На самом деле такой враг народа не мог не сознавать (и это именно является решающим), что в руках иностранной разведки проданные им документы и планы могут быть или неизбежно будут направлены против интересов внешней безопасности СССР, и, несмотря на это, он согласился с наступлением таких последствий.

Эвентуальный умысел в советском уголовном праве представляется нам, имеется в тех случаях, когда виновный не может не сознавать, что его действия могут привести или неизбежно приведут к последствиям, вредным для основ советского строя или для охраняемых советским государством интересов, и, несмотря на это сознание, соглашается на наступление указанных последствий.

Такое определение, кажется нам, подчеркивает то обстоятельство, что совершающий преступление с эвентуальным умыслом сознательно приносит в жертву своим личным интересам интересы советского строя и другие охраняемые Советским государством интересы. Оно содержит признаки, отличающие эвентуальный умысел как

понятие советского социалистического уголовного права от понятия эвентуального умысла в буржуазном уголовном праве. Оно содержит тем самым и морально-политическую оценку поведения гражданина, действующего с эвентуальным умыслом. Вместе с тем в предлагаемом определении выступают с необходимой определенностью наличие сознания и отсутствие воли в отношении последствий и избегаются термины неточные, способные создать неправильное представление об эвентуальном умысле в советском уголовном праве¹.

¹ В постановлении Высшего военного суда Польской народной республики говорится, что «умышленно действует не только тот, кто своими действиями желает препятствовать нормальной деятельности предприятия или учреждения общего пользования (прямой умысел), но также и тот, кто предвидит, что своими действиями будет препятствовать нормальной деятельности предприятия или учреждения и соглашается на это» — «Военное обозрение права», 1949 г., № 1.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПРЕСТУПНАЯ САМОНАДЕЯННОСТЬ

Преступная самонадеянность (*luxuria*) имеет свою особую психологическую окраску, таит в себе особого рода опасность для правопорядка и дает советскому уголовному праву особые основания для ее отрицательной морально-политической оценки.

Легкомыслие, несерьезность, недостаточная обдуманность таких своих действий, от которых зависят интересы государства или других граждан, беспечность по отношению к чужим интересам, ни на чем не основанная самоуверенность или легкомысленная уверенность в наступлении извне событий, способных предотвратить наступление преступных последствий, — такова психологическая характеристика преступной самонадеянности в советском уголовном праве.

Опасность для социалистического государства такого отношения к коллективным интересам и интересам других лиц, угроза, которую такое отношение создает для установленного в социалистическом государстве правопорядка, — такова политическая характеристика преступной самонадеянности.

Преступная самонадеянность, как это уже не раз отмечалось в советской юридической литературе, близка по своей природе к эвентуальному умыслу.

Буржуазные криминалисты не сумели четко отграничить преступную самонадеянность от эвентуального умысла.

Определение преступной самонадеянности было дано Спасовичем в 1863 г. *Luxuria* (беспечность) имеется, по его мнению, «когда виновник сознавал возможность вредных последствий от своего поступка, хотя и не желал их, и, несмотря на это, легкомысленно на поступок решился»¹.

¹ В. Спасович, Учебник уголовного права, стр., 153.

В этом определении отсутствовал существенный признак преступной самонадеянности — надежда субъекта на предотвращение преступных последствий. Этот признак имеется, правда, в определении, данном через 40 лет Н. Таганцевым, для которого самонадеянность на лицо тогда, «когда действующий сознавал, что из его деяния может произойти правонарушение, но сознавал это отвлеченно, а не в применении к данным конкретным обстоятельствам, и не только не желал, но и не допускал возможности наступления правонарушения, надеясь его избежать»¹.

Определения преступной самонадеянности, даваемые буржуазными криминалистами, носят формальный аполитичный характер, не раскрывают ее классового содержания. Они ни в малейшей мере не помогают и не могут помочь познанию самонадеянности как понятия советского уголовного права.

Самонадеянность по советскому уголовному праву — как и умысел в обеих его формах, — это принципиально иной институт, имеющий свое особое классовое, морально-политическое содержание.

В решимости — и притом легкомысленной — на поступок наиболее ярко проявляется вся опасность самонадеянности по советскому уголовному праву и рисуется порочная психология виновного, его легкомысленная готовность рискнуть чужими интересами ради каких-то своих личных целей, пусть даже самих по себе не преступных. Эта легкомысленная готовность рисует общественный облик виновного и дает основание для отрицательной общественной оценки его поведения. Лицо, которое обнаруживает недопустимую готовность риска интересами социалистического государства или других лиц, например риска социалистической собственностью или жизнью человека, заслуживает решительного упрека, весьма резкой, отрицательной оценки со стороны советского суда.

¹ Н. Таганцев, Русское уголовное право, т. 1, 1902 г., стр. 623—624. Уголовное уложение 1903 г. определяло преступную самонадеянность (не применяя, однако, этого термина, а относя его к одному из видов неосторожности) как положение, при котором виновный «хотя и предвидел наступление последствия, обуславливающего преступность сего (т. е. преступного. — Б. У.) деяния, но легкомысленно предполагал такое последствие предотвратить».

Нельзя поэтому признать удовлетворительными формалистические аполитичные определения самонадеянности, которые с незначительными редакционными изменениями встречаются в некоторых учебниках. Таково, например, определение — «Самонадеянность характеризуется: а) наличием предвидения последствий своей деятельности и б) наличием легкомысленной надежды их предотвратить»¹.

Это определение ни в малейшей мере не раскрывает особенностей самонадеянности как понятия советского уголовного права и не помогает познанию этой формы вины. Из этого определения не видно, чем же преступная самонадеянность как понятие советского уголовного права отличается от преступной самонадеянности как понятия буржуазного уголовного права. Это определение не содержит указания на общественно-опасный характер последствий самонадеянности, т. е. признак, придающий самонадеянности определенное классово-политическое содержание.

Такой же аполитичный, формалистический характер имеет и определение преступной самонадеянности, предложенное в 1947 г. В. Лифшицем. Этот автор в своей статье, посвященной эвентуальному умыслу, не мог, конечно, не коснуться и столь смежного с эвентуальным умыслом понятия, каким является понятие преступной самонадеянности. Но как к эвентуальному умыслу, так и к преступной самонадеянности В. Лифшиц подошел чисто юридически, догматически. Он определил преступное легкомыслие как такое отношение человека к преступным последствиям своих действий, при котором он «предвидел возможность их наступления, но рассчитывал их предотвратить, исходя при этом из конкретных обстоятельств, которые в действительности не были достаточным основанием для такого расчета, но субъект считал их таким основанием, так как не проявил достаточной осмотрительности при их оценке»².

Нетрудно видеть, что и это определение не пытается показать особенности преступной самонадеянности как по-

¹ А. Пшонтковский в учебнике «Уголовное право. Общая часть», 1918 г., стр. 344; также учебник «Советское уголовное право» для юридических школ, 1940 г., стр. 52; из старых учебников также А. А. Пшонтковский, Советское уголовное право, 1929 г., стр. 243; А. П. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 274.

² В. Лифшиц, цит. статья, стр. 36.

нения советского уголовного права. Имеющаяся в определении В. Лифшица некоторая детализация процессов, происходящих в сознании субъекта, действующего с преступной самонадеянностью, мало помогает познанию рассматриваемого понятия.

Значительным шагом вперед по раскрытию материального содержания самонадеянности является внесение в определение преступной самонадеянности признака общественной опасности предвиденных последствий. Учебник уголовного права для юридических школ издания 1947 г. приближается к этому, указывая, что при преступной самонадеянности имеется сознание общественной опасности деяния и его последствий¹. Ту же формулу мы находим и у А. А. Герцензона в его учебнике Общей части уголовного права².

Если учесть, что речь идет здесь о последствиях общественно-опасных (вредных) для социалистического государства и для охраняемых им интересов, то представляется более последовательным и отвечающим задаче раскрытия классово-политического содержания понятия преступной самонадеянности прямо указать в определении преступной самонадеянности, что имеются в виду последствия, причиняющие ущерб социалистическому государству и охраняемым им интересам.

Определение преступной самонадеянности, данное в учебнике уголовного права для юридических школ (изд. 1947 г.) и в учебнике А. А. Герцензона, имеет преимущество перед другими определениями еще и потому, что оно полнее показывает и юридические признаки преступной самонадеянности: «При преступной самонадеянности, — читаем мы в учебнике, — имеется сознание общественной опасности деяния, сознание причинной связи между деянием и могущим произойти результатом»³.

Ряд дополнительных признаков, содержащихся в этом определении (сознание общественной опасности не только последствий деяния, но и самого деяния, сознание причинной связи между деянием и могущим произойти

¹ Уголовное право, учебник для юридических школ, 1947 г., стр. 84.

² А. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть, стр. 339.

³ Уголовное право, учебник для юридических школ, 1947 г., стр. 84; также А. А. Герцензон, учебник, стр. 339.

результатом), значительно улучшает и юридическое определение преступной самонадеянности.

Но и этому определению, как и другим, приведенным выше, определениям преступной самонадеянности можно сделать упрек в том, что они не включают в себя наиболее ярко характеризующего субъекта преступной самонадеянности признака, а именно /легкомысленной решимости совершить нужное виновному деяние, несмотря на предвидение возможных или вероятных (в данном случае — не неизбежных) общественно-опасных последствий/ Без этого признака и психологическая и политическая характеристика преступной самонадеянности не могут быть признаны полными, так как этот признак наиболее точно и полно раскрывает антиобщественный характер поведения лица, действующего с преступной самонадеянностью, и дает основание для отрицательной общественной оценки такого лица законом и судом.

Учитывая изложенное, необходимо определить преступную самонадеянность как легкомысленную решимость совершить нужное лично виновному деяние, несмотря на то, что оно заведомо для виновного угрожает опасными для социалистического государства или для охраняемых им интересов последствиями, при не обоснованной обстоятельствами дела надежде на предотвращение этих последствий.

Это определение позволяет установить как общие у преступной самонадеянности с эвентуальным умыслом признаки, так и признаки, которые проводят грань между этими двумя формами вины.

Общим является у преступной самонадеянности и у эвентуального умысла отношение виновного к государственным интересам и интересам других граждан. Это отношение характеризуется решимостью поступать в личных интересах в ущерб указанным интересам. И действующий с эвентуальным умыслом и действующий с преступной самонадеянностью разрешают конфликт между личными и чужими интересами в пользу личных интересов. Правда, такой же конфликт и такое же разрешение его имеется и у действующего с прямым умыслом. Но особенностью эвентуального умысла и преступной самонадеянности является то, что в обоих этих случаях ради

своих интересов виновный согласен (при эвентуальном умысле) или легкомысленно рискует (при самонадеянности) наступлением совершенно ненужных ему последствий. Своему ничтожному часто интересу виновный сознательно (при эвентуальном умысле) или по легкомыслию (при преступной самонадеянности) приносит в жертву, противопоставляет важнейшие государственные или чужие личные интересы, даже не пользуясь ими. В обоих случаях виновный обнаруживает решимость удовлетворить свои эгоистические желания, ценою причинения совершенно ненужного ему ущерба государству или другим лицам.

Представим себе трех воров, каждый из которых похитил из государственного склада равноценное социалистическое имущество (одно пальто). Один действовал с прямым умыслом, забрался в склад и совершил хищение. Второй, приступив к хищению, убедился, что для того, чтобы проникнуть в склад и похитить одно пальто, ему придется перерубить водопроводную трубу и что в результате его действий вода зальет склад и приведет в негодность все товары, лежащие в складе; несмотря на это он рубит трубу и похищает одно пальто, а вода, как он и предвидел, приводит в негодность все товары на складе. Его отношение к приведению товаров в негодность характеризуется эвентуальным умыслом. Третий вор оказался в подобном же положении, но преступно-самонадеянно считал, что находящиеся вблизи сторожа скоро заметят воду и предотвратят порчу товаров. Однако его надежда оказывается легкомысленной, и товары на складе гибнут из-за хлынувшей из трубы воды. Его отношение к гибели товаров характеризуется преступной самонадеянностью.

При оценке поведения всех трех воров и их отношения к гибели социалистического имущества нетрудно убедиться, что второго вора, действовавшего в отношении гибели товаров с эвентуальным умыслом, и третьего, проявившего в отношении этих товаров преступную самонадеянность, объединяет вызывающее глубоко отрицательную морально-политическую оценку отношение к гибели государственного имущества. Второй и третий воры не только похитили социалистическое имущество, но ради своих преступных целей не погнушались причинить гибель (второй вор) или легкомысленно отнестись к воз-

можной гибели (третий вор) социалистического имущества, во много превышающего по ценности похищенное имущество.

Различие между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью заключается в степени интенсивности антиобщественного отношения к чужим интересам. Действующий с эвентуальным умыслом решает на совершение деяния, заведомо сознавая возможность или неизбежность наступления нежелаемых результатов. Действующий с преступной самонадеянностью сознает лишь возможность наступления нежелаемых результатов и даже надеется на их предотвращение, но его надежда легкомысленна, не покоится на достаточной обдуманности и свидетельствует об его беспечности по отношению к государственным или чужим личным интересам.

В буржуазной юридической литературе вопрос о различии между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью вызвал большие споры, схоластические и бесплодные, в значительной мере обусловленные борьбой между двумя теориями — теорией волевой и теорией представления.

В начале XX в. в буржуазной литературе становится популярной предложенная реакционным криминалистом, выразителем интересов разбойничьего империализма, Франком, формула, согласно которой нежелаемый, но предвиденный субъектом возможный преступный результат является признаком и эвентуального умысла и преступной самонадеянности. Какая из этих форм вины имеется в каждом конкретном случае, решается в зависимости от того, как относился бы к нежелаемым последствиям субъект, т. е. отказался ли бы он при прочих равных условиях от своего деяния, если бы эти последствия представились ему неизбежными, или не отказался. Если бы он от своего деяния не отказался, то имеется эвентуальный умысел, в противном случае — преступная самонадеянность.

Политический смысл предложения Франка ясен. Он заключается в предоставлении буржуазному суду права разрешать по своему произволу вопрос о наличии эвентуального умысла или преступной самонадеянности. Оно расшатывает четкие грани между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью и тем самым дает буржуазному суду новые возможности для расширения про-

извола и усиления репрессии в отношении подсудимых-трудящихся, действующих с преступной самонадеянностью. «Формула Франка» давала суду возможность признать их действовавшими с эвентуальным умыслом.

К «формуле Франка» присоединились (с некоторыми незначительными, в общем, модификациями) многие другие реакционные криминалисты. Политический смысл предложений Франка не мог, конечно, быть вскрыт буржуазными криминалистами, которые не в состоянии были заметить или сознательно не замечали, что именно в вытекающей из формулы Франка неопределенности и произвольности грани между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью и заключается политический смысл предложений Франка.

Хотя советские криминалисты и отграничивают друг от друга эвентуальный умысел и преступную самонадеянность по их психологическим признакам, но психологические моменты различия необходимо дополнить указанным выше различием в морально-политической характеристике каждой из этих форм вины.

Меньше трудностей представляет установление различия между преступной самонадеянностью и преступной небрежностью. Формально-психологическое различие и здесь просто и очевидно. При преступной самонадеянности виновный предвидит возможность наступления преступных результатов, при преступной небрежности такое предвидение у виновного отсутствует. И при преступной самонадеянности и при преступной небрежности виновный не желает наступления предвидимых им последствий. Однако при преступной самонадеянности он сознательно совершает действия, которые могут привести к этим последствиям, легкомысленно надеясь, что последствия не наступят; при преступной же небрежности у субъекта сознание возможности наступления преступных последствий вообще отсутствует.

Совершенно иной является, как мы уже видели, и морально-политическая характеристика обеих этих форм вины. Резко антиобщественное отношение к чужим интересам характеризует виновного при преступной самонадеянности, а оплошность — виновного в преступной небрежности.

Из этого различия нетрудно сделать вывод и о различии в степени опасности преступной самонадеянности и

преступной небрежности. С точки зрения советского уголовного права, исходящего из единства коллективных и индивидуальных интересов и потому охраняющего коллективные интересы, — поведение лица, действующего с преступной самонадеянностью, получает гораздо более отрицательную оценку и свидетельствует о гораздо большей вине, чем поведение лица, действующего с преступной небрежностью.

Необходимо, наконец, отметить, что предвидение при преступной самонадеянности направляется по двум направлениям: виновный предвидит возможность наступления последствий своих деяний и одновременно предвидит (сознает) противоправность их причинения. Если теоретически возможны споры об обязательности при эвентуальном умысле сознания противоправности, то в отношении преступной самонадеянности такие споры исключаются. Нежелание наступления противоправных последствий и надежда на их предотвращение необходимо предполагают сознание противоправности последствий. Иначе необъяснимы были бы и нежелание их наступления и надежда на их предотвращение. При преступной самонадеянности предвидение последствий настолько органически связано с сознанием противоправности, что без этой связи невозможна сама конструкция самонадеянности.

ПРЕСТУПНАЯ НЕБРЕЖНОСТЬ

В проблеме преступной небрежности, или, как ее некоторые называют, неосознанной неосторожности, с неменьшей силой, чем в проблемах эвентуального умысла и преступной самонадеянности, проявляются принципиальные различия между политической природой вины и отдельных ее форм в социалистическом и в буржуазном уголовном праве.

Формула преступной небрежности со всей очевидностью доказывает, что проблема вины — это проблема общественного поведения человека. С другой стороны, формула преступной небрежности по самой своей природе неизбежно заставляет каждого криминалиста или попытаться раскрыть морально-политическое содержание этого понятия, как это должны делать советские криминалисты, или же тратить время на бесплодные схоластические конструкции, главной целью которых является не раскрыть содержание понятия, а скрыть его, а если это не удастся, то даже пожертвовать самим понятием, отказаться от него, но только не обнаружить его подлинное общественное содержание, — как это делают буржуазные криминалисты.

М. Чельцов совершенно правильно устанавливает, что «проблема уголовной ответственности за неосторожность в ее чистом виде (небрежность) не разрешена теоретически, несмотря на вековые старания ученых»¹. Такое положение в буржуазной теории уголовного права объясняется неспособностью буржуазных криминалистов

¹ М. Чельцов, Спорные вопросы учения о преступлении, «Социалистическая законность», 1947 г., № 4, стр. 9. См. также статью Т. Л. Сергеевой, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право», 1947 г., № 7.

выйти за рамки догматико-юридического исследования этой проблемы, как и всех вообще проблем уголовного права, их неспособностью и нежеланием раскрыть материальное, исторически изменчивое содержание вины и ее отдельных форм. Перед исследователем проблемы преступной небрежности как формы вины встает ряд вопросов, ответа на которые буржуазные криминалисты не могут дать. По совсем иным основаниям различные трудности встают при разрешении вопросов неосторожности перед советскими криминалистами.

Так, прежде всего встает вопрос об основаниях уголовной ответственности за причинение вреда вследствие преступной небрежности. Этот вопрос представляет значительные трудности ввиду особых психологических особенностей субъекта при преступной небрежности, особенностей, которые в господствующей советской юридической доктрине находят выражение в утверждении об отсутствии у лица, совершающего преступление с преступной небрежностью, сознания и воли в отношении последствий его действий.

Не существующая при исследовании других форм вины трудность заключается, далее, в наличии в формуле преступной небрежности нормативного момента, отсутствующего в формулах других форм вины: виновный в преступной небрежности должен был предвидеть последствия своих действий. Исследование этого момента неизбежно должно вывести за рамки формально-психологических признаков преступной небрежности, что, в свою очередь, должно привести к постановке вопроса о морально-политической характеристике преступной небрежности.

Наряду с моментом долженствования, включаемым обычно в формулу преступной небрежности, при исследовании этой формы вины встает вопрос о возможности для виновного в преступной небрежности предвидеть результаты своих действий.

Наконец, значительные трудности представляет для теории уголовного права вопрос о том, какой из двух критериев — объективный или субъективный — должен быть положен в основу разрешения вопроса о долженствовании при преступной небрежности.

Каждый из этих вопросов требует самостоятельного рассмотрения.

§ 1. Основания уголовной ответственности при преступной небрежности

Буржуазные криминалисты крайне запутали вопрос об основаниях ответственности за преступную небрежность, иными словами, вопрос об основаниях для признания преступной небрежности одной из форм уголовной вины. Отсутствие у виновного предвидения и отсутствие у него воли при преступной небрежности, с одной стороны, лишало буржуазных криминалистов возможности обосновать при помощи юридических конструкций наличие уголовной вины при преступной небрежности, а с другой — лишало их возможности привести какие-либо моральные основания для установления в законе ответственности за преступную небрежность. За что же наказывать субъекта (можно было задать им вопрос), если он не знал, что совершает недозволенное действие, и если он не желал (не волил) наступивших независимо от его сознания и воли последствий? Такой вопрос фактически и задавали себе сами буржуазные криминалисты в тщетных поисках обоснования уголовной ответственности за преступную небрежность.

Для того, чтобы не столько обосновать уголовную ответственность за неосторожность вообще (а значит, и за преступную небрежность), сколько скрыть действительную природу неосторожности, буржуазные криминалисты создавали различные фикции, предлагали нежизненные, искусственные юридические концепции.

Одна из таких концепций неосторожности была предложена русским криминалистом Н. Сергиевским. Сергиевский рассуждает следующим образом: закон, обращая свои запреты к гражданам, повелевает им воздерживаться не только от действий, непосредственно причиняющих вред, но и от действий, заключающих в себе опасность вреда. В каждом уголовном уложении предусмотрена поэтому определенная категория преступлений, имеющих своим содержанием не непосредственно причиненный вред, а лишь опасность его (таковы, например, все нарушения правил, ограждающих личную и общественную безопасность). Однако никакой закон не в состоянии был до сих пор перечислить и определить состав всех опасных действий, воздержание от которых желательно в интересах общежития и безопасности других

людей. Поэтому во всех законодательствах, сверх множества составов преступлений, обрисованных в уголовном законе, устанавливается еще наказуемость таких действий, которые без умысла со стороны деятеля повлекли за собою какой-либо запрещенный в законе вред и тем доказали свою опасность.

Из этого Сергиевский делает вывод: «В действительности наказуются здесь не последствия, вызванные без умысла, но действия, их причинившие, — действия сами по себе или умышленные или принадлежащие к разряду таких, в которых закон, как о том сказано выше, неумышленное совершение приравнивает к умышленному»¹.

Концепция Сергиевского построена на фикции, что при неосторожности имеет место умышленное отношение лица к своим действиям. В то же время, делая оговорку, что при неосторожности возможно положение, что действия неумышленные приравниваются к действиям умышленным, Сергиевский разрушает свою собственную концепцию и признается в своей бессилии разрешить проблему ответственности за неосторожность, ибо сказать, что при неосторожности вина неумышленная приравнивается к вине умышленной, — это значит прийти к тому положению, которое само нуждается в объяснении.

Наряду с подобными теориями буржуазных криминалистов, стремившихся сконструировать фикцию воли там, где воля отсутствует, противоположная группа буржуазных теорий пыталась обосновать ответственность за неосторожность при помощи критерия объективной опасности неосторожных преступлений. По адресу этих теорий следует указать, что они в сущности восстанавливают теорию объективного вменения, т. е. ничего не обосновывают и не объясняют.

Неспособность выйти из круга формально-психологических и юридических признаков вины, а также неспособность теоретически обосновать ответственность за деяния не осознанные и не желаемые (не волимые) и породила у некоторых буржуазных криминалистов сомнения в обоснованности сохранения неосторожности как одной из форм вины. Эти сомнения были одним из результатов формально-юридического мышления, характерного для буржуазной юриспруденции.

¹ И. Сергиевский, цит. соч., стр. 270—273.

Проявлением такого формально-юридического мышления в известной мере и объясняются делавшиеся в начале и середине XIX в. и возобновившиеся в конце XIX и начале XX в. попытки некоторых буржуазных криминалистов доказать, что небрежность вообще не является формой вины¹ или что действия, совершенные по небрежности, не должны почитаться уголовными деяниями, а должны рассматриваться как полицейские нарушения (Темме и др.)².

Подобные взгляды не могли иметь успеха в эпоху империализма, роста реакции и усиления репрессии. Это вызвало необходимость иного обоснования ответственности за небрежное поведение, наносящее ущерб интересам господствующих классов.

На помощь буржуазным криминалистам, отражавшим потребности империализма, пришли реакционные неокантианские оценочные теории. Неосторожное деяние стало трактоваться как «заслуживающее упрека» (*vorwerfbar* — по выражению Франка) поведение. Признак упречности помогал представить умысел и неосторожность как две формы виновного поведения, ибо общим признаком того и другого являлось их свойство вызвать упрек со стороны закона и суда. Таким образом, неосторожность сохранялась как форма уголовной вины. С другой стороны, упречность как основание ответственности за вину обосновывала возможность усиления репрессии за неосторожные деяния, ибо и неосторожное деяние в мнении буржуазного суда могло заслужить столь же сильный упрек, как и деяние умышленное.

Совершенно иначе ставится и разрешается вопрос о преступной небрежности в советском уголовном праве. В советской литературе по вопросу о наличии или отсутствии элементов сознания и воли при преступной небрежности господствующее мнение сводится к тому, что при небрежности в психике виновного отсутствует как воля, так и сознание в отношении последствий деяния.

¹ В работе Almedingen, *Untersuchungen des Natur der culposen Verbrechens*, изданной в 1804 г., познакомиться с которой в оригинале автор не имел возможности.

² См. С. Познышев, цит. соч., стр. 291. Подробно о буржуазных криминалистах, отрицающих вину в небрежности, см. у Б.С. Маньковского, *Проблема ответственности в уголовном праве*, 1949 г., стр. 58—59, прим. 24.

«Неосторожность, — говорят В. Макашвили и Т. Церетели, — характеризуется, прежде всего, отсутствием воле-направленности на преступный результат — субъект не желает и не допускает его наступления»¹. Эти же авторы считают, что другая отличительная особенность преступной небрежности заключается в том, что виновный не представляет себе возможности наступления вредных последствий при данных конкретных обстоятельствах, причем эта особенность относится не только к преступной небрежности, но и к преступной самонадеянности, при которой виновный лишь отвлеченно предвидит возможность наступления преступного результата, но в данном случае не представляет себе возможности его наступления².

В чем же тогда заключаются основания наказуемости небрежности в советском уголовном праве? Только немногие авторы ставят этот вопрос, причем, определяя эти основания, они видят их не в прошедшем, не в совершившемся, а в будущем. Получается, что при небрежности наказывают не за содеянное, а ради чего-то, лежащего вне содеянного. Так, А. А. Герцензон считает, что основания ответственности при неосторожном совершении преступления лежат в необходимости и возможности стимулировать наказанием должную осмотрительность в поведении людей и соответствующим образом воздействовать на тех людей, которые из-за своей неосмотрительности и небрежности обусловили наступление общественно-опасных последствий³.

В воспитательном воздействии наказания за неосторожное совершение преступления видят основание ответственности за неосторожность также и В. Макашвили и Т. Церетели.

Совместимо ли, однако, с принципами советского уголовного права, — с твердо проводимым им положением,

¹ В. Макашвили и Т. Церетели, цит. статья, стр. 101.

² Там же, стр. 101. Также Б. С. Ошеревич в статье: «Формы виновности». Ученые записки ВЮОН, 1941 г., вып. 2: «При небрежности лицо, совершившее социально-опасное действие, не только не желало и не допускало его наступления, но и не предвидело его наступления, хотя и должно было его предвидеть. Совершенно понятно, что в данном случае воля лица ни в какой связи с наступившими последствиями не находилась» (стр. 69).

³ А. А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 334.

что без вины нет уголовной ответственности, что одно только объективное причинение последствий не может влечь уголовной ответственности, такое положение, когда основание ответственности за небрежность не связывается с виной субъекта, когда ответственность отрывается от сознания и воли субъекта, представляя собой тем самым своеобразную ответственность без вины?!

Такая трактовка основания уголовной ответственности за преступную небрежность должна быть признана противоречащей основным принципам советского уголовного права. Очевидно, что основания ответственности надо все же искать в общественной оценке психических процессов при совершении преступления по неосторожности.

Как было уже показано выше, психическая деятельность виновного в небрежности вовсе не характеризуется полной пассивностью, отсутствием психических переживаний. И при неосторожности имеют место психические процессы, сходные с психическими процессами при умысле. У виновного в небрежности точно так же возникает определенная потребность (скорее доехать до места назначения, скорее выполнить задание, подшутить над кем-либо и т. д.). Эта потребность точно так же принимает форму осознанного желания. Точно так же, как и при умысле, в психике субъекта происходит борьба мотивов (желанию переехать полотно железной дороги, не дожидаясь прохода приближающегося поезда, противостоит опасение попасть под поезд). Наконец, так же, как и при умысле, у виновного в небрежности возникает решимость совершить действие, создается и осуществляется воля на совершение действия (переехать полотно железной дороги, нажать курок ружья и т. д.). Различие между психическим процессом при небрежности и психическим процессом при других формах вины сводится к отсутствию предвидения последствий и — как следствие этого — к отсутствию данных даже для постановки вопроса об отношении (желание, нежелание) к последствиям.

В отсутствии предвидения и лежит основание для уголовно-правового упрека при небрежности. Виновный в небрежности настолько пренебрегает существующими и обязательными для каждого действующего в определенных условиях правилами поведения, что он не считает нужным задуматься над последствиями своих действий.

Этим нежеланием он доказывает безразличное отношение к интересам социалистического государства или других лиц, нежелание руководствоваться в своем поведении долгом гражданина и члена общезития, пренебрежением к правилам социалистического общезития, требующим осмотрительности, внимательности, заботливости в отношении не только своих личных интересов, но также интересов государства и других граждан.

Сталинская Конституция обязывает каждого гражданина СССР честно относиться к общественному долгу и уважать правила социалистического общезития. Общественный долг и правила социалистического общезития требуют, чтобы каждый гражданин СССР, прежде чем предпринимать действия, которые по своей природе способны причинить какие-либо опасные последствия, задумался над тем, должен ли он эти действия совершить.

Отрицательная уголовно-правовая оценка поведения гражданина, не выполнившего своего долга, т. е. признание гражданина виновным в совершении преступления по небрежности, основывается на том, что гражданин не только должен был, но и мог предусмотреть последствия своих действий и что он сознательно этого не сделал. Нажавший шутя курок ружья, предварительно не проверив, заряжено ли ружье, либо сознавал, что он должен был сделать эту проверку, но по легкомыслию не пожелал этого сделать, либо не счел нужным задуматься над тем, заряжено ли ружье.

Основание уголовной ответственности лежит здесь не в объективном факте наступления непредвиденных виновным последствий его действий, а в характере отношения виновного к своим действиям. Так, два человека, находясь в равных условиях, пожелали совершить аналогичные действия. Один из них предусмотрел, что эти действия могут привести к общественно-опасным последствиям, и отказался от них. Другой не пожелал, прежде чем приступить к действиям, задуматься над их последствиями и совершил эти действия. У последнего мы имеем не простое отсутствие сознания и воли в отношении последствий, а известную деятельность сознания и воли, проявляющуюся в сознательно беспечном отношении к чужим интересам, в нежелании задуматься над своими поступками, предусмотреть их возможные или неизбежные последствия.

Огромная разница имеется между отношением к своим действиям лица, которое, находясь в комнате с другими людьми, случайно задело курок ружья, и лицом, которое, сознавая, что в комнате имеются люди, нажимает шутки ради курок ружья, не пожелав проверить, не заряжено ли ружье. Если в первом случае сознание и воля субъекта не участвовали в происшедшем, оставались в пассивном состоянии, то во втором — сознание и воля субъекта в пассивном состоянии не пребывали, они активизировались, но не в таком направлении, в каком этого можно было в данных условиях требовать, или активизировались недостаточно.

Процессы, происходящие в психике виновного при неосторожности, принимают форму «сознательного пренебрежения установленными мерами предосторожности». Правильно указывалось в советской юридической литературе: «Лицо, совершившее преступление по неосторожности, опасно потому, что оно не считает нужным проявить в данных условиях то внимание к своим действиям, которое закон вправе требовать от каждого лица, находящегося в данных условиях, и отсутствие которого у данного лица представляет опасность для общества»¹.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 7 июля 1945 г. по делу Глотовой подтверждает наличие такого именно отношения лица к последствиям при неосторожности. В этом определении в общей форме говорится: «не всякая неосторожность влечет указанную уголовную ответственность, а только неосторожность, сопряженная с такимиотягчающими обстоятельствами, которые дают основание рассматривать ее как преступно-небрежное отношение к данному имуществу, т. е. такое отношение к имуществу, которое во всяком случае предполагает сознательное пренебрежение установленными мерами предосторожности при обращении с ним»².

«Сознательное пренебрежение» установленными мерами предосторожности далеко отстоит от того полного отсутствия сознания и воли, которое обычно утверждается в отношении психики виновного при неосторожности.

¹ См. статью без указания автора «Вина и уголовная ответственность», «Социалистическая законность», 1946 г., № 13, стр. 20.

² «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. VII (XXIII), стр. 5.

«Сознательное пренебрежение» — это вполне определенное психическое переживание, — переживание, которое свидетельствует об антиобщественном отношении виновного к правилам социалистического общежития, которое встречает поэтому отрицательную оценку со стороны советского уголовного закона и советского суда и которое является основанием для уголовной ответственности за действия, совершенные с преступной небрежностью. Уголовно-правовой упрек вполне заслужен лицом, которое сознательно пренебрегает установленными в социалистическом общежитии правилами предосторожности, когда речь идет об интересах коллективных и отдельных граждан¹.

Грань между эвентуальным умыслом и преступной самонадеянностью, с одной стороны, и преступной небрежностью — с другой, теоретически и практически является весьма четкой: при преступной небрежности виновный не предвидит результатов своих действий, при эвентуальном умысле и при преступной самонадеянности он их предвидит.

§ 2. Должное поведение при преступной небрежности

Особенностью преступной небрежности, как одной из форм вины, в советском уголовном праве является то, что в формуле преступной небрежности психологический (отрицательный) признак «не предвидел» сочетается с нормативным признаком — «должен был предвидеть».

Для признания наличия в действиях лица преступной небрежности недостаточно одно лишь наличие психических переживаний («не предвидел»). Преступная небреж-

¹ Аналогично, в общем, обоснование уголовной ответственности при небрежности у Б. С. Маньковского (однако без необходимого анализа психологического процесса). Б. С. Маньковский пишет: «Субъект хотя и не предвидел результата, но может и должен его предвидеть. Возможности предвидения наступления результата заложены в психике субъекта, который, относясь надлежащим образом к своему долгу, мог бы предотвратить этот результат и должен его предотвратить по требованию социалистического правопорядка. Активная роль человеческого сознания при подлежащем отношении лица к своему долгу в полной мере может проявиться и при небрежности. На этом и основывается уголовная ответственность при небрежности». — Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, 1949 г., стр. 62.

ность не может быть установлена без нормативного суждения о наличии или отсутствии в поведении подсудимого нарушения правил должного. Суд не может при вынесении решения о преступной небрежности ограничиться констатацией психических переживаний обвиняемого (в данном случае — констатацией отсутствия предвидения последствий). Суд должен дать морально-политическую оценку поведения обвиняемого в преступной небрежности, так как иначе он не ответит на вопрос, должен ли был подсудимый предвидеть последствия своих действий.

Тем самым вносится корректив в сделанное выше утверждение, что в работах некоторых советских криминалистов умысел и неосторожность рассматриваются только как формально-психологические понятия. Формула небрежности у всех авторов включает в себя и нормативный момент — «не должен был предвидеть». Эти авторы фактически прибегают к нормативному, оценочному моменту.

При преступной небрежности встает вопрос, как должен был вести себя подсудимый в данных условиях? При других формах вины вопрос, должен ли был обвиняемый вести себя иначе, чем он себя вел в действительности, не включается в формулу вины. При преступной небрежности — это основной вопрос, без решения которого не может быть вынесено решение о виновности или невиновности подсудимого.

Разрешение вопроса о должном поведении подсудимого не причиняет никаких затруднений советскому суду. Понятие должного поведения в советском уголовном праве наполнено определенным морально-политическим содержанием. Основные правила должного поведения установлены в ст. ст. 130—133 Сталинской Конституции, являющейся выражением всенародной воли. Они конкретизируются советским судом в применении к отдельным делам в полном соответствии с моральными и политическими убеждениями всех трудящихся.

Воспитательные задачи советского суда связаны с публичным осуждением поведения, противоречащего долгу советского гражданина. Каждым своим приговором советский суд показывает, в чем заключается нарушение обвиняемым своего долга и, следовательно, в чем состоит

долг гражданина СССР. В ст. 3 Закона о судостроительстве сказано, что «всей своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности Родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к социалистической собственности, дисциплины труда, честного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития». Так советский закон, говоря о каре и воспитании преступников, исходит из содержания долга гражданина СССР. Это содержание долга служит критерием и при разрешении советским судом конкретных дел о совершенных но преступной небрежности преступлениях.

А. Возможность должного поведения при преступной небрежности

В буржуазной литературе является до сих пор спорным вопрос: следует ли в формулу преступной небрежности включить, наряду с признаком «должен был», также и признак — «мог» предвидеть последствия своих действий? Предложение ввести этот признак в содержание преступной небрежности и, следовательно, исключить уголовную ответственность за преступную небрежность в случае установления того факта, что подсудимый в силу тех или иных обстоятельств не был в состоянии, «не мог», предвидеть последствий своих действий, делалось не раз.

Не раз высказывались и возражения против такого предложения. В русской литературе против введения этого признака в формулу преступной небрежности выступал Колоколов и другие авторы. Доводы, которые приводятся этими авторами, одни и те же. Если лицо не предвидело последствий своих действий, то значит, оно и не могло их предвидеть. Определенные объективные и субъективные обстоятельства, при которых протекала деятельность подсудимого, обусловили отсутствие у него предвидения последствий его деяния. «Утверждать противное, — говорит Колоколов, — значит отвергать в психическом мире господство закона причинной связи»¹.

¹ Колоколов, Лекции, стр. 159; также в его монографии, «К учению о покушении», стр. 214, прим. 54; также и Пусторослев, Русское уголовное право, стр. 334—335. Против — С. Познышев, указ. соч., стр. 292.

Нет нужды доказывать, что это утверждение покоится на вульгарном механистическом представлении о причинной связи. Марксистско-ленинское учение, как известно, не отрицает «ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий»¹. Оно не отрицает их и при разрешении судом вопроса, мог ли подсудимый предвидеть результаты своих действий. Если субъект не предвидел результатов своих действий потому, что неосмотрительно, небрежно, легкомысленно и необдуманно действовал, когда от него требовалась осмотрительность, внимательность и обдуманность последствий своих действий, то это не значит, что он не мог действовать иначе.

Если подсудимый не только должен был, но и мог действовать в соответствии со своим долгом и предвидеть последствия своих действий, то в упрек ему ставится, что он действовал не так, как должен был действовать, имея к этому полную возможность. Стать на иную точку зрения значило бы вообще отказаться от признания ответственности за нарушение обязанностей, установленных законом².

Среди советских криминалистов по вопросу о наличии или отсутствии у действующего по небрежности возможности поступить иначе нет единого мнения. Учебник Общей части уголовного права ВИЮН не вводит в определение преступной небрежности признака «не мог»³. Однако многие авторы этот признак вводят. Обстоятельные и убедительные доказательства в пользу введе-

¹ Ленин, Соч., т. 1, стр. 77.

² Нельзя согласиться с А. Трайниним, который пишет: «Кажется бесспорным, что если лицо фактически не предвидело преступного результата, то при данных условиях оно и не могло его предвидеть. Поэтому применять уголовную репрессию на том основании, что лицо «могло» предвидеть, но не предвидело результата, значит вступать в явное противоречие с фактами» (Уголовное право. Общая часть, 1929 г., стр. 274).

³ Уголовное право. Общая часть, 1948 г., стр. 345. Однако в последующем изложении автор (А. П. Понтоковский) говорит: «Субъект при этом не предвидит возможности наступления преступных последствий, однако для него существует реальная возможность их предвидеть и благодаря этому избежать их или предупредить их наступление. Существовавшая для данного лица реальная возможность предвидеть наступление преступных последствий и их предупредить не была, однако, превращена им в действительность» (стр. 345). Также А. П. Понтоковский, Советское уголовное право, 1929 г., стр. 243.

ния этого признака в формулу преступной небрежности были приведены Т. Сергсевой¹. На этой же точке зрения стоит и А. Герцензон².

Ст. 6 «Основных начал» (ст. 10 УК РСФСР) не включила в определение преступной небрежности признака невозможности для субъекта предвидеть последствия своих действий, ограничившись признаком долженствования. Однако содержание ст. 6 «Основных начал» не исключает внесения в число условий неосторожности и признака — «не мог» предвидеть. По этому пути и пошла судебная практика.

Так, Ходорова и Гогня были осуждены за то, что, работая контролерами сберегательной кассы, при последующем контроле не заметили по преступной небрежности подложности подписей одной из вкладчиц на расходных ордерах. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР в определении от 22 апреля 1944 г. отменила приговор, осудивший Ходорову и Гогня, на том основании, что «суд не установил, в какой мере контролеры, не обладающие специальными знаниями по распознаванию почерков, имели возможность в данном случае на основе «общего сходства» (согласно инструкции) установить подложность подписей на расходных ордерах»³.

Полякова была осуждена за преступно-небрежное отношение к уходу за колхозными овцами, вследствие чего 20 овец были закрыты на ночь в хлев, где они от спертого воздуха задохнулись и погибли. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР дело Поляковой прекратила на том основании, что «о состоянии хлева и о том, что в нем скопилось значительное количество навоза, способствующее газообразованию, Полякова не могла знать и не знала, а потому и не могла предвидеть наступивших последствий»⁴.

Требование возможности предвидения виновным пре-

¹ Т. Сергеева, К вопросу об определении преступной небрежности, «Советское государство и право», 1948 г., № 7.

² А. Герцензон, Уголовное право. Часть Общая, 1948 г., стр. 340.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. VI (XII), стр. 18.

⁴ Там же, стр. 25, См. также определения по делу Солнцевой от 19 января 1944 г. — «Судебная практика Верховного суда СССР»,

ступных последствий его действий как обязательного условия ответственности за преступную небрежность твердо вошло в советскую судебную практику.

Б. Объективный и субъективный критерии при преступной небрежности

Одним из наиболее спорных в теоретических работах, посвященных неосторожности, является вопрос о характере тех критериев, с точки зрения которых должен решаться вопрос о том, должен ли был или не должен обвиняемый по конкретному делу в преступной небрежности предвидеть результаты своих действий. Является ли этот критерий объективным, т. е. существуют ли определенные типовые, стандартные, заранее предустановленные нормы человеческого поведения, с которыми обязан был сообразовать свое поведение обвиняемый, чтобы не допустить неосторожного деяния, или же такого общеобязательного критерия установить нельзя и вопрос должен решаться каждый раз в зависимости от индивидуальных особенностей данного обвиняемого — его возраста, здоровья, степени развития, жизненного опыта, специальных знаний и т. д.?

Этот вопрос не мог не занимать буржуазных криминалистов, так как он имел определенное практическое значение. Но буржуазные криминалисты, по вполне понятным причинам, не делали до сих пор попытки выяснить классово-политический смысл того или другого разрешения этого вопроса. В том или ином решении этого вопроса заинтересованы в капиталистических странах трудящиеся. Несомненно, что в условиях буржуазного суда в интересах трудящихся признание субъективного критерия, при котором суд обязан учитывать недостаток специального и общего образования, незнание закона и другие обстоятельства, обычно сопровождающие совершение трудящимися преступлений по небрежности в капиталистических странах. Наоборот, признание объективного критерия приводит в буржуазном суде к предъявлению к подсудимым-трудящимся таких требований, которым

1944 г., вып. IV (X), стр. 12—13; по делу Медведкиной от 27 января 1945 г., — «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. II (XVIII), стр. 17.

удовлетворяют представители господствующего класса и которые непосильны для трудящихся.

Самое понятие должного поведения имеет в капиталистических странах определенное политическое содержание, чуждое трудящимся. Долг в буржуазной морали и в буржуазном праве — это долг перед буржуазным государством, а содержание долга и должного поведения определяется здесь материальными интересами господствующего класса. Объективный критерий, исходящий из такого понимания долга, невыгоден в капиталистическом государстве подсудимым-трудящимся, но выгоден подсудимым — представителям господствующего класса.

И действительно, буржуазные криминалисты, сторонники объективного критерия, исходят из установленного еще римским гражданским правом, — правом, с резко выраженным классовым характером критерия, а именно из критерия *diligens pater familias*, т. е. образцового, рачительного хозяина-собственника, крепко держащего в руках имущество, жену и детей. При господстве объективного критерия буржуазный суд предполагает у трудящихся сознание долга, основанное на явно чуждых им или даже враждебных представлениях, на явно враждебных их сознанию правилах должного поведения. Криминалисты, сторонники объективного критерия (Липмай и др.), открыто ссылаются при раскрытии содержания объективного критерия на соответствующие нормы гражданского права, т. е. нормы, утверждающие господство частной собственности и требующие исполнения ряда обязанностей, установленных в интересах частных собственников.

В советской юридической литературе было высказано мнение, что именно субъективный критерий может стать в руках буржуазного суда средством для осуществления классовой политики. В подтверждение этого говорится обычно: как проверить судью, если он утверждает, что данное лицо по своим личным качествам могло или, наоборот, не могло предусмотреть преступный результат? ¹

С этим положением нельзя согласиться. Прежде всего, проведение классовой политики облегчается для буржуаз-

¹ В. Макашвили и Т. Церетели, цит. статья в «Проблемах социалистического права», 1939 г., № 4—5, стр. 105.

ного суда при господстве объективного масштаба, так как масштаб этот не только столь высок, что а priori ни один трудящийся ему не удовлетворяет, но и к тому же не оспорим для подсудимого. Подсудимый не может доказывать, что для него, по его индивидуальным данным, этот масштаб непосилен. При объективном критерии суд сам устанавливает его содержание и не соотносится с тем, мог ли подсудимый выполнить требования этого масштаба, т. е. в состоянии ли он был предвидеть последствия своих действий.

Иначе обстоит дело с субъективным критерием. Вообще субъективные критерии в руках буржуазных судов — не в интересах трудящихся и, как правило, выполняют реакционную роль потому, что критерием оценки при субъективном критерии служат убеждения, взгляды, моральные нормы самого суда. Буржуазный суд формально может любое свое (т. е. господствующего класса) убеждение выдать за всеобщее и обязательное для подсудимого. Достаточно вспомнить, как нагло гитлеровские криминалисты свои звериные чело-веконенавистнические взгляды выдавали за «здоровое народное чувство». Буржуазному суду достаточно сослаться на наличие такого субъективного критерия, чтобы обосновать любой удобный ему приговор.

Но в вопросе о преступной небрежности субъективный критерий играет иную роль. В данном случае субъективное прямо переносится на подсудимого. При субъективном критерии суду, рассматривающему дело трудящегося, обвиняемого в преступной небрежности, дается — формально, во всяком случае, — указание: сообразуйся с особенностями вот этого индивидуального подсудимого, стоящего перед тобой, решай: должен ли был он и мог ли он по своим индивидуальным особенностям предвидеть результаты своих действий или не должен был и не мог. Конечно, буржуазный суд, проводя классовую политику, сумеет обойти это требование и найдет способ вынесения желательного ему приговора. Тем не менее положение буржуазного суда при субъективном критерии затруднялось бы, а положение обвиняемого улучшалось бы. Обвиняемый не может вступать в спор с судом, утверждающим, что его, обвиняемого, поведение нарушило требования морали, и не может доказывать, что оно было этическим. Но подсудимый мог бы доказывать, что он не

мог предвидеть, скажем, аварии, потому что он был болен, переутомлен, не имел достаточной подготовки, не получил необходимой инструкции и т. д. Поэтому-то буржуазные авторы и практика буржуазных судов стоят на позициях объективного критерия при неосторожности.

Хотя вопрос об объективном и субъективном критерии при преступной небрежности в советской литературе не нашел еще однообразного решения, тем не менее он решается исходя из совершенно иных принципиально-политических оснований.

В. Макашвили и Т. Церетели выступают за признание господствующим в советском уголовном праве объективного критерия при определении меры предусмотрительности для лица, обвиняемого в преступной небрежности. Они считают, что «советскому судье надо дать твердый и ясный масштаб, а не лишенный всякой определенности и меняющийся в зависимости от субъективных свойств отдельного индивида критерий. Только при этом условии можно считать, что предложенный масштаб носит юридический характер и в состоянии служить проводником единой социалистической законности»¹.

Свое утверждение В. Макашвили и Т. Церетели обосновывают ссылкой на буквальный текст п. «б» ст. 10 УК РСФСР, который, определяя неосторожность, считает действующими неосторожно лиц, которые «должны» были предвидеть последствия своих действий, а не «могли» предвидеть. Авторы считают, что этим самым дан «объективный масштаб» в своем чистом виде и что такой масштаб логически вытекает из основных начал, на которых построено социалистическое общество, имеющее право требовать от граждан полного напряжения сил при той или иной деятельности, проявления той заботливости, которая должна характеризовать каждого участника борьбы за строительство коммунистического общества².

¹ В. Макашвили и Т. Церетели, указ. соч., стр. 105.

² За требование «средней общеобязательной осмотрительности, нарушение которой составляет уголовно-правовую небрежность», выступает А. Н. Трайнин. Он считает, что «уголовный закон... всегда вынужден иметь в виду некоторую среднюю норму, обязательную для всех во имя интересов коллектива». Правда, А. Н. Трайнин добавляет, что уровень общеобязательной осмотрительности вряд ли можно фиксировать, так как он постоянно меняется в зависимости от условий места и времени. А. И. Трайнин, Уголовное право. Часть Общая, 1929 г., стр. 275.

В. Макашвили и Т. Церетели дискуссияруют с А. А. Пионтковским, который считает, что вопрос о том, должен был или не должен субъект предвидеть последствия своих действий, — это вопрос факта (*quaestio facti*), который решается судом в зависимости от всей конкретной обстановки события, т. е. в зависимости и от индивидуальных свойств лица и от объективных условий. «Мерилом должной предусмотрительности, — пишет А. А. Пионтковский, — служит предусмотрительность, которая в таких случаях требуется правилами профессии, обычаями, существующими в данном круге лиц, и т. д. Для лица, обладающего специальными знаниями, высоким развитием, эта норма будет одна, для лица, причинившего тот же результат, но не обладающего такими знаниями или такой сознательностью, эта норма будет другая»¹.

Главный довод против точки зрения А. А. Пионтковского В. Макашвили и Т. Церетели видят в том, что А. Пионтковский решение вопроса о наличии или отсутствии должной предусмотрительности всецело предоставляет свободному усмотрению суда и что такая постановка вопроса может внести разноречивость в судебную практику. «Один судья, — пишут авторы, — при определении должной предусмотрительности будет придавать решающее значение субъективным возможностям обвиняемого, другой, напротив, в совершенно аналогичном случае

¹ А. Пионтковский, Советское уголовное право, том первый. Общая часть, изд. 3-е, 1929 г., стр. 244. Буквально в тех же словах А. Пионтковский повторяет это утверждение в учебнике «Уголовное право. Общая часть», изд. 3-е, 1943 г., стр. 151. Несколько в иной редакции, но по существу так же разрешает вопрос А. Пионтковский и в 4-м издании этого же учебника. Здесь утверждается, что вопрос о том, была ли у субъекта реальная возможность предвидеть наступление последствий своих действий, «может быть разрешен лишь путем внимательного изучения всей конкретной обстановки данного события как в отношении объективных обстоятельств, при которых наступил данный преступный результат, так и в отношении субъективных свойств самого лица, его причинившего» (стр. 346). Уже после опубликования статьи В. Макашвили и Т. Церетели появилась брошюра М. Шаргородского «Вина и наказание в советском уголовном праве», 1945 г., в которой он придерживается субъективного критерия (стр. 10). Также учебник для юридических школ, 1940 г., стр. 55. Против объективного критерия — Г. Сергеева в цит. статье, стр. 19—20.

отдаст предпочтение объективным требованиям, которые предъявляются к лицу, благодаря его общественному или служебному положению и т. п.»¹.

В. Макашвили и Т. Церетели задают вопрос: «Какой советский судья оправдает лицо, которое будет доказывать, что оно по своему умственному развитию, по своему опыту и тому подобным субъективным свойствам не могло предусмотреть вредного последствия своей деятельности?»².

Этот конкретный вопрос, как и общий ответ на вопрос о приемлемости для советского социалистического уголовного права объективного или субъективного критерия, должен быть решен путем совершенно иной его постановки.

Наука советского уголовного права и судебная практика предъявляют к субъекту неосторожного деяния требование долженствования предвидения последствий своих деяний, но при условии, что обвиняемый мог их предвидеть. Поэтому вопрос об объективном или субъективном критерии необходимо поставить отдельно и разрешить в отношении долженствования предвидения, с одной стороны, и возможности предвидения — с другой.

Вопрос о долге советского гражданина, о должном и не должном его поведении решается в социалистическом уголовном праве принципиально иначе, чем в буржуазном уголовном праве. В буржуазном государстве понятие должного определяется с точки зрения господствующего класса, т. е. «меньшинства».

Совершенно по-иному обстоит дело в советском уголовном праве. В советском уголовном праве представления о долге и должном поведении, из которых исходит уголовный закон и уголовный судья, являются вместе с тем представлениями о долге и должном поведении всего народа. Интересами всего народа, его морально-политическими взглядами и убеждениями, продиктованы ст.ст. 130—133 Сталинской Конституции, устанавливающие обязательные для каждого гражданина СССР правила поведения: «Каждый гражданин обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно

¹ В. Макашвили и Т. Церетели, указ. соч. стр. 106.

² Там же, стр. 107.

относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

Эти правила поведения могут и должны служить общим объективным критерием и при решении советским судом вопросов о нарушении подсудимым должной предусмотрительности при неосторожности.

В условиях социалистического государства правила поведения отдельных категорий трудящихся основаны на интересах всего народа и одобряются всеми трудящимися. Требования, предъявляемые в отношении предусмотрительности к работникам разных специальностей (армия, милиция, железнодорожные работники, врачебный персонал и т. д.), также могут служить объективным критерием для оценки поведения с точки зрения должной предусмотрительности¹. Во всех этих случаях всегда может быть объективно установлено, как в данных условиях должен был поступить обвиняемый.

Имеются, наконец, общепринятые правила, — правила социалистического общежития, выработанные десятилетиями опыта трудящихся, твердо принятые правила поведения в быту, могущие служить объективными критериями для оценки поведения граждан.

Таким образом, в социалистическом уголовном праве критерии для решения вопроса о наличии или отсутствии должной предусмотрительности (предвидения), т. е. для решения вопроса, как должен был вести себя подсудимый, являются объективными и обязательными для всех граждан критериями. Они должны служить масштабом для суда при решении вопроса, должен ли был конкретный подсудимый, обвиняемый в совершении преступления по преступной небрежности, предвидеть инкриминируемые ему последствия его действий.

Так понимаемый объективный масштаб для оценки наличия у подсудимого или отсутствия у него обязанности (долга) предвидеть последствия своих действий ничего общего не имеет с объективным средним масштабом, который предлагают В. Макашвили и Т. Це-

¹ В этом смысле пишет М. Исаев в работе «Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР», 1948 г., стр. 80: «Мы можем говорить, что субъект «должен был предвидеть», когда обязанность этого «предвидения» вытекает из правил, установленных для данной профессии или должности, или вообще из правил социалистического общежития».

ретели. Формула этих авторов — абстрактная, аполитичная, формалистическая, не учитывающая особенностей долга советского гражданина. Средний масштаб крайне напоминает «среднего человека» буржуазного права, этого «рачительного» хозяина, собственника, стяжателя, носителя буржуазной идеологии. Наоборот, объективный критерий, основанный на ст.ст. 130—133 Сталинской Конституции, — это критерий, учитывающий долг трудящегося — гражданина СССР и те требования, которые социалистическое государство вправе предлагать каждому свосму гражданину.

Но демократизм советского социалистического уголовного права требует и учета особенностей как самого субъекта, так и обстановки, в которой было совершено по неосторожности деяние. Одно дело — объективный масштаб для установления, как должен был вести себя подсудимый, и другое дело — как он мог себя вести.

В этом последнем отношении невозможны никакие объективные критерии. При решении по конкретным делам вопроса, мог ли подсудимый, обвиняемый в совершении преступления по преступной небрежности, предвидеть последствия своих действий, должны учитываться чисто субъективные особенности подсудимого, как-то: болезнь, неопытность, молодость или старость, усталость, отсутствие или наличие общего или специального образования и т. п.

Должна при этом учитываться и конкретная обстановка, в которой лицо совершило неосторожное преступление¹.

Изложенные положения основываются и на судебной практике.

Правда, по вопросу о критерии для решения вопроса о долженствовании имеется старое (1926 г.) постановление Уголовно-кассационной коллегии Верховного суда РСФСР, стоящее на иных позициях. Постановление это вынесено было по делу Маркова, обвинявшегося по ч. 2 ст. 149 УК РСФСР (причинение смерти, последовавшей в результате нанесения тяжкого телесного повреждения). Играя в карты и закурив папиросу, Марков бросил, не

¹ В общем аналогично решает вопрос о соотношении между объективным и субъективным критерием и А. Пионтковский в учебнике *Общей части уголовного права ВЮИ*, 4-е изд., стр. 346—347.

глядя назад, непотухшую спичку. Спичка попала на рубашку ребенка, бросившегося бежать, что усилило пламя. Ребенок получил ожоги, в результате которых погиб. Уголовно-кассационная коллегия дело Маркова прекратила на том основании, что «наступление тяжких последствий было предвидеть настолько трудно, что при подобных условиях каждый нормальный человек не в состоянии был бы это учесть, между тем как наказуемая неосторожность имеет место только в том случае, когда лицо, ее совершившее, вышло за пределы обычной средней осторожности нормального человека...»¹.

Нетрудно убедиться, что в этом определении проводилась та самая теория предсмотрительности «среднего» человека, за которую выступают В. Макашвили и Т. Церетели.

Однако судебная практика в дальнейшем решительно отказалась от этой теории и пошла по иному пути. В настоящее время вопрос о должном поведении обвиняемого Верховный суд СССР разрешает не с точки зрения «обычной, средней» осторожности нормального человека, а в зависимости от того, мог ли данный подсудимый в данных условиях выполнить свой долг по предвидению последствий своего деяния.

Так, например, по делу Чиликова и Маслова, обвинявшихся в неосторожном убийстве во время стрельбы из револьвера, Судебная коллегия по уголовным делам в определении от 19 ноября 1947 г. указала: «С субъективной стороны следует признать, что, хотя Маслов и не предвидел возможности причинения смерти потерпевшей в результате своих действий, но по обстоятельствам дела (стрельба из револьвера в бревенчатой будке, находящейся недалеко от переходной тропы) следует считать, что он должен был бы предвидеть возможность наступления таких последствий, если бы действовал с большей осмотрительностью. Поэтому Маслов подлежит ответственности за неосторожное убийство. Чиликов независимо от Маслова также подлежит ответственности за неосторожное лишение жизни Поповой. Он организовал стрельбу в цель и тем самым объективно создал реальную возможность гибели проходивших мимо будки людей. Он

¹ «Еженедельник Советской Юстиции», 1928 г., № 41.

не предвидел этих последствий своих действий, но по указанным уже обстоятельствам должен был предвидеть их наступление»¹.

В зависимости от индивидуальных особенностей каждого конкретного случая решает Верховный суд СССР вопрос о том, мог или не мог предвидеть обвиняемый последствия своего поведения. Так, по делу Солицевой, обвинявшейся в халатности, результатом которой была недостача 129 кг хлеба, Судебная коллегия по уголовным делам указала: «При оценке действий Солицевой суд не учел, что вследствие своей малограмотности она не подходила для занятия должности материально-ответственного лица и что наступившие последствия не могут рассматриваться как результат ее вины, хотя бы неосторожной, так как неосторожная вина предполагает, что обвиняемый либо предвидел последствия своих действий, либо должен был предвидеть их. В данном же случае по делу не доказано, что Солнцева, малограмотный человек, незнакомый со всеми требованиями отчетности, ... предвидела или могла предвидеть последствия своих действий»².

§ 3. Степени неосторожности

Установленное выше материальное содержание неосторожности требует постановки вопроса о степенях неосторожности. Неосторожность может быть большей или меньшей. Возможна и большая или меньшая преступная самонадеянность и большая или меньшая преступная небрежность.

Вопрос о степенях неосторожности был поставлен еще римскими юристами и разработан средневековыми юристами, под влиянием которых в буржуазной доктрине в течение столетий было принято деление неосторожности по весьма неопределенному признаку тяжести и легкости: *culpa lata*, *culpa latior*, *culpa levissima*.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1944 г., вып. IV (X), стр. 12—13.

² См. определения Судебной коллегии по уголовным делам по делу Шестакова. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. I (XXXV), стр. 23.

Однако эта и другие схемы имели весьма абстрактный характер¹. Втиснуть многообразие жизненных случаев в любую из них было трудно. Кто мог сказать, где проходит грань между тяжелой и легкой виной, между более тяжелой и тягчайшей или более легкой и легчайшей виной? Эта неопределенность и прельщала римских и позднейших юристов. Она давала возможность произвола суду при определении степени виновности, т. е. удовлетворяла одному из основных требований юстиции эксплуататорских классов. При указанных схемах ничего не стоило «легчайшую» неосторожность (*culpa levissima*) объявить грубейшей (*culpa latissima*) — и наоборот.

Совершенно по-иному рассматривается вопрос о степенях неосторожности в советском уголовном праве. Здесь установленное различие в степени неосторожности преследует задачу еще большего укрепления социалистической законности, дифференциации вины и уголовной ответственности.

В советской науке уголовного права вопрос о степенях неосторожности был поставлен М. Исаевым, указавшим, что «хотя УК не знает деления неосторожности на более грубую или более легкую неосторожность, но такого рода различие степеней неосторожности имеет жизненное значение»². Судебная практика давно уже дала основание для постановки вопроса о степенях неосторожности. В определении от 20 февраля 1946 г. по делу Туртанова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР,

¹ Царское Уложение о наказаниях 1835 г. сохранило деление неосторожности на разные виды по степени тяжести. Согласно ст. 110 «строгость определенного в законе наказания за преступление, učinенное без намерения, увеличивается, когда учинивший оное, по званию своему или обстоятельствам был обязан действовать с особенной осмотрительностью; сия строгость уменьшается, когда деяние подсудимого по существу своему было не противозаконное, а вредные одного последствия не могли быть им легко предвидены, или же когда он в сем случае увлекался излишнею в исполнении возложенных на него обязанностей ревностью. Когда неосторожность деяния, бывшего причиной сделанного зла, оправдывается обстоятельствами, по коим никак нельзя было ожидать и предполагать вредных одного последствий, то виновному в сей неосторожности делается только приличное насчет оной внушение». Деление вины неосторожной на виды (по другим признакам) предлагал А. Кистяковский, указ. соч., стр. 905.

² М. М. Исаев, Вопросы уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного суда СССР, 1948 г., стр. 83.

признав, что «в действиях Туртанова имеются известные элементы халатности», сравнивает по тяжести небрежность, допущенную Туртановым с небрежностью, проявленной администрацией учреждения, в котором работал Туртанов. В определении коллегии говорится, что небрежность администрации «как источник применения вреда имеет гораздо большее значение, чем небрежность Туртанова...»¹.

В определении по делу Мостового, рассмотренному Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР 2 июня 1948 г., вопрос о степенях вины стоит с особой четкостью, а именно: «ст. 138 УК РСФСР в качестве санкции за неосторожное убийство предусматривает лишение свободы до 3 лет или исправительно-трудовые работы на срок до 1 года. При одинаковом последствии — наступлении смерти — закон за неосторожное убийство устанавливает для санкции весьма широкие рамки. Тем самым, при назначении меры наказания суд должен руководствоваться степенью неосторожной вины (курсив мой. — Б. У.).

Мостовой разворачивал машину не на абсолютно пустой дороге, а на месте, где, как он знал, были ребята. Знал ли он, что их было трое или двое — не имеет значения. Все же вина Мостового не столь велика, как если бы он стал разворачивать и осаживать назад машину в месте скопления публики, грубо пренебрегая правилами предосторожности, не подавая сигналов, не обращая никакого внимания на то, что делается сзади и по бокам машины»².

Неосторожность может быть настолько незначительной, что она вообще не дает основания для уголовной ответственности за нее. Так, например, в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 16 октября 1943 г. по делу Алфимовой говорится: «если допустить наличие в ее действиях некоторой неосторожности (курсив мой. — Б. У.), то ее упущение не настолько серьезно, чтобы при указанных положительных отзывах о работе оно могло влечь уголовную

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. III (XXVI), стр. 11.

² Цит. по указ. выше работе М. М. Исасва, стр. 81—82.

ответственность»¹. В другом своем определении от 2 августа 1942 г. по делу Хазеевой Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР говорит об «известной неосторожности», которая не имеет такого характера, о котором говорится в ст. 145 УК РСФСР².

Наряду с незначительной по своему характеру неосторожностью Верховный суд СССР устанавливает иногда и наиболее тяжелую по характеру форму неосторожности. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам в определении от 23 декабря 1944 г. по делу Колчиной говорит о «грубой небрежности»³.

Вопрос о степенях неосторожности — это вопрос о степени отрицательной оценки поведения виновного в совершении преступления по неосторожности. Различение между степенями неосторожности и установление в каждом конкретном деле степени неосторожности способствует точности оценки вины подсудимого, дифференциации его ответственности и вынесению ему наказания в соответствии со степенью проявленной им вины.

§ 4. Специальные вопросы неосторожности

При теоретическом исследовании проблемы неосторожности как формы уголовной вины встает ряд вопросов, постановка и разрешение которых имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

1. Утверждение, что неосторожность занимает среднее место между умыслом и случаем, встречается в советской юридической литературе. В. Макашвили и Т. Церетели прямо заявляют: «неосторожность занимает среднее место между умыслом и случаем» С таким утверждением

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, 1943 г., М., 1948 г., стр. 92. О «некоторой неосторожности», см. также «Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. III, стр. 15.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1942 г., М., 1947 г., стр. 103.

³ Судебная практика Верховного суда СССР», 1945 г., вып. I (XVII), стр. 17. Также в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 20 февраля 1946 г. по делу Туртанова, «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. III (XXVII), стр. 11.

⁴ В. Макашвили и Т. Церетели, «Проблемы социалистического права», 1939 г., № 4—5, стр. 102.

согласиться нельзя. И по юридическим признакам и по своему морально-политическому содержанию неосторожность должна быть четко отграничена и от умысла и от случая. Практика нуждается не в смазывании граней между неосторожностью и случаем, а, наоборот, — в четком проведении этой грани.

Неосторожность полностью лежит в области виновного поведения человека, случай — за этой областью. Юридические признаки, позволяющие неосторожности размежеваться со случаем, четки и ясны: обязанность и наличие возможности предвидеть последствия своих действий при неосторожности и отсутствие такой обязанности и такой возможности — при случае.

Еще большим является различие между поведением, характеризуемым как неосторожность, и поведением, характеризуемым как случай, если то и другое поведение оценивать с морально-политической точки зрения. Неосторожное поведение — это поведение, дающее основание для более или менее резкой отрицательной оценки со стороны советского суда. При случае такая отрицательная оценка отпадает, для нее нет оснований.

Утверждение, что «неосторожность занимает среднее место между умыслом и случаем», может только дезориентировать практических работников. Практика Верховного суда СССР идет, как известно, по совершенно другой линии — по линии тщательного разграничения неосторожности от умысла, с одной стороны, и от случая — с другой. Долг советской науки уголовного права — это различие уточнить, сделать его более ясным и отчетливым, а не затушевывать его и ослаблять грани.

2. Между ошибкой и отсутствием у виновного предвидения последствий своих действий при неосторожности имеется существенное психологическое различие. При ошибке у лица имеется неправильное, несоответствующее действительности представление о том или другом факте. При неосторожности у него вовсе отсутствует представление о причинной связи между его действиями и последствиями этих действий. При ошибке лицо действует, исходя из определенных неправильных представлений. Оно задумалось над положением, пыталось правильно осознать создавшееся положение, по ему это не удалось, и оно пришло к неправильному представлению.

При неосторожности виновный вообще не оценивает создавшегося положения. Он не счел нужным задуматься над значением совершаемого, над возможностью наступления общественно-опасных последствий его деяния, хотя обязан был и мог это сделать. В подтверждение мысли о связи неосторожности с ошибкой утверждают иногда, что человек, сжегший вещь, которую он ошибочно принимал за свою, не может отвечать за умышленное истребление чуждой собственности, но может быть наказан за небрежность. В такой постановке это утверждение неверно. Лицо, о котором идет речь, будет отвечать за небрежность, если оно обязано и могло бы знать, что оно имеет дело с чуждой собственностью, но по преступной небрежности не знало этого. Но если в основе действий лица лежала извинительная ошибка, то в его действиях отсутствует состав как умышленного, так и неосторожного деяния, и происшедшее является для него случаем.

Наконец, совершенно различный характер имеют ошибка и неосторожность, если их оценивать с точки зрения требований, предъявляемых советским уголовным правом к поведению гражданина. Лицо, сделавшее что-либо по извинительной ошибке, не заслуживает никакого уголовно-правового упрека. Лицо, совершившее преступление по неосторожности, дало основание для такого упрека, для отрицательной оценки его поведения со стороны уголовного права и суда.

3. Принципиальное значение имеет вопрос о виновности субъекта в наступлении последствий при преступлениях, квалифицированных по их последствиям. Лицо совершает преступление умышленно, но преступление влечет за собой последствия, наступления которых субъект не предвидел и не желал. Несет ли субъект ответственность за такие последствия, и если несет, то при каких условиях?

Советское уголовное право не знает ответственности без вины и не может устанавливать ответственность за такие результаты действий лица, в которых лицо не проявило виновного отношения.

Советские уголовные кодексы знают много составов преступлений, квалифицированных по последствиям. Таковы ст. 58⁶ (санкция), ч. 2 ст. 79², ч. 2 ст. 79⁴, ч. 3 ст. 81, ч. 1 ст. 108, ч. 2 ст. 108¹, ч. 4 ст. 108¹ и др. Но как

самый закон (ст. 10 УК РСФСР), так и практика советских судов и советская наука уголовного права не допускают малейшей возможности понимания этих составов как устанавливающих объективную ответственность. При всех подобных составах преступлений ответственность за последствия может иметь место только в том случае, если в отношении последствий имела место неосторожность со стороны виновного.

В советской науке уголовного права и в практике органов юстиции иной подход к преступлениям, квалифицированным по последствиям, немислим. Еще в 1924 г. советские криминалисты указывали, что во всех тех случаях, когда в Уголовном кодексе увеличивается ответственность за известное преступление в случае наступления тех или иных последствий (например, в ст. 142 УК РСФСР — наступление смерти, как последствие тяжкого телесного повреждения), должно быть установлено, что виновный произвел это последствие неосторожно. Если же этого установить нельзя, то его ответственность возможна только за простой вид данного преступления, а не за тяжкий, осложненный наступлением подобного последствия¹. В определении от 30 декабря 1943 г. по делу Платова Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР, анализируя условия, при которых возможно применение ч. 2 ст. 142 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение, от которого последовала смерть потерпевшего), считает необходимым, чтобы в отношении результата — смертельного исхода — виновный «проявил неосторожную вину, т. е. предвидел возможность смертельного исхода, но надеялся его предотвратить или, хотя не предвидел, но должен был предвидеть»².

4. Специальный интерес представляет вопрос о халатности как форме виновности.

Вопрос о природе халатности (или халатного отношения должностного лица к службе) в советской литературе всегда рассматривался как вопрос, относящийся к субъективной стороне преступления. Авторы, так понимавшие

¹ Уголовный кодекс РСФСР. Практический Комментарий под ред. М. Гернета и А. Трайнина, 1924 г., стр. 29.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1943 г., М., 1948 г., стр. 133.

халатность, формальное основание для этого искали в тексте ст. 111 УК РСФСР, говорящей о «халатном отношении к службе, т. е. небрежном или недобросовестном отношении к возложенным по службе обязанностям».

Основываясь на буквальном тексте ст. 111 УК РСФСР, авторы, комментирующие эту статью, считают халатность видом преступной небрежности. Так поступают, в частности, авторы некоторых учебников уголовного права, а также авторы Комментария к Уголовному кодексу РСФСР — А. Трайнин, В. Меньшагин и З. Вышинская. О таком понимании ими халатности свидетельствует анализ ими понятия халатности¹.

Понятие халатности обычно рассматривается с точки зрения его отношения к понятию небрежности и определяется как понятие, несколько более широкое чем небрежность. С таким пониманием халатности согласиться нельзя. Нетрудно убедиться, что ни термин «отношение», ни текст ст. 111 УК РСФСР, в целом, ни содержание халатности не противоречат пониманию халатности как вида небрежности или как формы вины, более широкой по своему содержанию чем небрежность.

В действительности «небрежность», о которой говорится в ст. 111 УК и в некоторых статьях Особенной части УК, — это признак данного преступления, отнюдь не относящийся к субъективной стороне преступления. Небрежность в ст. 111 УК РСФСР — это признак относящийся к объективной стороне преступления. Бездействию власти как несовершению определенных действий противостоит небрежность как преступно-плохая, неудовлетворительная по качеству работа. Небрежность в смысле ст. 111 УК означает, что должностное лицо свои служебные обязанности выполняет плохо, выполняет не так, как это требуется интересами дела, выполняет так, что при-

¹ А. Трайнин, Уголовное право, часть Особенная, 1927 г. «понятие халатности и небрежности почти равнозначущи» (стр. 238). Также А. Трайнин в учебнике Уголовного права, 1938 г. (стр. 36). Также Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР А. Трайнина, В. Меньшагина и З. Вышинской, 1941 г., стр. 143 и 1944 г., стр. 151. Учебник «Советское уголовное право», части Общая и Особенная, 1940 г., стр. 166. Против утверждения А. Трайнина, что понятие небрежности и халатности почти равнозначущи, см. Н. Дурманов, «Советское государство и право», 1940 г., № 1, стр. 134.

чиняет наступление вредных последствий для вверенного виновному дела.

О том, что небрежность в ст. 111 УК РСФСР следует понимать не как форму вины, а как признак, относящийся к объективной стороне состава преступления, говорит и то обстоятельство, что в ст. 111 УК РСФСР небрежность связана с наступлением в результате ее определенных последствий¹.

Правильность такого понимания «небрежности» в ст. 111 УК РСФСР находят подтверждение и в том, что такой же смысл придает небрежности и ст. 58¹⁴ УК, говорящая об «умышленно-небрежном отношении» к своим обязанностям. Понимание в этих случаях небрежности в смысле субъективном, т. е. в смысле преступной небрежности, о которой говорит ст. 10 УК РСФСР, привело бы к абсурдному положению, что возможна «умышленная небрежность». Понимание же «умышленно-небрежного» отношения к своим обязанностям как «умышленно-плохого по качеству» выполнения работы придает этим признакам ст. 58¹⁴ УК РСФСР смысл и ясное содержание. Подобно тому, как в ст. 111 УК РСФСР халатность, т. е. плохая по качеству работа, противопоставляется бездействию власти, в ст. 58¹⁴ сознательно-небрежное исполнение обязанностей противопоставляется «сознательному неисполнению обязанностей».

Так же обстоит дело и со ст. 128 УК РСФСР, говорящей о небрежном отношении к порученному делу. Рассуждая аналогичным образом, следует прийти к выводу, что и в этой статье небрежность следует понимать как признак объективной стороны бесхозяйственности, а небрежное отношение к порученному делу как плохую, ненадлежащую работу должностного лица, стоящего во главе учреждения или предприятия.

Наконец, «преступно-небрежное отношение с лошадьми», о котором говорит ст. 79⁴ УК РСФСР, — это

¹ См. И. Дурманов в полемике с А. Трайниним: «Служебная халатность, как уголовный деликт, есть не просто небрежное отношение к службе, но небрежное отношение, повлекшее описание в законе упущения по службе, следовательно, понятие халатности складывается из этих двух элементов». — «Советское государство и право», 1940 г., № 1, стр. 134.

преступно-плохое обращение, а «небрежность» в этой статье — это признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 79¹ УК РСФСР.

В таком же смысле понимает халатность и судебная практика. В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР говорится: «Брагин признан виновным в том, что, работая заведующим складом взрывчатых материалов, халатно относился к своим обязанностям, плохо вел учет взрывчатых материалов, не учитывал тары, в книгах учета допускал помарки и исправления; не оприходовывал остатков взрывчатых материалов, возвращенных ему рабочими-взрывниками»¹. Определение Железнодорожной коллегии Верховного суда СССР от 10 декабря 1940 г. указывает, что «преступление Писарева», заключающееся в том, что он «принимал недостаточные меры к обеспечению франко-погрузки и выгрузки вагонов рабочей силой и, зная, что на заводе нет продукции, тем не менее давал заявки на подачу вагонов — должно быть квалифицировано по ст. 111 УК РСФСР»². По делу Пуржанова Судебная коллегия Верховного суда СССР в определении от 20 февраля 1946 г. говорит об «известных элементах халатности, выразившейся в том, что он не обеспечивал надлежащего устройства запоров»³.

Толкованию небрежности как признака объективного не противоречит и указание закона в ст. 111 УК РСФСР, наряду с небрежностью, и на недобросовестность. Нельзя согласиться с авторами, усматривающими в недобросовестности сознательное (т. е. умышленное) халатное отношение к своим обязанностям. Но если бы недобросовестность и была признаком, относящимся к субъективной стороне преступления, то из этого вовсе не вытекало бы, что поставленная в законе рядом с недобросовестностью небрежность точно так же является обстоятельством, относящимся к субъективной стороне.

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1940 г., стр. 120.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, 1941 г., стр. 173.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1946 г., вып. III (XXVII), стр. 11.

Но и термин ст. 111 УК РСФСР «недобросовестность» нет основания считать признаком, относящимся к виновности. Более правильным является обратное утверждение, а именно, что нет принципиальной разницы между небрежностью и недобросовестностью в смысле этой статьи УК.

Недобросовестность — это не более чем резко выраженная небрежность¹. Этим только можно объяснить, что судебная практика по применению ст. 111 УК РСФСР никогда не пользуется термином «недобросовестность». Опыт показал, что термин небрежность вполне удовлетворяет судебную практику и что в применении термина «недобросовестность» практика не испытывает никакой нужды. Поэтому-то постановления и определения Верховного суда СССР, квалифицирующие те или иные действия по ст. 111 УК, говорят только о преступно-небрежном отношении должностных лиц к своим обязанностям.

В советской литературе можно встретить утверждения, что небрежность в ст. 111 УК РСФСР — это такое отношение должностного лица к своим служебным обязанностям, при котором отсутствует сознание допускаемой халатности, а недобросовестность — это такое же отношение, но только сопровождаемое сознанием допускаемой халатности. Если стоять на такой точке зрения, то, будучи последовательным, необходимо прийти к выводу о различии в обоих случаях формы виновности и утверждать, что небрежность предполагает вину неосторожную, а недобросовестность — умышленную. Однако авторы указанных утверждений стоят на точке зрения, что халатность во всех случаях предполагает неосторожную вину². А это находится в противоречии с заявлением тех же авторов, что при недобросовестности «должностное лицо сознает свои погрешности, но по тем

¹ Н. Жижиленко, Должностные преступления, 1923 г., стр. 40.

² А. Трайнин, Уголовное право, Часть Особенная, 1929 г., стр. 239; Уголовное право. Особенная часть, 1943 г., стр. 281. А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий, 1944 г., стр. 151.

или иным причинам эти погрешности допускает»¹. Такое отношение иначе, как умышленным, квалифицироваться не может.

Судебная практика прежде считала, что халатность всегда предполагает вину неосторожную². Из материалов же судебной практики Верховного суда СССР за последние годы такого вывода сделать нельзя³. Так, например, из указания в определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР, что подсудимые «недостаточно дезинфицировали склады, не приготовили их к приемке зерна»⁴ или что «вследствие плохого ухода за скотом имел место падеж 7 лошадей»⁵, не вытекает, что в обоих этих случаях имела место неосторожность. Недостаточная дезинфекция, непринятие мер к приемке зерна, плохой уход за скотом могли совершаться и умышленно.

Если стоять на точке зрения, что понятия «небрежность» и «недобросовестность» относятся к объективной стороне преступления и означают неиадлежащее, плохое по качеству выполнение обязанностей по службе, то нельзя отрицать, что такое выполнение служебных обязанностей может иметь место не только по преступной небрежности. В таких случаях может иметь место и умышленная вина.

5. Формула неосторожности в п. «б» ст. 10 УК РСФСР говорит о предвидении лицом последствий своих деяний. В формуле же п. «а» этой же статьи, относящейся к предвидению последствий при умысле, говорится о предвиде-

¹ А. Трайнин, В. Меньшагин, З. Вышинская, Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий, 1944 г., стр. 151.

² «Бездействие власти — деяние умышленное, а халатность — деяние неосторожное», — говорится в докладе УКК Верховного суда РСФСР о должностных преступлениях за вторую половину 1926 г., стр. 79 («Судебная практика», 1927 г., № 16).

³ Например, сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда Союза ССР, второе полугодие 1939 г., (по делу Бердникова) или одноименный сборник за 1940 г., стр. 192 (по делу Дуновиллина и др.).

⁴ Сборник постановлений Пленума и определенных коллегий Верховного суда СССР, 1940 г., стр. 193.

⁵ «Судебная практика Верховного суда СССР», 1943 г., вып. IV, стр. 17.

нии «общественно-опасного характера» последствий. Не подлежит сомнению — и это никем не оспаривается, — что и в п. «б» ст. 10 речь идет о таких последствиях, которые советское уголовное право считает общественно-опасными.

В литературе вставал вопрос, входит ли в понятие отсутствия у виновного предвидения последствий своих действий при преступной небрежности отсутствие предвидения только фактических последствий деяния или же речь идет и об отсутствии предвидения противоправности последствий. Иными словами, идет ли при неосторожности речь только о недостатке фактической предусмотрительности или также и о недостатке предусмотрительности правовой. Так, например, если А., пуская фейерверк в толпу, причинит легкие ожоги нескольким людям, то требуется ли для признания его виновным в неосторожном причинении ожогов установление только того, что он не предвидел, но должен был предвидеть возможность причинения ожогов, или же также и того, что он должен был предвидеть, что последствия его действий (причинение легких ожогов) являются противоправными?

Если в отношении умысла вопрос ставится о наличии или отсутствии у совершившего преступление сознания противоправности его действий, то при неосторожности вопрос о наличии сознания противоправности, естественно, возникнуть не может. При неосторожности виновный не предвидит ни последствий своих действий, ни, следовательно, их противоправности. При неосторожности речь может идти только о том, должен ли был виновный предвидеть не только самые последствия его действий, но и их противоправность.

Рассматриваемый вопрос должен быть решен, исходя из тех же положений, которые являются исходными при разрешении вопроса о сознании противоправности при умысле.

Совершенно несомненно, что в отношении последствий большинства преступлений, совершаемых по неосторожности, у граждан СССР имеется сознание их противоправности. Отсутствие такого сознания может встретиться столь же редко, как и при совершении умышленных преступлений.

Учитывая это, надо прийти к выводу об обязательности требования при неосторожности предвидения не

только фактических, но и юридических последствий деяния.

* * *

Советское уголовное право не имеет оснований отказываться от родового понятия вины как субъективной стороны состава преступления. Более того, оно крайне заинтересовано в таком определении, так как наличие его может способствовать еще большему укреплению законности при отправлении правосудия по уголовным делам. Такое определение может только усилить те гарантии, которые дают гражданам СССР точные понятия умысла и неосторожности в советском уголовном законодательстве.

Безусловное требование наличия умысла или неосторожности как важнейшего и обязательного условия возможности привлечения к уголовной ответственности еще более подкрепляется при наличии родового определения вины как субъективной стороны преступления, подчеркивая, что умысел и неосторожность являются формами вины, помогает раскрытию содержания каждой из этих форм.

При определении вины как родового понятия умысла и неосторожности надо исходить из следующих признаков:

1. Наличие у виновного определенного психического отношения к своим действиям (бездействию) и его последствиям, требуемого законом для каждой из форм вины (умысла или неосторожности).

2. Сознание виновным противоправности своего поведения или опасности его для социалистического государства (при умысле).

3. Отрицательная общественная морально-политическая оценка психического отношения виновного к своим действиям и их последствиям.

4. Наступление, в связи с отрицательной морально-политической оценкой, уголовной ответственности виновного.

Сочетание этих признаков приводит к следующему определению вины как родового понятия умысла и неосторожности.

Вина по советскому уголовному праву, как родовое понятие (субъективная сторона состава преступления), — это такое, выражающееся в умысле или неосторожности психическое отношение лица к опасности для социалистического государства своих действий и их последствий, которое заслуживает отрицательной морально-политической оценки со стороны советского суда, при отсутствии которого невозможно наступление уголовной ответственности.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

СЛУЧАИ

Одним из основных положений социалистического уголовного права является положение, что «уголовное наказание может быть применено лишь к действиям, совершенным либо умышленно, либо по неосторожности; что же касается действий случайных, то такие действия, как исключаящие какую-либо вину, умышленную или неосторожную, вообще не могут влечь уголовной ответственности»¹.

Таким образом при так называемом случае в психике лица, причинившего случайные последствия, отсутствуют те переживания в области сознания, воли и чувства, которые делают внутреннее психическое отношение лица к его действиям и их последствиям виновным отношением. Это не означает, однако, что при случае отпадает всякая необходимость анализа психического процесса у данного лица, хотя бы этот процесс и выразился в отсутствии предвидения и желания. И при случае у лица имеется определенное субъективное отношение к происшедшему, хотя бы это отношение характеризовалось отрицательными признаками (не предвидел и не должен был предвидеть).

Как же определить случай как понятие социалистического уголовного права?

М. Шаргородский предложил следующее его определение: «Случайность имеет место тогда, когда действие, совершенное лицом, не могло вызвать хотя бы и желательный ему результат и когда результат наступил, хотя и в итоге действий данного лица и находится с ними в причинной связи, но для наступления этого результата

¹ Постановление Пленума Верховного суда СССР от 27 ноября 1946 г. по делу Сажина.

необходимо было, кроме действия субъекта, присоединение еще и других причин, которые не возникали из его действий»¹.

Это определение страдает тем недостатком, что в нем отсутствует указание на то, что результат не был предвиден субъектом и что субъект не мог его предвидеть.

Неточным является утверждение, что результат наступил в итоге действий данного лица, так как при случае результат может наступить в итоге не только действий данного лица, но в итоге и его действий и иных причин, созданных не им.

Нельзя признать достаточно точным и определение случая, данное А. Трайниным, как ни подкупают оно четким противопоставлением причинения результата и вины. Случаем А. Н. Трайнин признает «положение, когда на стороне действующего лица имеется объективное основание ответственности — причинение результата, но отсутствует субъективная виновность»². Нетрудно видеть, что под это определение подойдут необходимая оборона, крайняя необходимость и другие обстоятельства, исключающие вину (и при этих обстоятельствах наступившие результаты не могут быть вменены лицу ни в умышленную, ни в неосторожную вину). Это происходит оттого, что и в определении А. Н. Трайнина отсутствует существеннейший признак случая, а именно: непредвидение и невозможность для данного субъекта предвидеть наступивший результат.

Нельзя признать адекватными понятию случая и признаки, указанные А. А. Пионтковским в учебнике Общей части уголовного права, а именно: «Отрицательный ответ на вопрос, должен ли был субъект предвидеть возможность наступления последствий своей деятельности, влечет за собою признание отсутствия в его действиях вины и наличия случая, за которой он не подлежит уголовной ответственности»³, а также в близком к этому определении случая, данном А. Герцензоном: «Такое состояние психики субъекта, при котором он не предвидел последствий своих действий и не должен был предвидеть»⁴.

¹ М. Шаргородский, цит. статья, стр. 201.

² А. Трайнин, Учение о соучастии, 1941 г., стр. 60.

³ Уголовное право, Общая часть, 1948 г., стр. 148.

⁴ А. Герцензон, Уголовное право, часть Общая, стр. 340,

Недостатком определений случая, предложенных А. Пионтковским и А. Герцензоном, является отсутствие дифференцированной постановки вопроса о долженствовании и предвидеть наступление события и возможности предвидеть его, и неправильный взгляд, что при случае лицо всегда не должно предвидеть результатов своих действий. Возможно наличие случая и тогда, когда субъект должен был предвидеть эти последствия, но по тем или другим основаниям не мог их предвидеть и поэтому все происшедшее является для него все же случаем.

Бригадир пути Егоров и путевой откатчик Дорофеев были признаны виновными в том, что вследствие халатного отношения к своим обязанностям они не обнаружили дефектного рельса и под движущимся составом поезда произошел излом рельса. Пленум Верховного суда СССР нашел установленным по делу, что внутреннюю трещину рельса могло обнаружить лицо, прошедшее лишь специальную для этого подготовку. Между тем из дела видно, что ни начальник дистанции пути, ни дорожный мастер никакого инструктирования бригадиров пути и путевых обходчиков о порядке и методах обнаружения подобных дефектов в рельсах не производили и специальной инструкции НКПС по этому вопросу с бригадами и путевыми обходчиками не прорабатывали. Пленум признал, что при этих условиях Дорофеев и Егоров не могут считаться виновными в том, что они не обнаружили дефектного рельса¹.

Можно ли утверждать, что бригадир пути Егоров и путевой обходчик Дорофеев не должны были установить излом рельса? Они, бесспорно, должны были его установить. Это непосредственно входит в их обязанности, и недопустимо сомнение в этой их обязанности. Но по независящим от них обстоятельствам они не могли эту свою обязанность выполнить.

Младший стрелочник Скородумов, получив распоряжение старшего стрелочника Залевского о приготовлении маршрута поезду № 956 по 7 пути, перевел вместо 2 стрелки стрелку 18 и сделал ее на 5 путь, занятый

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, второе полугодие 1939 г., стр. 29.

поездом № 922, после чего доложил Залевскому о готовности маршрута. Залевский, не проверив сообщение Скородумова, в свою очередь доложил дежурному по станции о готовности маршрута, после чего был открыт семафор. Поезд № 956 оказался принятым на занятый путь, и крушение было предотвращено лишь благодаря тому, что поезд № 956 был остановлен на расстоянии 50 метров от поезда № 922.

Пленум Верховного суда СССР не нашел в действиях Скородумова состава преступления на том основании, что Скородумов дежурил всего лишь пятое дежурство, не являлся опытным работником и к тому же в прошлом имел хорошую характеристику о своей работе¹.

Можно ли утверждать, что стрелочник Скородумов не обязан был быть предусмотрительным при переводе стрелок? Конечно, нет. Но вследствие своей неопытности, он не смог проявить необходимой осмотрительности, и все происшедшее явилось для него случаем.

Указание в определении случая на то, что лицо не должно было предвидеть последствий своих действий, не только не соответствует действительному положению при случае, но имеет отрицательное значение с точки зрения поднятия дисциплины среди работников различных профессий. Оно ослабляет чувство долга, сознание необходимости максимальной предусмотрительности.

Конечно, по многим делам для признания происшедшего случаем достаточно убеждения суда, что подсудимый не должен был предвидеть последствий своих действий. Но случай может быть признан и тогда, когда субъект, хотя и должен был предвидеть результаты своих действий, но не мог их предвидеть.

Неправильным является поэтому включение в формулу случая только признака отсутствия у субъекта должностования предвидения последствий своих действий. В этой формуле должно быть указано и на невозможность предвидения.

Наконец, важнейшим недостатком определений случая, данных А. Пионтковским и другими авторами, яв-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР, М., 1949 г., стр. 67.

ляется отсутствие в определении указания на противоправный характер последствий.

Лишенное этого признака определение случая, прежде всего, не имеет вообще уголовно-правового характера. Формула «не должен был предвидеть и не предвидел» равно применима не только к любой области права (гражданскому праву, административному праву), но и к действиям, лежащим вообще вне области права. Каждый день случайности в смысле непредвидения последствий своих действий встречается в быту. Формула случая, лишенная указания на противоправный характер последствий, применима и к лицу, которое съело несвежую пищу и тяжело заболело. И такое лицо не предвидело и не должно было предвидеть последствий своих действий.

К тому же формула случая, лишенная признака противоправности последствий, выхолащивает материальную природу случая, его классово-политическое содержание. Формула «не должен был предвидеть» — это оценочная формула. Буржуазный и советский суд по-разному ответили бы по целому ряду дел на вопрос: «мог ли» обвиняемый предвидеть наступление результата.

Советское государство вправе предъявить своим гражданам такие требования предусмотрительности, бдительности, осторожности, дисциплинированности, которые буржуазное государство не может предъявлять к своим гражданам, ибо оно враждебно большинству из них по своей природе и не может ожидать от этого большинства высокой осмотрительности, идущей на пользу только господствующему большинству. Только введением в определение случая признака противоправности последствий понятию случая придается необходимое классово-политическое содержание, и понятие это становится не понятием «вообще», а понятием советского социалистического уголовного права.

Подводя итоги сказанному выше, мы должны установить, что для признания какого-либо события случаем для лица, причинившего это событие, необходимо сочетание следующих моментов:

1. Наличие причинной связи между действием лица и наступившим событием.

2. Отсутствие у лица обязанности предвидения наступления последствий.

3. Невозможность для лица предвидеть наступление последствий и

4. Противоправный характер последствий.

В соответствии со всем изложенным выше необходимо определить случай как такое отношение лица к своим действиям и их последствиям, при котором лицо это не должно было или хотя и должно было, но не могло предвидеть наступления противоправных последствий своих действий.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	<u>Стр.</u> 5
-----------------------	------------------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВИНА КАК ОБЩЕЕ ОСНОВАНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Введение	17
--------------------	----

Глава первая

Понятие и обоснование уголовной ответственности в советском социалистическом уголовном праве

§ 1. Понятие уголовной ответственности	21
2. Обоснование уголовной ответственности	31

Глава вторая

Вина как общее основание уголовной ответственности в советском социалистическом уголовном праве

§ 1. Вина как субъективная сторона состава преступления и вина как общее основание уголовной ответственности . . .	43
§ 2. Морально-политическая оценка при вине как общем осно- вании уголовной ответственности	75
§ 3. Степени вины	93

Глава третья

Вина в уголовном праве эксплуататорских государств	105
---	------------

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВИНА КАК СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОВЕТСКОМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Глава первая

Политическое значение умысла и неосторожности как элемента состава преступления

- | | |
|---|-----|
| § 1. Умысел и неосторожность как субъективная сторона со-
става преступления | 123 |
| § 2. Доказывание умысла и неосторожности | 133 |

Глава вторая

Вина как психический процесс

- | | |
|--|-----|
| § 1. Сознание как элемент вины | 139 |
| § 2. Воля как элемент вины | 143 |
| § 3. Чувства (эмоции) как элемент вины | 160 |

Глава третья

- | | |
|-----------------------------------|-----|
| Формы вины и их тяжесть | 166 |
|-----------------------------------|-----|

Глава четвертая

Умысел

- | | |
|--|-----|
| § 1. Морально-политическое (классовое) содержание умысла | 180 |
| § 2. Сознание как элемент умысла | 185 |
| А. Сознание виновным совершаемых им действий | 190 |
| Б. Предвидение виновным последствий предстоящего дея-
ния | 197 |
| В. Сознание виновным противоправности своих действий | 211 |
| § 3. Воля как элемент умысла | 234 |
| § 4. Специальные вопросы учения об умысле | 237 |

Глава пятая

Косвенный умысел

- | | |
|--|-----|
| § 1. Вопрос о целесообразности понятия косвенного умысла | 243 |
| § 2. Интеллектуальный и волевой моменты в косвенном умысле | 250 |
| А. Сознание при косвенном умысле | 251 |
| Б. Воля при косвенном умысле | 256 |

Глава шестая

- | | |
|--|-----|
| Преступления самонадеянности | 264 |
|--|-----|

Глава седьмая

Преступная небрежность

§ 1. Основания уголовной ответственности при преступной небрежности	275
§ 2. Должное поведение при преступной небрежности	282
А. Возможность должного поведения при преступной небрежности	284
Б. Объективный и субъективный критерии при преступной небрежности	288
§ 3. Степени неосторожности	296
§ 4. Специальные вопросы неосторожности	299

Глава восьмая

Случай	311
------------------	-----

Редактор *М. М. Левина*
Художник *А. А. Толоконников*
Техн. редактор *А. Н. Макарова*

✱

Сдано в набор 29/XI 1949 г.
Подписано к печати 14/III 1950 г.
Печ. л. 20. Уч.-изд. л. 17,4. В печ. л.
35200 зн. Формат бумаги 84×108¹/₃₂.
А 01279. Зак. 5568. Тираж 10 000.
Цена 9 р. 70 к.

✱

4-я тип. им. Евг. Соколовой Главполиграф-
издата при Совете Министров СССР,
Ленинград, Измайловский пр., 29.